

Анна Флатунова

СДЕЛКА

С

ДЖИШНОМ

Annotation

Чтобы спасти свою семью, я решилась на отчаянный шаг и заключила сделку с джинном. Загадывать желание джинну все равно что идти по лезвию ножа: никогда не знаешь, что получишь в итоге, ведь джинны коварны и злы на весь человеческий род. В глазах моего джинна бушует огонь, а в сердце – ненависть и страсть. Он мой раб. Или мой господин? Или тот, кого я люблю всей душой? Я узнаю это позже. Но сначала мне надо собрать три древних артефакта, попробовать поступить в академию магии, не имея магии, забраться в королевскую сокровищницу, обхитрить герцога, а главное, не попасться в руки моего жениха – убийцы моих родителей.

- [Анна Платунова](#)

- [*** 1 ***](#)
- [*** 2 ***](#)
- [*** 3 ***](#)
- [*** 4 ***](#)
- [*** 5 ***](#)
- [*** 6 ***](#)
- [*** 7 ***](#)
- [*** 8 ***](#)
- [*** 9 ***](#)
- [*** 10 ***](#)
- [*** 11 ***](#)
- [*** 12 ***](#)
- [*** 13 ***](#)
- [*** 14 ***](#)
- [*** 15 ***](#)
- [*** 16 ***](#)
- [*** 17 ***](#)
- [*** 18 ***](#)
- [*** 19 ***](#)
- [*** 20 ***](#)
- [*** 21 ***](#)

- *** 22 ***
- *** 23 ***
- *** 24 ***
- *** 25 ***
- *** 26 ***
- *** 27 ***
- *** 28 ***
- *** 29 ***
- *** 30 ***
- *** 31 ***
- *** 32 ***
- *** 33 ***
- *** 34 ***
- *** 35 ***
- *** 36 ***
- *** 37 ***
- *** 38 ***
- *** 39 ***
- *** 40 ***
- *** 41 ***
- *** 42 ***
- *** 43 ***
- *** 44 ***
- *** 45 ***
- *** 46 ***
- *** 47 ***
- *** 48 ***
- *** 49 ***
- *** 50 ***
- *** 51 ***
- *** 52 ***
- *** 53 ***
- *** 54 ***
- *** 55 ***
- *** 56 ***
- *** 57 ***
- *** 58 ***

- *** 59 ***
  - *** 60 ***
  - *** 61 ***
  - *** 62 ***
  - *** 63 ***
  - *** 64 ***
  - *** 65 ***
  - *** 66 ***
  - *** 67 ***
  - *** 68 ***
  - *** 69 ***
  - *** 70 ***
  - *** 71 ***
  - *** 72 ***
  - Эпилог
-

Анна Платунова
Сделка с джинном

Всему виной моя коллекция браслетов.

Мой брат Патрик долго ломал голову над тем, какой подарок сделать мне на совершеннолетие. Что подарить девушке, у которой есть все, чего она только может желать! Платья из ткани, в нити которой вплетено волшебство. Духи, чей аромат не только кружил голову, но и заставлял людей чувствовать рядом со мной радость, веселье и покой. Драгоценные украшения. Кареты и лошади.

Ничего не забыла? Ах да! Я любила балы и праздники, поэтому родители, хоть и ворчали, как это расточительно – устраивать званые вечера каждый месяц, – уступали моим просьбам.

Я обрадовалась бы любому подарку от брата, ведь дорог не сам гостинец – дорого внимание, но он хотел удивить меня.

– Улыбнись, маленькая сестренка, – сказал Пат, заглянув ко мне в покои ранним утром, и сам ослепительно улыбнулся.

Патрик встал на пороге комнаты, спрятав руки за спиной. Навсегда запомню, каким красивым он был в тот момент. Мой несносный, мой чудесный брат. Его проделки с самого детства заставляли родителей хвататься за голову.

– Он перерастет, – говорила мама и капала папе в рюмку успокоительные капли, когда Патрик в десять лет пытался объездить хряка.

Тогда он сломал ногу и несколько дней провел в постели, пока магическое заклятие, наложенное целителем, сращивало кость.

– Он остепенится! – утешал папа маму, размахивая перед ее носом флаконом с нюхательной солью, после того, как в двенадцать лет брат на спор вскарабкался по стене до окон четвертого этажа.

Ну как вскарабкался... Ему почти удалось! Патрик подтягивался на руках, цепляясь за камни кладки, а носки его остроносых сапог впивались в щели между камнями. И тут коварный булыжник не выдержал веса подростка и вылетел из стены, увлекая Патрика за собой.

Амулет левитации затормозил падение, но все равно брат знатно приложился лопатками о землю.

Каких только амулетов не носил мой брат. Это все благодаря маме: она постоянно повторяла, что ей куда спокойнее, когда Патрик одновременно таскает на себе обереги, защищающие от огня, воды, падения, отравления... Все и не перечислить. Пальцы Патрика унизаны кольцами, а на запястьях тонкие браслеты.

Но я отвлеклась! Итак, подарок к моему дню рождения и Патрик.

Брат первым пришел меня поздравить. Давно не стриженные светлые волосы локонами вились у лица, белозубая улыбка сияла. Патрик с утра нарядился в парадный темно-синий сюртук, но братишка умудрялся даже самые красивые и дорогие вещи носить так, будто их ценность ничего не значила. Небрежно расстегнутая верхняя пуговица и подвернутые до середины предплечья рукава превращали наследника графа в веселого сумасброда.

Я понимала, почему все девчонки без ума от Пата. Я сама его обожала. Мой брат был веселым, умным, добрым, хоть и совершенно безрассудным.

– Что же ты мне принес? – воскликнула я, когда Патрик появился на пороге, загадочно спрятав за спину руки.

– Угадай!

– Духи? Цветы?

Я в нетерпении прыгала вокруг брата, пытаюсь заглянуть ему за спину, тянула за рукава, но он со смехом уворачивался.

– Не скажу, пока не угадаешь!

– Драгоценности? Украшения?

– Уже теплее, маленькая сестренка!

– Браслет! – догадалась я. – Браслет для моей коллекции!

Я, в отличие от Патрика, не напяливала на себя по десятку браслетов одновременно, так, иногда надевала то один, то другой покрасоваться. Мои браслеты лежали на полках, защищенных магией от пыли, на бархатных подушечках. На видном месте – простой, но самый дорогой моему сердцу браслет, с которого и началась моя коллекция: браслет из ракушек, нанизанных на веревочку.

Его мне тоже подарил Патрик, когда мне исполнилось пять. В тот год мы с родителями единственный раз съездили на море. Ехали долго-долго, тряслись в карете неделю, я отбила себе все косточки, постоянно ныла и всем действовала на нервы. Но, как только увидела в

окне темно-синюю полосу бескрайней воды, а над ней светло-голубую полосу бесконечного неба, – сразу позабыла все печали.

Браслет из ракушек напоминал мне о счастливейшем лете в жизни.

Я росла, окруженная заботой, и на судьбу никогда не жаловалась: она баловала меня. По крайней мере, до тех пор, пока не наступил день моего совершеннолетия.

Чудовищный, жуткий день.

Да только в тот момент, когда брат протянул мне массивный золотой браслет, я знать не знала, что скоро моя жизнь встанет с ног на голову.

– Ух ты! – восхитилась я, принимая из рук Патрика невероятное украшение.

Таких редких вещей в мою коллекцию пока не попадало.

Явно варварская работа: браслет изготовили очень давно в далекой южной стране. Он был слишком большим, слишком громоздким, однако выделялась в нем какая-то дикая красота. В центре стояла кривоватая печать – бабочка. Ее крылышки чуть оплавилась, будто неведомый мастер не слишком-то заботился о привлекательности браслета, но почему-то очень торопился закончить работу.

Я собиралась примерить браслет на запястье, но Патрик остановил меня, взял за руку.

– погоди, Виви. Это не обычный браслет. Там внутри джинн.

– Чего? – хихикнула я. – Джинн? Серьезно?

Патрик кивнул. У меня отвалилась челюсть. Он серьезно! Мой любимый сумасброд совсем сбрендил – притащил настоящего джинна! Где только нашел!

Я знала лишь о нескольких магических сосудах с джиннами. Запечатанный медный кувшин хранился в Академии магии. Перстень – в частной коллекции герцога Алдона. Алмазный венец – в королевской сокровищнице.

И вот теперь... браслет... у меня!

– Ах! – сказала я и повисла у Патрика на шее, задохнувшись от чувств. – Это... это волшебство!

Похоже, у браслета из ракушек появился достойный соперник.

– Можно мне взглянуть на него хоть одним глазком? – спросила я, вертя в пальцах диковинную вещицу.

– На кого? На джинна?

Патрик неожиданно сделался очень серьезен. Взяв за оба запястья, он приблизил свое лицо к моему и заглянул в глаза.

– Вивиан, вот теперь без шуток: ты никогда не наденешь этот браслет и никогда не призовешь его пленника. Поняла? Это слишком опасно. Поклянись, или я заберу подарок!

– Эй, так нечестно! – пискнула я.

Наверное, во мне тоже есть частичка сумасбродства от старшего брата. Мне хотелось поглядеть на джинна. Да, эти создания коварны и опасны. Они только и ждут слов хозяина, чтобы тут же обернуть их против него. Джинны обладают огромной магической силой, к тому же они мстительные и жуткие существа. Все, чего они хотят, – погубить владельца.

Однако напасть не посмеют, всегда действуют хитростью.

– Он меня и пальцем не тронет, – попыталась я уговорить Патрика. – А я не пикну, стану молчать как рыба! Мне и желать-то нечего, у меня все есть!

И в подтверждение своих слов я развела руками, мол, погляди: кто я, где я живу. Чего мне еще хотеть?

Патрик молчал и хмурил брови. Он заграбастал браслет назад и теперь поигрывал им, перекидывая из ладони в ладонь. Патрик и хмурые брови – обычно несовместимые вещи. Я вздохнула.

– Ладно. Отдавай. Я положу его вот на эту красивую подушечку и буду любоваться издалека! Клянусь!

Пат сам водрузил подарок на свободное место, притянул меня и поцеловал в лоб.

– С днем рождения, сестренка. Вечером повеселимся как следует.

Да уж, вечером мы повеселились... Вспоминать об этом больно и страшно.

До бала в мою честь оставалось много часов, и я пока ничего не знала о том, что приготовила мне судьба.

Закрывая глаза, я снова на миг становлюсь той наивной девочкой, которую ожидала безбедная жизнь. Становлюсь графиней Вивианой Сюзанной Аделиной Арчер. Для брата – Ви или Виви, для родителей – Вианой.

...Наше имение называется Лунная Роза. В детстве я думала, что оно получило название из-за внешнего вида замка, стоящего на холме. Ночью стены и башни из светло-серого камня будто бы светятся серебристым отраженным светом луны.

На землях, принадлежащих моему отцу, есть леса, богатые дичью, на лугах пасутся отары овец, а поля засеяны пшеницей, рожью и ячменем. Я состоятельная наследница, желанная невеста. Теперь, когда мне исполнилось восемнадцать, родители вывезут меня в столицу на зимний сезон балов, его еще называют сезоном смотрин.

Возможно, еще до наступления весны я буду обручена... От этих мыслей бросает то в жар, то в холод. Кто мой будущий избранник? Видела ли я его прежде? Я знаю, что такова судьба всех дочерей – подчиниться воле родителей и не посрамить род. Мне бы никогда и в голову не пришло оспаривать их решение, лишь немного жаль, что в выборе мужа мое сердце и мои желания ставят на последнее место.

Веронику, подругу детства, летом выдали замуж за неопрятного старика. Вероника старше меня на год, поэтому раньше попала на сезон смотрин. Ее родители оказались не слишком-то переборчивы в женихах, а все потому, что бароны Энфилд не могли дать достойного приданого – выдали дочь за первого, кто сделал предложение.

Бедная Вероника. На свадьбу я не попала, но меня пригласили на званый ужин в честь помолвки. Ника сидела грустная, молчаливая, ее хорошенькое личико побледнело, а темные глаза, в которых всегда горели смешливые искорки, погасли. Еще бы! Рядом с ней восседал жирный лысый боров, иначе не назовешь. Время от времени он брал тоненькую руку невесты в свою потную лапищу, пальцы у него были толстые, будто свиные сардельки. Мою подругу передергивало от гадливости.

В своих родителях я уверена: они меня любят и не отдадут замуж абы за кого.

Может, моим избранником станет сын графа Дейтона – Адриан? Имение графа граничит с нашим, было бы славно объединить земли, правда?

Я слышала, что у отца какие-то неприятности с графом Дейтоном и с бароном Фарли, другим соседом, по поводу земель. Конфликт тянется еще со времен моего деда, то разгорается с новой силой, то спадает. Я в эти дела не лезу. Зачем? Родители сами во всем разберутся.

Кстати, и Дейтоны, и Фарли сегодня приглашены на бал. И Адриан Дейтон, конечно, тоже. Он обаятельный, симпатичный, на год старше Патрика. До сегодняшнего дня Адриан относился ко мне как к малышке: подшучивал, играл в настольные игры, в прятки и догонялки. Но как еще он мог себя вести с девчонкой, одетой в платье чуть ниже колен, с длинными рукавами, с закрытым декольте – в детское платье.

Возможно, сегодня что-то изменится? Я впервые выйду в свет, нарядившись в настоящее бальное платье. Его сшила столичная модистка – отец несколько раз возил меня на примерку в модный дом. Я ощущала себя совсем взрослой, когда сидела рядом с папой на мягком диване, пила кофе из крошечной чашечки и разглядывала журналы, ожидая, пока меня пригласят.

Платье дожидалось своего часа в гардеробе. Я выбрала фиолетовый цвет ткани: подол насыщенного пурпурного оттенка, а лиф нежно-цикламеновый, точно весенняя роза.

Адриан теперь посмотрит на меня другими глазами! Я больше не малышка, для развлечения которой устраивают детские вечера, я юная леди, готовая выйти в свет.

Завтракать пришлось в одиночестве. Мама распорядилась слугами, которые украшали парадный зал, делали уборку в комнатах, драили полы и лестницы. На кухне дым стоял коромыслом: с ночи кухарка с помощницами варили, жарили и тушили. Мой день рождения должен пройти идеально!

Любимая мамочка с утра не могла усидеть на месте. Она забежала на минутку в столовую, чтобы обнять и поцеловать меня, пообещала, что вечером меня ждет чудесный подарок, но мы едва перекинулись

парой слов, как мама заприметила в открытую дверь рыжую служанку, несущую ворох покрывал.

– Стой! Ты куда их несешь?

– В гостевые комнаты, – сонно откликнулась та.

Мама схватилась за голову:

– Да что же это такое! Ни на минуту невозможно ослабить контроль! Эти старые покрывала нельзя предлагать гостям!

Она быстро чмокнула меня в макушку и убежала.

Папа на рассвете телепортом отправился в столицу. Он хотел попасть на прием к королю, и, как я краем уха услышала, дело снова касалось тяжбы из-за земли. На этот раз граф Дейтон, или барон Фарли, или они оба, кажется, нашли убедительные доказательства того, что часть именина принадлежит кому-то из них. Или обоим! Как сложно вникать в эти политические дела! И скучно! Хорошо, что мне не придется этим заниматься никогда в жизни.

Я только надеялась, что небольшая размолвка не помешает Дейтонам и Фарли прибыть на праздник.

Патрик же, ранняя пташка, давно позавтракал, оседлал Рубина и отправился на прогулку верхом по Солнечному Лугу к обрыву над рекой Шумной. Он любил посидеть там, поразмышлять. Патрик не признавался родителям, но он писал стихи и говорил, что обрыв над рекой – лучшее место, где ему удастся отвлечься от проблем, которыми отец пытается забить ему голову. Патрику осенью предстоит учиться в Университете, а ему очень уж не хочется ехать.

Была бы его воля, он бы только и делал, что скакал на коне, писал стихи и посещал балы. Но что поделать – он будущий граф.

Неохотно прожевав тост, намазанный мандариновым джемом, и запив все травяным чаем, успевшим остыть, я задумалась, чем бы заняться. Помочь маме по хозяйству? Спасибо, нет, это я проходила! Мама лишь начинает сильнее нервничать, а заодно пытаться впихнуть в мой бедный разум массу ненужных сведений по управлению имением. У нее еще будет время меня всему научить.

Я поднялась в библиотеку, выбрала роман, очень модный этим летом, – все в столице читали его, обсуждали, а я почему-то не могла продвинуться дальше первой главы. На кожаной обложке было вытеснено название «Измена на крови».

Я вернулась с ним в спальню, но и теперь, промучившись полчаса, захлопнула книгу и рассеянно огляделась. Взгляд упал на новый экспонат коллекции.

Золотой браслет лежал на подушечке и загадочно светился в лучах утреннего солнца.

Неужели там, внутри, действительно спрятан джинн?

Я столько историй слышала про этих коварных созданий! В основном, конечно, страшных. Глупые люди до сих пор попадались на уловки джиннов. Надеялись так подобрать слова, чтобы исполнение желания не принесло им вреда.

Известен случай, когда баронесса Иви, бывшая владелица перстня, который теперь хранится у герцога Алдона, пожелала «всегда чувствовать себя молодой». И что бы вы думали! Джинн расхохотался и сказал: «Да будет так!» С тех пор у бедняжки баронессы начались проблемы с памятью: каждое утро она просыпалась, начисто забыв о предыдущем прожитом дне. В душе ей навсегда оставалось двадцать лет, ведь она ничего не помнила о прошедших годах. Грустное зрелище – древняя старуха в девичьем платье, с прической, какие носят молоденькие девушки.

По мне, так баронесса была не слишком умна!

От меня джинн желания не дожидается!

Но я ведь могу хотя бы как следует рассмотреть свой подарок?

Я оставила книгу и подошла к полке. Встала на цыпочки и начала вертеть головой, разглядывая украшение под разными углами.

Нет, ну неужели правда в таком маленьком предмете может скрываться грозный джинн? Как он там помещается? Что он чувствует, когда заперт? О чем думает? Может быть, там, внутри, крошечная комната с золотыми стенами, диванами и гобеленами?

Патрик бы определенно высмеял меня за такие мысли. Сказал бы, что мне надо читать меньше сказок!

Какие слова нужно сказать, чтобы призвать пленника? Насколько я помнила, строгих правил не существует. Нужно коснуться предмета, потереть или надеть, если это украшение, и сказать что-то вроде: «Раб браслета и того, кто владеет браслетом, появись передо мной».

«А что если Патрик просто подшутил надо мной? – пронзила меня внезапная мысль. – Подарил подделку и хихикает. Ведь я никогда не смогу проверить, есть ли там, внутри, джинн».

Я уже готова была поверить этой неожиданной догадке и разозлилась на Патрика. Ведь правда, где бы он смог отыскать такую редкую магическую вещицу?

Я смотрела и смотрела, не в силах отвести взгляд. Все остальные предметы в комнате будто отдалились, а браслет стал казаться еще больше. Мне чудилось легкое жужжание в воздухе, такое, как остается после того, как дернешь за натянутую струну, – звук уже затих, но его отголоски еще тревожат душу. Звук зудел, забираясь под кожу.

Я не заметила, как взяла браслет в руки и – не знаю, как так получилось, – защелкнула его на запястье. Он сел как влитой, будто бы на меня был сделан, и смотрелся весьма неплохо, несмотря на свой дикий и немного неказистый вид.

Губы против воли сложились в короткое слово: «Появись...» Уверена, я даже не произнесла его вслух. Или произнесла?

Ничего не произошло! Я резко выдохнула – то ли от облегчения, то ли от негодования.

– Ну, Пат... – начала было я, но меня прервал громкий смешок, который раздался за моей спиной.

Грубый, хриплый смешок, от которого по коже побежали мурашки и волоски встали дыбом.

– Ты будешь оборачиваться, хозяйюшка, или поджала хвост от страха? – развязно произнес глубокий мужской голос.

Голос звучал недобро. Ух как недобро!

Я стремительно развернулась, чтобы посмотреть на незваного гостя.

Мелькнула слабая надежда, что это Патрик. Шел мимо, увидел, что я не послушалась его, взяв браслет, и решил разыграть. Но грубый голос был совсем не похож на голос моего брата, да и сам визитер ничуть не напоминал шутника.

В двух шагах от меня высился незнакомый мужчина. Пряди смоляных волос опускались ниже плеч, падали на узкое лицо. Взгляд черных глаз обжигал, радужка была окаймлена по краю ярко-оранжевым цветом, отчего казалось, будто внутри мужчины бушует пламя, готовое в любой момент прорваться наружу.

Он был насколько высок, что моя макушка едва доставала до его подбородка. Широкие плечи обтягивала незнакомая одежда. Что-то вроде черного халата с серебряной и золотой вышивкой, завязанного на талии широким поясом. У шеи полы халата расходились, приоткрывая мощный торс.

Все это я успела увидеть за мгновение, прежде чем крепко-накрепко зажмурилась и выставила перед собой руку. Я помахала ею, шепча:

– Уходи, уходи, убирайся!

Гость снова хмыкнул.

– Неправильное распоряжение, зайчишка.

У меня от ужаса все смешалось в голове! Я никак не думала, что придется давать джинну распоряжения, и, конечно, заранее не подготовилась.

Не поднимая век, я начала отступать спиной к двери, чтобы убежать прочь из комнаты, позвать на помощь, но не сориентировалась и уперлась в стену.

– Неужели тупик? – ядовито поинтересовался джинн.

Наверное, примерно так выглядели дикие люди варварских племен, теперь полностью исчезнувших. Однако он говорил чисто, без акцента, даже не скажешь, что джинны – выходцы из далеких южных земель.

Я набралась смелости и, вздернув подбородок, распахнула глаза. И тут же взвизгнула, вжимаясь в стену: мы с джинном стояли нос к носу. Я отчетливо видела огненные точки в его зрачках, а ободок вокруг радужки напоминал солнечную корону во время затмения. Кожа его лица была гладкой и смуглой. На таком расстоянии стали видны и тончайшие белые шрамы на его шее, уходившие под воротник. А еще я почувствовала запах. От джинна пахло так, как пахнет в лавке приправ и специй. Когда я оказывалась там, мне казалось, я вдыхаю жаркий аромат самого солнца – аромат раскаленной пустыни и горьких сухих трав.

– Ты не смеешь меня тронуть! – выдавила я, стараясь придать голосу уверенности.

– Я тебя не трогаю, – насмешливо ответил он. – Не трогаю и пальцем.

В доказательство этого он поднес свою узкую ладонь к моей щеке и пошевелил длинными пальцами, чуть-чуть не касаясь кожи. Я ощущала движение воздуха рядом со своими губами, но джинн, коварное создание, действительно не дотрагивался до меня.

Однако и сдвинуться с места я не могла, так как он загородил мне путь.

– Пропусти!

– Неправильное распоряжение.

Он издевался надо мной! Я видела в глубине его глаз злое удовлетворение, уголки губ дрогнули в холодной ухмылке.

И, будто мало ему было моего ужаса, джинн наклонился еще ниже, почти уткнулся носом в ямочку под ключицей – как назло, легкая кофточка, которую я ношу поверх домашнего платья, расстегнулась и сползла, обнажив плечо, – и втянул ноздрями воздух.

– М-м-м, сладкая невинная зайчишка. Ландыш и яблоки...

Я с трудом сглотнула вязкую слюну.

Ни один мужчина не подходил ко мне так близко. Ни один мужчина не нюхал меня и не произносил таких оскорбительных вещей. Никогда и никто не смел так нагло смотреть и так нагло пахнуть специями! И выставлять напоказ свою голую мускулистую шею!

– Чего ты хочешь? – со страхом выдавила я.

Джинн неожиданно расхохотался. Смех его вовсе не был таким уж веселым, он тоже пугал меня до колик, но джинн хотя бы отодвинулся, и я смогла вздохнуть свободно.

– Чего я хочу? – переспросил он, выделив слово «я». – Чего ты хочешь? Разве не ты моя хозяйка, а я твой смиренный раб?

Вот уж на кого на кого, а на смиренного раба он вовсе не походил.

– Я ничего не хочу, – жалобно произнесла я.

Сама не понимаю, откуда в моем голосе взялись эти просительные ноты.

Джинн отошел на шаг и окинул меня холодным взглядом.

– Жалкие потомки лицемерных лжецов, – произнес он, как плюнул.

Я, дрожа, двинулась вдоль стены в сторону приоткрытой двери. Джинн равнодушно наблюдал за мной.

– Ты ведь понимаешь, что, пока на твоей руке браслет, ты от меня никуда не спрячешься? —поинтересовался он.

Я вцепилась в застежку, но она не поддавалась.

– А пока я вне браслета, снять его невозможно, – так же спокойно добавил джинн.

– Откуда ты только свалился на мою голову! – закричала я.

– Я? – нахально уточнил джинн. – Я раб браслета и того, кто владеет браслетом.

– Убирайся! Уходи! Проваливай! Как еще сказать?

Джинн скрестил руки на груди и изогнул бровь. Я так понимаю, подсказывать мне он не собирался. Я, тяжело дыша, уставилась на ужасного гостя, а он в ответ смотрел на меня. Игра в гляделки могла бы продолжаться бесконечно, но джинну она вдруг наскучила. Он обвел взглядом комнату, подошел к окну и выглянул наружу, не отодвигая занавесок.

– Какой сейчас год? – негромко спросил он.

– Шестьсот сорок пятый от Великого Исхода, – прошептала я.

Джинн на миг прикрыл глаза, лицо его закаменело, словно ему нужна была передышка, чтобы принять эту новость.

И я все сразу поняла: нет там, внутри браслета, никакой золотой комнаты. Пока джинна не призывают, он словно спит, ничего не чувствует, ничего не видит и не слышит. Сколько десятилетий, а то и столетий проносится, пока он заперт внутри?

Почему меня это должно волновать? Он – джинн, волшебное создание, время им безразлично!

Однако джинн вовсе не выглядел так, будто ему плевать.

– Еще полвека, – сказал он тихо, самому себе.

Тряхнул головой и оторвался от вида за окном. На что он там любовался? Там и смотреть-то особо не на что – сад и беседка.

– Что же, зайчишка, заключим договор? Я тебе скажу, как отправить меня обратно в браслет, а ты больше никогда! никогда! никогда меня не призовешь. Иначе пеняй на себя. Тебе говорили, что джинны коварны? Что мы только и ждем подходящего случая, чтобы разделаться с людишками? Так вот – это правда!

Джинн сейчас выглядел грозно. Он распрямился, глаза сияли черным пламенем, волосы развевались, будто от ветра.

Во все ни к чему было меня пугать! Я и так была напугана до полусмерти!

– Больше никогда! – пролепетала я.

– Хорошо. Скажи: «Я желаю, чтобы ты вернулся в заточение».

– Я желаю, чтобы ты вернулся в заточение! – выкрикнула я в тот же миг.

И... он исчез, будто не появлялся. Вот только что стоял – грозно сверкал глазами, – а теперь на этом месте пустота, лишь распрямляется примятый ворс ковра.

– Ф-фух... – выдохнула я, проведя трясущейся рукой по лбу, на котором выступили капли пота.

Потом, опомнившись, содрала с руки браслет и закинула его под кровать.

– Точно никогда! Никогда в жизни! – пробормотала я.

Как хрупки иногда бывают наши обещания...

Я выбежала из комнаты, сама не зная, куда бегу и зачем. Наверное, просто хотела увидеть настоящих живых людей и понять, что кошмар закончился.

Немногочисленные горничные, которых я встречала в коридорах, смотрели на меня и поспешно отводили глаза. Не знаю, о чем они думали, повстречав растрепанную, раскрасневшуюся и перепуганную дочь графа.

Правда, спустившись на два лестничных пролета, я почти успокоилась. Из малой гостиной доносились голоса родителей – вот кто мне сейчас нужен! Неважно, что они обсуждают, я не стану вмешиваться, тихонько зайду в комнату и посижу рядом.

Сквозь приоткрытые створки я слышала взволнованный мамин голос.

– Киллиан, значит, король так тебя и не принял! Ты ведь записывался на аудиенцию?

– Записывался, – подтвердил папа уставшим голосом.

Выходит, напрасно он с утра мотался телепортом во дворец, зря только время потратил.

– Мне это не нравится! Очень не нравится!

Сквозь небольшую щель я видела, как мама ходит туда-сюда по комнате, сцепив руки и прижав их к груди. Давно она не была так взволнованна.

– Киллиан, помнишь, я предупреждала, что мальчик еще припомнит обиду, когда вырастет и займет трон?

Папа что-то неразборчиво пробурчал. Была в нашей семейной истории постыдная страница, о которой стараются не упоминать вслух, а если и говорят, то шепотом.

Отца едва не обвинили в заговоре против короны. Правящий король Эдуард II внезапно скончался, а его сыну Карлу едва исполнилось семь лет. Я сама тогда была малышкой и ничего не помню. Как-то Патрик под большим секретом рассказал мне обо всем, что тогда происходило.

Часть аристократии, и в том числе мой отец, хотели видеть на троне не мальчика, а его дядю Альберта, который уже показал себя мудрым и талантливым лидером.

Как водится, свет раскололся на две части – сторонников и противников короля-ребенка. Кого-то убили, кого-то заточили на веки вечные в темницу. Страшные начались времена!

В итоге герцога Альберта захватили в плен и казнили. Многих его сторонников лишили дворянства и сослали вместе с семьями в далекие северные земли. Но нашему папе повезло: кто-то из приближенных юного Карла вступился за него. То ли друг детства, то ли дальний родственник. Папе пришлось отдать в казну фамильные драгоценности и редкие магические артефакты, но это лучше, чем если бы мы остались без имени и титула.

Да только теперь маме всюду мерещится желание Карла отомстить.

– Не волнуйся так, Элинор! Не будем портить нашей дочери праздник! – сказал отец.

– Но что если Дейтоны нашли лазейку в законе? И все-таки сумеют оттяпать у нас кусок земель? А Карл не станет вмешиваться! Может быть, они и ему что-то пообещали! Говорят, казна королевства опустошена после неурожая прошлого года.

Папа встал на дороге нервно вышагивающей мамы и заключил ее в объятия. Стал гладить по голове, как маленькую. Она сначала отпихивала его руки и вырывалась, но потом сдалась и положила голову папе на плечо.

Родители такие смешные. Забавно наблюдать за ними, когда они думают, что их никто не видит. Ведут себя, будто им самим по двадцать лет. В такие моменты я замечала, как сильно Патрик похож на отца. Наверное, граф Киллиан Арчер в юности тоже любил почудить. Иногда я вижу в улыбке папы дерзость и сумасбродство Патрика.

– Дейтоны и Фарли – наши соседи и давние знакомые. От куска земли, конечно, не откажутся, но будут действовать через суд. Нашли доказательства? Пусть предъявят. И все это, как обычно, станет тянуться годами. Успокойся, Элинор, еще на век Патрика хватит всей этой судебной волокиты.

– Ох, Патрик... Он меня волнует, Кил! – Мама оседлала любимого конька. – Его не интересует ни юриспруденция, ни экономика. Он до

сих пор не определился, на какой факультет собирается поступать. Представляешь, вчера заявил мне, что хочет поступить в магическую академию. А ведь в нашем сыне нет ни капли магии!

Я прыснула. Патрик просто подтрунивал над родителями, специально злил их. Когда-то он всерьез сказал, что хочет попасть на факультет изящной словесности, чтобы стать писателем, но папа высмеял его, а мама разрыдалась. Теперь Пат о писательстве не заговаривал, но тянул с выбором до последнего.

Я решила: если разговор зашел о Патрике, можно войти в гостиную.

– Я бы тоже хотела поступить в магическую академию! – сказала я, появляясь на пороге комнаты.

Увидев округлившиеся мамины глаза, я рассмеялась.

– Шучу, мам, какой из меня маг. Пап, как слетал на прием?

Я уже знала, что король дал папе от ворот поворот, но не могла ведь я признаться, что подслушиваю. Отец отмахнулся:

– Карл занят. Как обычно. Не забивай свою прелестную головку этой ерундой! Лучше скажи мне: ты готова повеселиться?

– Да-а-а! – воскликнула я и повисла у папы на шее.

Он закружил меня, обхватив за талию, потом осторожно поставил на пол и, взяв за плечи, залюбовался.

– Моя взрослая дочь! Подумать только!

Я захихикала, покраснев. Вернулись мысли о том, что еще немного – и меня представят ко двору, а после на всех зимних балах я уже буду появляться как невеста на выданье.

– Дейтоны ведь приедут?

– Приедут, – кивнул папа, быстро переглянувшись с мамой.

Я, в отличие от мамы, вовсе не волновалась из-за таких глупостей, как судебные тяжбы. Да пусть даже забирают кусок земли, не жалко. Если я выйду замуж за Адриана, за мной и так отдадут часть имения – Солнечный Луг, пруд и лесок за прудом, что тянется как раз до соседских владений. Так есть ли из-за чего беспокоиться?

Раздался удар гонга – сигнал к обеду, – и мама едва не подпрыгнула на месте.

– Что? Неужели уже два часа дня? Какой кошмар! Мы ничего не успеваем!

Конечно, мама сгущала краски. Званный вечер начнется только в шесть!

До конца моей прежней жизни оставалось пять часов...

Ловкие руки Бетси прядь за прядью превращали мои беспорядочные локоны в высокую прическу, как у истинной леди.

– Вы только посмотрите, как вам к лицу, – щебетала горничная. – Такое у вас личико нежное, ну просто как у фарфоровой куколки! Налюбоваться не могу! Ведь будто еще вчера в одной рубашонке по дому бегали, а теперь превратились в настоящую красавицу!

– О, Бетси... – Мои щеки зарделись от смущения. – Ты преувеличиваешь.

– Нет, вовсе нет! Гости, как увидят вас, так в обморок все и попадают от восхищения!

Я представила, как в зал один за другим заходят гости, видят меня, хватаются за сердце и, упав как подкошенные, складываются в аккуратные кучки. Картинка была до того потешная, что я рассмеялась. Разулыбалась и Бетси.

– А молодой Дейтон будет? – спросила она. – Уж такой красавчик.

– Собирался прийти, – ответила я, опустив взгляд.

Бетси, заметив мое смущение, тут же увела разговор дальше, интересуясь, сколько всего будет гостей и останутся ли они ночевать.

– Дейтоны и Фарли точно будут. Коннорсы, Бейли и Леманы должны прибыть из столицы телепортом, – начала перечислять я. – Знаю, не очень много гостей, но ничего. Впереди еще столько балов!

Доброе веснушчатое лицо Бетси расплылось от умиления.

– Счастливица вы моя! Сердце радуется, на вас глядя!

Чтобы нарядить меня в бальное платье, пришлось позвать на помощь вторую горничную. Лиф так плотно стянул грудь, что я едва могла вздохнуть, зато платье село идеально. Сафьяновые туфельки, тонкие кружевные перчатки и аккуратный кулон с сапфиром завершали образ.

Служанки в четыре руки поправляли выбившиеся из прически пряди, когда раздался стук в дверь.

– Нет ли здесь одной симпатичной девчонки, которой сегодня исполнилось восемнадцать лет? – весело спросил Патрик. – Я пришел, чтобы отвести ее на бал.

Хотелось запрыгать от радости, но я теперь не ребенок! Пора учиться ходить медленно и степенно. Однако, пройдя два шага, я не выдержала и вприпрыжку побежала открывать.

– Есть! – крикнула я.

Никогда не забуду лицо брата, когда он увидел меня в первый раз со взрослой прической, в бальном платье. Он обычно смотрел на меня со снисходительной нежностью, я была для Патрика «малявкой» и «стрекозой», младшей сестренкой, которую надо защищать и над которой можно подшучивать. Но когда я появилась на пороге, обычная дурашливая улыбка сползла с его лица. Пат пару раз быстро моргнул, словно проверял, что глаза его не обманывают.

– Ух! – сказал он, похоже, растеряв все слова. – Ого!

Но замешательство брата длилось недолго.

– Признавайся, ты загадала джинну желание затмить сегодня на балу всех остальных девушек, – шутливо сказал он.

Лучше бы он не упоминал джинна! Я тут же вспомнила, что браслет так и валяется под кроватью, а если Патрик сейчас посмотрит на полку и не обнаружит подарка на обычном месте, он обо всем догадается.

Поэтому я поскорее взяла его под руку.

– Гости уже прибывают? – спросила я, уходя от скользкой темы.

– Да, ждут в гостиной и хотят поприветствовать тебя!

Весь первый этаж дома был украшен цветами в честь моего дня рождения. Мне посчастливилось родиться в конце августа, когда георгины, астры и хризантемы раскрашивают сад в яркие цвета. Клумбы оставались пышными даже после того, как садовники срезали цветы к сегодняшнему торжеству.

Прибывших гостей провожали в большую гостиную, где для них приготовили стол с закусками. Я издали услышала шумные веселые голоса и замерла на месте, закусив губу.

– Волнуешься, маленькая сестренка?

Брат ласково накрыл ладонью мою руку, лежащую на сгибе его локтя.

– Я с тобой. Я всегда буду с тобой, стрекозка.

Я набрала в грудь побольше воздуха, насколько позволял тесный корсет, и заставила себя улыбнуться. О чем переживать? Подумаешь,

первый взрослый бал, первое взрослое платье, это ведь все равно я – та самая Вивиан, которую все хорошо знают.

Пока я собиралась с духом, в коридоре, идущем от пристройки с телепортом, появилось семейство Бейли, сопровождаемое лакеем. Виконт Бейли, его жена леди Арина и две их дочери – Камилла и Талия.

– Виви! – позвала меня Талия.

Они с сестрой бросились навстречу и закружили меня, разглядывая наряд и наперебой нахваливая ткань и покрой.

– Ну-ну, девушки, вы совсем смутили нашу именинницу! – урезонил дочерей лорд Бейли. – Но должен признать, что ты, моя дорогая Вивиана, выглядишь потрясающе.

Смеясь и разговаривая, мы вошли в гостиную, заполненную людьми. Семья Бейли прибыла последней, остальные приглашенные уже собрались. Патрик подвел меня к родителям и отошел.

Я встала между папой и мамой, готовая принимать поздравления. Щеки пылали, дыхание теснилось в груди. Было одновременно и боязно, и радостно. Я обвела взглядом помещение, сама не зная толком, кого выискиваю, но заметила Адриана, стоящего у камина с бокалом вина в руке, в тот же миг поняла, что именно его хотела увидеть, и сразу успокоилась.

Он тоже посмотрел на меня. Я улыбнулась, он, помедлив мгновение, улыбнулся в ответ и отхлебнул из бокала. Вид у него сделался отстраненный и задумчивый.

Из-за его секундного замешательства я тут же начала терзаться глупыми мыслями: «Наверное, я ошиблась. Адриан с удовольствием общался со мной, пока я была ребенком, но сейчас я взрослая девушка. Может, я ему совсем не нравлюсь. Зачем я ему первая улыбнулась? Теперь он думает, что я липучка. Больше нельзя на него смотреть. Ну вот, я снова на него посмотрела!..»

Гости подходили по очереди, чтобы поприветствовать меня. Через некоторое время начало казаться, будто я объелась меда: так сладко стало от поздравлений. Мол, свет давно не видел таких красавиц и умниц, и мой будущий муж станет самым счастливым человеком на земле, и я несомненно послана родителям в награду за их добродетель.

– А я-то был уверен, что ты была послана нам всем в наказание, – чуть слышно шепнул Патрик и вручил мне фужер с игристым вином. –

Ух, каким же ты была маленьким нытиком!

Я шлепнула его по плечу и хихикнула. Брату всегда удавалось разрядить обстановку.

Граф Дейтон и барон Фарли стояли у стены, рядом со столиком, загроможденным подарками, и что-то обсуждали, сблизив головы. Кольнула неприятная мысль, что нерешенный вопрос о землях все-таки испортит мне праздник, но тут оба отца семейства опомнились и подошли, чтобы поздравить меня с совершеннолетием.

Напрасно мама переживает! Нашим добрососедским отношениям ничто не навредит.

Последним подошел Адриан. Он будто специально выжидал. Хотел меня помучить? Я слышала, взрослые парни любят эти игры, чтобы привлечь девушку. Нужно вести себя то холодно и отстраненно, то дружелюбно и весело. Я просто никак не предполагала, что человек, которого я знаю с детства, станет оттачивать на мне «искусство любви». Так, кажется, называют это в свете?

Как многому мне еще предстоит научиться! Как боязно выходить во взрослую жизнь.

– Ну, вот и ты, – сказал Адриан.

– Вот и я... – растерянно подтвердила я.

– Больше не ребенок.

– Да, я знаю...

Какой необычный у нас разговор.

У Адриана дернулся уголок губ. Он быстро наклонился к моей руке, чтобы скрыть странное выражение лица.

– Все вальсы – мои, – твердо произнес он, когда распрямился. – Особенно последний.

Он кивнул и стремительно отошел, оставив меня с трясущимися руками и звенящей пустотой в голове. Что он имел в виду, говоря о последнем вальсе? Считается, что кавалер приглашает даму на заключительный тур вальса, если окончательно определился с выбором.

Значит ли это, что Адриан собирается в скором времени сделать мне предложение? Руки в перчатках вспотели, над губой тоже выступили крошечные капельки пота.

Патрик внимательно посмотрел на меня, словно спрашивал взглядом, не нужна ли помощь. Я едва заметно качнула головой: «Все в

порядке, я справлюсь!»

– Приглашаем дорогих гостей пройти в зал! – У входа в гостиную появился распорядитель бала.

В подтверждение его слов раздались первые такты общего обязательного танца – лунарии.

Вот и хорошо, начну танцевать и успокоюсь. Адриан рано или поздно раскроет свои планы относительно меня, а то, может, он просто дурачится.

Лунарию обязаны танцевать все гости, даже почтенные отцы и матери семейств – таковы правила. Да его и танцем-то сложно назвать: пары степенно сходятся и расходятся под музыку, зато одышка никому не грозит.

Мы с Патриком шли первыми. Брат твердо держал мою руку, и его уверенность постепенно передалась мне. Когда отзвучала последняя нота, от волнения не осталось и следа, я и вспомнить не могла, из-за чего распереживалась.

– «Вальс золотистых листьев»! – объявил распорядитель бала следующий танец.

Пат, стоящий рядом, поклонился, собираясь снова пригласить меня, но Адриан его опередил, стремительно появившись из-за спины. Он держал обещание приглашать меня на все вальсы.

– Дружище! – Он хлопнул Патрика по плечу. – Позволь и мне танцевать с нашей прелестной хозяйкой бала.

Пат демонстративно отряхнул плечо – он не любил фамильярностей – и сдержанно сказал:

– Если Вивиан не против.

– Я... – В горле пересохло, и голос прозвучал сипло. – Я согласна.

Патрик уступил место Адриану, и тот решительно принял мою ладонь. Вторую руку положил на талию и умело повел за собой в танце. Вальсировал он великолепно, с таким партнером не надо задумываться о поворотах, не нужно считать шаги – а я, признаюсь, довольна неуклюжа в этом.

– Я ведь тебя не поздравил, Виви, – негромко сказал Адриан, склоняясь с высоты своего роста к моей голове. – Обомлел от твоей красоты. Но это меня не извиняет!

О! Так он обомлел от красоты! Это его извиняло, да еще как, но вслух я пролепетала только:

– Ничего страшного. Я сама очень рассеянна сегодня.

Снова сделалось жарко, кровь бросилась к лицу.

– Ты уже не ребенок, Вивиана. Сегодня я увидел, как ты расцвела, и я... Тебе нехорошо, Ви? – Адриан заметил красные пятна на щеках и

запнулся на полуслове. – Выйдем подышать свежим воздухом. Держись за меня.

Патрик проводил нас настороженным взглядом, когда мы шли мимо него к открытой двери на террасу. Ему не нравилось, что мы с Адрианом останемся наедине: теперь я не малышка, и разговор с молодым мужчиной без свидетелей может меня скомпрометировать.

Брат двинулся следом, но я, обернувшись, качнула головой. Он еще сильнее нахмурился, однако уступил. Столько забот с младшей сестрой! Вместо того, чтобы самому веселиться и отдыхать, Патрик теперь будет караулить меня у входа.

На террасе было прохладно, неярко горели магические светильники, стоящие рядом со скамейками, на которых были разложены подушечки и пледы. Из приоткрытых дверей приглушенно доносилась музыка, но так тихо, что не мешала разговаривать вполголоса.

Мы прогулялись до самого края террасы, где Адриан усадил меня на скамейку и укутал в теплую ткань. Я улыбнулась, узнав те самые пледы, которые забрала мама, – вот и им нашлось применение.

Лорд Дейтон примостился рядом и, отыскав мою ладонь в складках материи, пожал ее. Он сидел так близко, что я слышала его дыхание.

– Ты дрожишь? – спросил Адриан и накинул на мои плечи еще один плед. – Замерзла?

Я дрожала. Но не столько от холода, сколько от смутения. Адриан ведет себя со мной так, будто моя судьба решена, – задрожешь тут.

– Ты уже не ребенок... – повторил лорд Дейтон и добавил: – Даже жаль...

Я вскинула удивленный взгляд.

– Почему жаль?

– Да потому, что взрослая жизнь, Виви, таит в себе много сюрпризов, – ответил он, перебирая мои пальцы. – Иногда очень неприятных сюрпризов.

– Неприятных? – переспросила я, окончательно запутавшись.

Необычное начало разговора. Я думала, Адриан привел меня на террасу, чтобы поговорить о серьезности своих намерений, а он, хоть и держал меня за руку, не выглядел влюбленным. Наоборот, хмурился, словно думал о чем-то невеселом.

Он вынырнул из размышлений и улыбнулся.

– Скажи, Ви, ты ведь как единственная дочь графа зачарована на рождение первенца-мальчика?

Вопрос меня просто оглушил. Да, действительно, когда мне исполнилось двенадцать лет, отец отвез меня к именитому столичному магу, который работал с аристократами. От клиентов отбоя не было, хотя маг использовал всегда два-три самых ходовых магических плетения: зачаровывал девочек, чтобы после замужества первым у них всегда рождался мальчик, наследник.

Что и говорить, это избавляло от многих проблем в будущем. Ведь если в семье появятся только дочери, то имение и земли отойдут к ближайшему родственнику мужского пола. Кому это надо?

Меня тоже зачаровали, конечно.

Но как Адриан мог выпрашивать о таких деликатных вещах, еще не заикнувшись о предложении? Решает, не прогадает ли?

Сделалось гадко и тревожно.

– Вернемся в зал? – предложила я, оглядываясь и надеясь разглядеть шевелюру Патрика, маячившего у входа.

– погоди, Ви. – Адриан держал крепко. – Я не хотел оскорблять тебя. Это важно. Просто ответь.

– Да! – бросила я. – Будто ты ждал другого ответа.

– Отлично! – сказал Адриан, даже не пытаясь скрыть радость.

Я смотрела на него во все глаза и не могла поверить, что лорд Дейтон окажется настолько бесцеремонным. Вот он – первый неприятный сюрприз.

– Проводи... – начала было я, но не успела закончить.

Адриан надвинулся на меня, заставляя запрокинуть голову, взял мое лицо в ладони и накрыл рот поцелуем.

Я не сопротивлялась, настолько я оторопела. Меня никто никогда не целовал, и я не ожидала, что это случится здесь и сейчас. Какое-то безумие! Адриан прежде так не поступал. Какая муха его укусила? Мне он всегда нравился, но сейчас я чувствовала скорее страх, чем восторг.

Адриан вел себя так... по-хозяйски! Будто уже стал моим мужем и ему не нужно спрашивать разрешения взять то, что принадлежит ему по праву.

Он надавил языком, заставляя губы раскрыться, и погрузил его в меня, целуя так страстно и жадно, что у меня на глаза навернулись слезы. Я вцепилась в плечи Адриана, пытаюсь оттолкнуть от себя, но он не обратил внимания на мои попытки.

От Адриана пахло вином. Сколько он успел выпить?

Наконец, когда я почти задохнулась, он выпустил меня из объятий. Скользнул властным взглядом по моему побелевшему лицу – он продолжал держать его в ладонях, и я застыла, опасаясь, что поцелуй возобновится.

Адриан обвел подушечкой большого пальца контур моих припухших приоткрытых губ.

– Поздравляю с началом взрослой жизни, Виви, – хрипло сказал он.

Я смотрела на Адриана и не понимала, что чувствую. Он мне все еще нравится? Или я его боюсь?

Теперь, после случившегося, он обязан просить моей руки. Я ждала предложения и лишь потому не убежала в зал под защиту Патрика.

Ух, если он узнает, что сделал Адриан, он его просто порвет на части!

Человек, которого я любила вот уже три года, или мне казалось, что любила, изящно поднялся на ноги и помог мне встать.

– Возвращайся на праздник, Ви, – сказал он. – Повеселись.

– А ты?..

Он не собирается меня проводить? Что происходит?

– Повеселись, Ви, – повторил он вместо ответа на вопрос. – Впереди долгая ночь.

Адриан улыбнулся и, сбегав вниз по ступеням с террасы, отправился в темноту.

Патрик нашел меня на террасе спустя несколько минут. Я сидела, вцепившись в подушечку, и переваривала случившееся.

– Вот ты где, стрекозка! – весело воскликнул он, но потом разглядел в темноте мое лицо. – Что-то случилось? Где Адриан?

Я неопределенно махнула рукой в сторону росших вдоль подъездной аллеи деревьев.

– Он пошел освежиться. А я... тоже не хочу возвращаться в душный зал.

Пат бухнулся рядом, вытянул ноги, и, задрав голову, залюбовался яркими звездами. Молчал-молчал, а потом выдал:

– Знаешь, Ви, Адриан никогда мне не нравился. Он лицемерный кусок де... Хм... Я хотел сказать – лицемерный паршивец.

Я, вздохнув, примостила голову брату на плечо. Как все запуталось за один только вечер! Еще утром я обмирала от счастья, представляя, как буду танцевать с Адрианом. О поцелуе и мечтать не смела, разве что о нежном пожатии руки. Но вот поцелуй свершился, а я совсем не была счастлива. Почему так?

– Ви, я давно хотел тебе сказать, – продолжил Пат. – Ты теперь взрослая девушка...

Я напряглась. Неужели с наступлением взрослой жизни, как и обещал Адриан, начнутся неприятные сюрпризы?

– Ви, знаю, ты ни за что не захочешь огорчить родителей непослушанием, но иногда, поверь мне, вовсе не обязательно подчиняться им во всем! Жизнь такая сложная и прекрасная штука. Не обязательно выходить замуж за человека, на которого укажут, рожать детей и заниматься хозяйством. Ты слишком уж покорная дочь, Виви.

Если бы Патрик сейчас сказал, что Луна упадет на Землю, я и то удивилась бы меньше! Вот это новости. Пат упрекает меня в том, что я не спорю с родителями и всегда делаю то, о чем меня просят? Обычно за это не ругают!

– Пат! – возмущенно воскликнула я. – Но как иначе! Я должна выйти замуж! Уверена, что родители подберут мне подходящего жениха!..

Вздых брата, переходящий в стон, отбил всякое желание продолжать.

– Ты безнадежна, Ви. Оглянись вокруг, сколько всего интересного ты можешь упустить! За стенами нашего имения совсем другая жизнь! Ты могла бы поступить в академию...

– Что мне там делать? – спросила я резче, чем хотела. – Я не собираюсь учиться!

– Я хочу жениться, – передразнил меня Пат.

Я шлепнула его по руке.

– Я не знаю, чего я хочу... – призналась я, помедлив.

– Никаких желаний, значит?

– Угу...

– По крайней мере, пообещай мне, что не выйдешь замуж за этого хлыща!

Это он про Адриана? Ох...

– Поздно, – прошептала я.

Только что Патрик любовался небом, покачивал носком ботинка, но после моего признания он резко сел и, взяв меня за плечи, оглядел от макушки до пят. Зацепился взглядом за подушку, которую я прижимала к животу. Он так крепко сжал скулы, что они побелели.

– В смысле «поздно»? – Голос брата звучал жестко, но он тут же смягчил его. – Стрекозка, что эта тварь...

– Мы целовались! – выпалила я. – Теперь он должен просить моей руки!

Патрик всмотрелся в мое лицо, крепко обнял меня и расхохотался.

– Целовались! Ты меня испугала, Ви. Я невесть что подумал. Поцелуи – это ерунда. Возможно, ты удивишься, но никто не делает предложения руки и сердца после поцелуя.

Сделалось неприятно. У меня сегодня прямо вечер открытий. Я оттолкнула Патрика и скрестила руки на груди.

– Еще посмотрим!

– Ты хочешь провести с этим человеком всю жизнь, Ви? – тихо спросил Патрик.

– Да! Нет... Не знаю...

Патрик мягко улыбнулся.

– Это просто детская влюбленность, Виви, это пройдет. Я надеюсь, Адриан поцеловал тебя не против воли?

Много раз потом, вспоминая наш разговор, я пыталась представить, что было бы, расскажи я брату правду. О странных вопросах Адриана, о его грубости. Что если тогда еще можно было все изменить и маятник моей судьбы качнулся бы в другую сторону?

Но я, обидевшись на брата, ответила:

– Он отлично целуется, Пат!

Брат невесело хмыкнул:

– Куда ты дела мою младшую сестренку, незнакомка?

И тут же прижал палец к губам и вгляделся в темноту. Мне тоже показалось, что в саду раздался шум, а в конце подъездной аллеи мелькнула тень.

– Да просто кошка, – пожала я плечами.

– Крупновата для кошки. Я пойду проверю...

– Патрик, не ходи! У меня день рождения, а все разбегаются! Адриан ушел, теперь ты! С кем мне танцевать, с этим жирдяем Филиппом? Папа только недавно обновлял охранные амулеты на ограде, никто не зайдет, если не открыть ворота изнутри!

Патрик пару мгновений колебался, потом уступил и пошел следом за мной.

После разговора с братом мне стало легче на душе. Зачем, правда, торопиться с замужеством? Может, Адриан совсем не тот человек, который мне нужен.

Пока нас не было, веселье зашло на новый круг. Отплясывали не только сестры Бейли, толстяк Филипп Коннорс и Август Леман, которому едва исполнилось шестнадцать, поэтому все звали его «малым». Подумать только, теперь я считаюсь взрослой, а он все еще ребенок! Танцевали даже родители, словно вспомнив, что недавно были молодыми. Тучный барон Коннорс – сразу ясно, в кого пошел сынок, – кружил в вальсе жену, а худощавый виконт Бейли пригласил мою маму.

Только старшие Дейтоны и Фарли не принимали участия в веселье, стояли у стены и напряженно поглядывали на двери, ведущие на террасу.

Закуски на столе заканчивались, слуги не успевали уносить пустые бутылки из-под вина и лимонада. Приглашенные музыканты выбивались из сил, наигрывая быстрые мелодии.

Я рассмеялась, охваченная счастьем.

– Наступило время «Каскада», – возвестил распорядитель бала.

Каскад – заключительный танец, который может длиться час, два, а то и больше. Это танец-игра, когда танцующие должны исполнять особенные фигуры, а их бессчетное количество. Я сама иногда путалась, что делать в «Пирамиде», а что в «Полете бабочек». Хорошо, что родители с малых лет устраивали званые вечера: в сезон невест я не буду выглядеть провинциалкой-неумехой.

– Мышеловка! – объявил распорядитель первую фигуру.

В зал вошли слуги с корзинами, в которых лежали ленточки с закрепленными на них бубенцами. Мужчины обвяжут ленточки вокруг руки каждой леди, чтобы найти их даже с закрытыми глазами, ведь мы станем танцевать в темноте.

Я огляделась в поисках Адриана, но он так и не появился в зале. Так-то он выполняет обещания насчет последнего вальса? Патрик вытащил из пестрой мешанины фиолетовую, под цвет моего платья, ленту и завязал мне на запястье.

– Сколько свечей оставить, ваше сиятельство? – обратился распорядитель бала к отцу.

Чем меньше света, тем интереснее.

– Сколько, Ви? – спросил меня папа.

– Пять! – ответила я.

Свет магических светильников медленно погас, и зал погрузился в темноту. Слабое мерцание огоньков едва разгоняло ее.

Смычки тронули струны скрипок и виолончелей, и под потолок взлетела нежная мелодия. Фигура Патрика в мерцании свечей превратилась в широкоплечий силуэт, отсветы пламени искрами вспыхивали на пуговицах сюртука, белокурые волосы и сами как будто немного сияли.

Пат взял меня за руку и повел по кругу. Таинственно и тихо ступали другие пары, позвякивали бубенцы на руках дам. В полумраке я не могла различить танцующих, угадать можно было разве что толстяка Филиппа. Или это его отец?

Гости причудливо отражались в зеркалах, так что через некоторое время стало казаться, будто их стало в два раза больше.

Внезапно пронзительно взвизгнула скрипка, смолкла, словно захлебнулась. Кто-то вскрикнул от боли. В одно мгновение стихли инструменты. Испуганный мужской голос умоляюще произносил слова, но их невозможно было разобрать.

Пары застыли на месте, озираясь. Никто не понимал, что происходит. Патрик притянул меня к себе, обнял одной рукой за плечо. В другой блеснул металл: брат всегда носил у пояса длинный кинжал.

– Свет! – крикнул мой отец. – Включите свет!

Магические лампы под потолком разгорелись медленно, будто неохотно. Зажглись не все, зал по-прежнему был тускло освещен. Но и этого света оказалось достаточно, чтобы рассмотреть ужасающие подробности.

Перепуганные музыканты сидели над нотами, подняв руки. Скрипач, опустив инструмент на колени, зажимал глубокую царяпину на шее – сквозь пальцы выступала кровь. Он, выпучив глаза, смотрел на человека в пыльном плаще и черной маске, который поигрывал в воздухе мечом, будто готовясь нанести еще один удар. На этот раз смертельный.

– Никому не двигаться! – крикнул он.

Человек в маске был не единственным в зале. Оглядевшись, я насчитала по меньшей мере десяток. Они ходили между гостей,

отбирая у мужчин оружие, бесцеремонно хватая женщин за подолы платьев, заставляя их вскрикивать и шарахаться.

Разбойники! Как они попали в имение, защищенное охранными амулетами?

Патрик, спрятав до поры кинжал под плащом и прижав меня к груди, начал шаг за шагом отступать к двери в коридор.

– Что вам нужно? – спросил отец, побледневший, но не растерявший достоинства, и тихо обратился к маме, прижавшейся к его руке: – Не волнуйся, дорогая, этим людям нужны только деньги. Они получают их и уйдут.

– Пат... – выдавила я дрожащим голосом.

– Ш-ш-ш, стрекозка, – прошептал он, наклонившись к моему уху. – Я рядом. Я не дам тебя в обиду.

Растерянные мужчины как могли оберегали своих дам. Даже малой Август Леман, у которого дрожали губы, заслонил узкой спиной рыдающую Талию.

Была во всем этом лишь одна странность, не сразу бросающаяся в глаза. Когда сердце, летящее галопом, чуть-чуть успокоилось, я заметила, что зале нет ни Далилы Дейтон, матери Адриана, ни Изабеллы Фарли – жены виконта. Почудилось, будто край алого атласного платья Изабеллы мелькнул за окном, выходящим на террасу.

Граф Дейтон стоял, сунув руки в карманы брюк, и осматривал зал отнюдь не как пленник. И ни один разбойник не отобрал его саблю, болтающуюся у пояса. Граф улыбался, наклонив голову набок, отчего стал походить на воинственного петуха, и ждал, пока мужчины сложат оружие.

Отец, выругавшись – я вздрогнула от его сурового тона и от слов, которых он никогда не произносил в моем присутствии, – бросил на пол кинжал.

Пат, после того как в его грудь уперлось острие меча, поднял обе ладони вверх, показывая, что безоружен: он умудрился запихнуть кинжал за пояс моего платья, пока я прижималась к нему спиной.

Отец безотрывно сверлил взглядом самодовольное лицо графа Дейтона, своего ближайшего соседа и, как мы все думали, хорошего знакомого. Кажется, он, как и я, начал догадываться, кто стоит за нападением.

Неужели Адриан с ним в сговоре? Сколько я ни оглядывалась, я не могла увидеть среди толпы наследника графа.

Так как никто из разбойников не ответил на вопрос отца, он, сузив глаза, обратился к графу Дейтону:

– Видимо, ты тот человек, которого я должен спросить: чего тебе нужно?

Томас Дейтон вскинул голову и резко захлопал в ладоши. В тишине, где раздавались лишь испуганные вздохи да редкие всхлипывания, звук аплодисментов прозвучал подобно пушечному выстрелу. По телу пробежал озноб. С каждой минутой делалось все страшнее.

– Мой дорогой друг, – хрипло произнес граф. – Мой гостеприимный сосед. Не сказать, как я рад, что удостоен чести быть приглашенным на празднование совершеннолетия твоей дочери.

– Ты сошел с ума, Томас? – воскликнул барон Коннорс.

По его бледному как полотно пухлому лицу струился пот.

– Что ты тут устроил? Отпусти нас немедленно и принеси извинения. Это...

Мелькнула сталь в руке мужчины в маске, барон Коннорс, захрипев, схватился за шею. Сквозь его сомкнутые пальцы толчками изливалась кровь, крупные капли усеивали натертый до блеска пол.

Я закричала. Мой крик утонул во всеобщем вопле ужаса и отчаяния. Патрик закрыл мое лицо ладонью, нашептывая что-то успокаивающее.

– А вот теперь настало время поговорить, – бесстрастно сообщил граф Дейтон, будто бы только что у нас на глазах не произошло жестокое убийство. – Теперь вы меня выслушаете.

Барон Коннорс лежал на полу, раскинув руки, а его несчастная жена, трясась как в лихорадке, из последних сил старалась удержаться на ногах и не распластаться рядом с мужем.

– Мы слушаем. – Мой любимый папа как-то умудрялся сохранять самообладание в этом кошмаре и даже поглаживал руку мамы, поддерживая ее. – И постараемся исполнить твои требования, если это в нашей власти.

– Это в вашей власти, – усмехнулся граф. – Умереть – во власти любого человека.

Гости испуганно взвыли. Камилла, не выдержав нервного напряжения, бросилась к дверям, но один из наемников поймал ее, намотав на кулак длинные локоны.

– Тихо, тихо, тихо, – ласково, будто разговаривая с детьми, продолжил граф Дейтон. – Разве я говорил, что должны умереть все? Нет-нет, это вовсе не обязательно. Камилла, малышка, не плачь, тебя никто не убьет.

После этих слов мама Камиллы всхлипнула с облегчением. На лицах гостей теперь вместе с отчаянием проступала безумная надежда.

– Вы нас отпустите? – недоверчиво спросил виконт Бейли. – Зачем тогда это... все?

Граф Дейтон медленно, словно любуясь собственными владениями, обошел зал. Потрогал позолоченные канделябры, провел рукой по шелковым гобеленам, слегка поклонился моей маме, будто отдавая ей должное как хозяйке.

– Ничего личного, дорогие соседи, но спор из-за наших земель решится сегодня.

– Ты сошел с ума, – повторил отец роковые слова вслед за бароном Коннорсом. – Ты думаешь, тебе безнаказанно сойдет с рук такое чудовищное злодеяние?

Граф Дейтон развел руками, на его лице появилось лукавое выражение.

– А при чем здесь я? Это все разбойники, лихие люди! Ничего святого для них нет! Проникли сквозь зачарованную ограду напрямиком на празднование совершеннолетия дочери хозяина! Какое несчастье! Король будет очень опечален!

– Король... – выдохнула мама. Ее пальцы, вцепившиеся в рукав папиного сюртука, побелели от напряжения. – Король знает, не правда ли?

Граф Дейтон лишь усмехнулся вместо ответа, но и так было ясно, что король дал добро на убийство бывшего заговорщика и его семьи.

– Один из гостей, бедный-бедный толстяк барон, тоже был убит! – театрально вздохнул граф. – А остальные...

Он обвел потемневшими глазами зал и глухо добавил:

– Остальные сбежали. Чудом остались живы. Я понятно объясняю?

Я видела, как расслабляются лица гостей. Леди Арина мелко кивала и вполголоса шептала слова благодарности. Она схватила обеих дочерей за руки и потащила к выходу. Следом отправился лорд Бейли. На нас они даже не посмотрели; проходя мимо меня, Талия опустила глаза.

– Так нельзя! – крикнул Август.

И тут же, закричав, схватился за плечо, пронзенное ударом кинжала. Брызнула кровь.

– В стычке, пытаюсь защитить хозяйку дома, был ранен юный Август Леман, – холодно прокомментировал происходящее граф Дейтон. – Искренне надеюсь, что больше никто не пострадает от рук разбойников.

Супруги Леман кинулись к сыну и, обняв его с обеих сторон за плечи, медленно повели к выходу. Следом, опираясь на сына, ушла баронесса Коннорс. Поспешно, побросав инструменты и ноты, сбежали музыканты. Никто не оглянулся напоследок. Зал почти опустел.

Я во все глаза смотрела на барона Фарли. Он все это время безмолвствовал. Вдруг еще не все потеряно и он вступится за нас? Не захочет участвовать в жутком преступлении?

Он катал меня на плечах по саду, когда я была ребенком, и я, цепляясь одной рукой за воротник барона, другой срывала с веток спелые яблоки...

Барон вышел вперед и встал рядом с графом Дейтоном.

– Пора с ними кончать, – бросил он.

– Терпение, – ответил Томас Дейтон. – Все успеем.

Чего он ждал? Наверное, пока гости покинут имение. Никто не вернется, чтобы помочь.

Дверь на террасу приотворилась, в зал вошел Адриан, кивнул отцу и, вальяжно сунув руки в карманы брюк, заслонил выход.

– Мама и леди Фарли уехали, – сказал он. – Мама просит быть милосерднее и закончить дело быстро. У нее разболелась голова, я посоветовал ей лечь в постель, выпить капель и гнать из головы невеселые мысли.

Адриан оставался спокоен, точно речь шла не об убийстве семьи соседей и друзей. Я сжимала руку Патрика, лежащую на моем плече, и лишь поэтому сохраняла остатки самообладания. Я часто и тяжело дышала, хотя хотелось пронзительно кричать.

Я глядела на Адриана и не могла взять в толк, как всего меньше трех часов назад мечтала об одной его приветливой улыбке. Как таяла, украдкой любуясь его привлекательным лицом. Адриан по-прежнему был красив: прямой правильный нос, волевой подбородок, густые темно-русые пряди волос, спутавшиеся от ветра. Но теперь при взгляде на свою детскую любовь я ощущала лишь ужас и омерзение.

– Нам всем это не доставляет удовольствия, – добавил Адриан, впервые повернувшись ко мне.

Я вздрогнула всем телом под его тяжелым взглядом, а наследник графа Дейтона обратился к моему отцу:

– Уверен, вас обрадует известие о том, что Вивиана останется жива.

Его слова, сказанные деловым тоном, потрясли меня. Он совсем не напоминал спасителя. И почему-то мысль о том, что я останусь одна в этом мире рядом с Адрианом, пугала сильнее, чем смерть.

– Что? – прошептала мама.

Пока взоры всех были прикованы к Адриану, Патрик снова сделал несколько шагов назад, прижимая меня к себе.

Глаза отца побелели от ярости, он непроизвольно пытался нащупать на поясе рукоять кинжала, забыв, что безоружен.

– Так вот как вы это провернете! – прохрипел он. – Ты!..

Наверное, он многое хотел бы сказать Адриану. Напомнить, как выезжал на охоту с ним и Патом, когда они были детьми, как принимал его в своем доме, как относился если не как к сыну, то как к родному племяннику наверняка. Однако отец запнулся и замолчал, понимая, что любые слова сейчас бесполезны.

О чем догадался папа? Судя по тому, как напряглись пальцы Патрика, сжимающие мою ладонь, и как отчаянно на меня взглянула мама – они поняли.

– Киллиан, благослови их. Ви останется жива, – выдавила она.

Благослови? Я зажмурилась и трянула головой. Благословляют, когда просят руки. Но эта мысль была настолько дикой, что я тут же отбросила ее.

Отец молчал, сжав губы в тонкую полоску.

– Не упрямясь, дорогой сосед, – подал голос граф Дейтон, спрятав за добродушным тоном издевку. – Подумай: если Ви выйдет замуж за Адриана, имение достанется твоему будущему внуку.

– Вот как? – сказал отец. – Отдаю должное твоей дальновидности, Томас. Это ведь твой план, недоумку Карлу такое и в голову не придет? Ви останется жива и вынуждена будет раздвигать ноги перед убийцей ее родителей?

Кровь прихлынула к щекам – от грубых жестоких слов отца, от грязной картины, которую я представила.

– Ты хочешь этого, Ви? – Теперь папа смотрел мне прямо в глаза.

Я, дрожа, покачала головой.

– Она останется жива, Кил! – крикнула мама, вцепляясь ногтями в его руку. – Жива!

– Лишь до тех пор, пока не родит сына! – отрезал отец.

– Ладно, хватит, – поморщился Адриан. – Заклятие на первенца сработает и без благословения. Ви, иди ко мне.

Он приказал ровно с той же интонацией, с какой отдавал команды охотничьим собакам: «Ко мне. Лежать». Лежать и терпеть, пока я буду делать тебе наследника. Так вот какая жизнь меня ждет впереди.

– Нет, – сказала я.

– Малышка, чем быстрее мы придем к супружескому согласию, тем лучше, – ухмыльнулся Адриан.

– Она сказала «нет», ублюдок! – рявкнул Патрик, выхватывая кинжал, спрятанный за поясом моего платья.

Мы стояли в кольце вооруженных людей. Судя по потрепанной одежде и разномастному оружию они были простыми разбойниками – лишь у главаря был меч, остальные держали в руках кто что: кистени, длинные охотничьи ножи, самодельные пики. Сброд, нанятый графом Дейтоном.

Сброд, который ничего не понимал в ведении настоящего боя. А Патрика этому обучали с детства.

Он сразу с разворота ударил кинжалом ближайшего мужчину, не щадя, метя в самое незащищенное место – шею. Тот рухнул на пол, забился, зажимая рану.

Патрик подцепил носком сапога упавший из рук разбойника нож и кинул его отцу. Папа поймал нож в полете и тут же, оттеснив маму за спину, напал на двух головорезов.

– Спасайтесь! – крикнул он. – Спасай сестру!

Я была в таком смятении, что действовала как механическая кукла, которую дергают за веревочки. Стоило Патрику отпустить мою руку, я встала покачиваясь, озираясь, не зная, что делать дальше.

На нас бежали сразу двое мужчин, подгоняемые гневными окриками графа Дейтона:

– Убить мальчишку! Хватайте девчонку!

Патрик поднырнул под летящий в его голову металлический шар кистеня. Вонзил острие в грудь второго противника, но не пробил кожаный кожух, лишь оттолкнул разбойника с дороги. Брат подтолкнул меня в направлении двери:

– Беги! Беги к телепорту, Ви! Я догоню!

Я побежала, не смея обернуться. До моего слуха долетали тяжелые звуки боя: громкие выдохи, скрежет железа, вскрики и грохот крошащегося под ударами шипастых шаров мраморного пола, звон разбитых окон и зеркал.

Прежде чем выскользнуть в коридор, я все-таки оглянулась и застыла на бесконечные три секунды. Страшная картина мгновенно и навсегда запечатлелась в памяти...

Папа бился как лев, но он тяжело дышал, по рассеченному виску струилась кровь, а штанина его новых красивых брюк, которые он заказал к моему празднику, тоже пропиталась алым. Он старался не

наступать на раненую ногу. На него наступали сразу трое, и все же он пока успевал отбиваться. Челка свесилась на один глаз, придавая моему строгому отцу залихватский вид. Будто это все шутка... Будто игра...

Мама беззвучно шевелила губами, которые складывались лишь в одно слово: «Бегите!»

Патрик отступал к выходу, теснимый двумя противниками с ножами. Пату ничего не оставалось, как подставить левую руку, кое-как защищенную плотной тканью сюртука, под удары лезвий. Они уже прорезали материю, и теперь при каждом ударе вверх и в стороны летели брызги крови Патрика.

Его лицо было спокойным и сосредоточенным: он ждал подходящего момента. Стоило одному из противников поскользнуться, Патрик тут же полоснул его по лицу, по глазам, ослепляя. И воспользовавшись растерянностью второго – ударил его в бедро кинжалом, а после коленом в живот, заставляя упасть.

– Ви, беги!

Перед тем как отвернуться, я заметила, что Адриан не вступает в бой. Он быстро шел вдоль стены в обход, двигаясь за мной.

Я выскочила в прохладный, темный, пахнувший цветами коридор и только теперь поняла, что воздух в зале провонял кровью. Патрик нагнал меня через мгновение, схватил за руку и потащил за собой. Вторую, левую, руку он неловко прижимал к груди.

Нас догнал пронзительный крик мамы:

– Кил! Нет!

Потом она еще раз жалобно негромко вскрикнула. И стало тихо.

Колени подогнулись, я запнулась, почти упала, но Пат обхватил меня за талию, вздернул на ноги.

– Телепорт, Ви, – выдохнул он, ничем не выдав, что наверняка его сердце, так же как и мое, готово разорваться от боли.

В зал телепорта вел отдельный переход, где не было окон и дверей. Мы опережали убийц на доли мгновения, но если будем бежать достаточно быстро, то успеем проскочить вовнутрь и запереть тяжелые створки.

Мы не подумали, что граф Дейтон примет во внимание этот путь отступления и заранее выставит пост. Еще несколько шагов, и мы бы оказались в ловушке, зажатые между двумя группами головорезов в узком пространстве.

– Ви, стой.

Патрик резко остановил меня и указал подбородком на длинные колеблющиеся тени в конце коридора. Разбойники ждали за поворотом, не предполагая, что их выдадут магические светильники.

Меня захлестнуло отчаяние: путь к спасению отрезан! Однако Пат тут же дернул меня в сторону: у него появился другой план.

– Господин... – раздался испуганный голос.

Белая как полотно горничная Бетси стояла за портьерой, отделяющей господскую половину дома от половины слуг.

– Тш-ш-ш. – Патрик приложил палец к губам. – Они вас не тронут. Сидите тихо и не высовывайтесь. Дверь в подвал заперта?

Бетси замотала головой, не в силах произнести ни слова.

Подвал? Там хранились продукты, папа оборудовал винный погребок. Что задумал Патрик?

– Из подвала... есть выход на поверхность... – объяснил он на бегу. – За ограду...

Точно! Туда торговцы привозили товар, наша экономка вместе с кухаркой выбирали, чем пополнить запасы, а слуги спускали продукты в подвал, не беспокоя хозяев дома.

Если мы выберемся за пределы имения, появится шанс укрыться в лесу, а после добраться до города. Сейчас, ночью, будет не так-то просто нас отыскать.

За спиной взвизгнула Бетси, ее плаксивые мольбы перебил грубый мужской голос, выпрашивающий у горничной, куда мы побежали.

– В подвал! – пискнула она. – Ой, матушки, не трогайте только!

Патрик вполголоса выругался: мы не успевали добраться до лестницы в подвал. Брат замешкался на секунду, но вот он снова потащил меня в сторону, в боковое ответвление коридора. Тот вел, кажется, в прачечную – в нос шибанул застоявшийся запах хозяйственного мыла.

Далеко мы не побежали: Патрик нырнул в неприметную нишу, прикрытую пыльной занавеской. В нише хранились ведра, швабры и щетки.

– Переждем, – одними губами произнес он, прислонился к стене и привлек меня к себе.

Мы старались не двигаться, не издать ни звука, но сбивчивое дыхание так и норовило вырваться изо рта. В двух шагах, за тонкой перегородкой, ходили преследователи. Часть отправились в подвал, другие обшаривали углы, заглядывали во все закоулки. Если кто-то догадается отдернуть занавеску...

С левой руки Патрика капала кровь. Я тихонько, кончиками пальцев погладила его по запястью, спросила одними глазами: «Очень больно?» Пат растянул в улыбке побледневшие губы, покачал головой.

– Никого тут нет! – крикнул наемник из глубины дома.

– Ищите лучше! – рявкнул Адриан.

Он стоял совсем близко – достаточно протянуть руку. Я вздрогнула всем телом. Клянусь, не нарочно, но страх оказался сильнее меня.

Повязка с бубенцами все еще была надета на запястье. Проклятые бубенцы забряцали от неловкого движения, и их негромкое звяканье в тишине прозвучало громом.

Патрик выхватил из-за пояса заляпанный кровью кинжал и едва успел отодвинуть меня за спину, как хлипкую занавесь, скрывающую нишу, сорвали с петель.

За ней стоял ухмыляющийся Адриан, а за его спиной маячили четверо разбойников.

– Парня убить, девчонку ко мне, – скомандовал он и отошел за спины головорезов.

– Трус! – крикнула я. – Сразись как мужчина!

Адриан расхохотался в ответ.

Наемники, переглядываясь, обнажили ножи. Они не слишком-то рвались в бой, уже зная, как сражается Патрик. К тому же здесь, в тесном коридоре, невозможно пустить в ход кистень, да и не нападешь всем скопом, мешая друг другу. Разбойники замерли, набывшись, ожидая, пока мой брат сделает первый ход.

А Патрик, вместо того чтобы напасть, вдруг крикнул:

– Зажмурься, Ви!

Он сорвал с руки один из тонких браслетов-артефактов и швырнул его во врагов.

– Вспышка! – приказал он, активируя магию.

В глаза ударил свет, ослепляя даже сквозь зажмуренные веки. Раздался грохот. Патрик потянул меня за собой, и я едва не споткнулась о тело разбойника, лежащего на пороге. Врагов оглушило и разметало, но скоро они придут в себя. У дальней стены стоял Адриан, опираясь рукой на оставленный кем-то стул, и тряс головой.

Мы снова побежали. На этот раз я просто не представляла куда: телепорт перекрыт, у подвала нас тоже ждут. Удивительно, но брат вел к парадной лестнице, идущей наверх, в жилые комнаты. А куда дальше? На крышу? Я ничего не понимала.

– Пат? Патрик? Куда?..

«Мы» недосказанным повисло в воздухе, я не успела его произнести: мы завернули за угол, и в это мгновение меч, который держал в руках граф Томас Дейтон, вонзился в грудь моего брата.

Патрик закричал, уронил кинжал и схватился за лезвие обеими руками, стараясь удержать, но граф откинул его к стене и, навалившись всем телом, сантиметр за сантиметром погружал металл в тело Пата.

Патрик закашлялся, изо рта хлынула кровь. Я только тогда осознала чудовищную реальность: это конец. Они добрались до нас. Все. Спасения нет.

По коридору, из которого мы убежали, медленно приближался Адриан. Он больше не торопился.

– Ви, малышка, бежать некуда, – весело сказал он, торжествуя победу.

У них все получилось. Ну почему же так... несправедливо...

Я потянулась к Патрику, припиленному к стене, чтобы обнять в последний раз. С его губ срывались тихие хрипы, но, когда он прижался губами к моей щеке, хрипы превратились в слова:

– Бе... ги... Брас... лет...

Граф Дейтон выдернул меч, и Патрик осел на пол, его голова свесилась на грудь, но он последним усилием воли поднял на меня гаснущий взгляд и прошептал, преодолевая боль:

– Браслет, Ви...

Только тогда я поняла, куда нас вел Патрик в последней отчаянной попытке спастись. Джинн! Загадывать ему желания смертельно опасно, джинны коварны и никогда не исполняют их точно. Однако Пат просто не видел иного выхода, как только обратиться за помощью к этому жестокому и хитрому существу.

Я всхлипнула и побежала. Адриан так опешил – он не ожидал от меня подобной прыти, – что в погоню бросился не сразу, дав мне фору.

Но он здоровый сильный мужчина, а я перепуганная девушка. Я слышала за спиной его быстрое дыхание. Стоит мне один раз споткнуться!..

Я взлетела по парадной лестнице, бросилась налево – к своим покоям. Дверь в спальню открыта: здесь меня уже искали. Я кинула взгляд на полку, покрылась мурашками от ужаса, когда поняла, что бархатная подушечка, где прежде лежал браслет, пуста, а потом вспомнила, что сама зашвырнула его под кровать.

– Испугалась, малышка, – бархатным голосом произнес Адриан. – Не бойся. Жене не следует бояться мужа.

Он, думая, что загнал меня в мышеловку, встал у дверей.

Я упала на четвереньки и поползла к кровати, не обращая внимания на смех Адриана. Зашарила по полу, чувствуя лишь пустоту. По лицу катились злые слезы. Если браслет отлетел к стене, я ни за что его не найду.

Когда я уже почти сдалась, ладонь почувствовала холод металла. Я защелкнула браслет на запястье и вскочила на ноги.

– Появись! – заорала я.

Джинн возник так же стремительно, как прежде исчез. Будто шагнул из пустоты. В полутьме он казался еще более страшным и потусторонним созданием. В глазах вокруг черной радужки билось алое пламя. Узоры на халате светились золотом.

Адриан издал странный давящийся звук. Однако джинн смотрел только на меня. И в этом взгляде было столько ненависти!..

– Мы договорились! – прогрехотал его голос. – Договорились, что ты больше никогда меня не призовешь!

Объяснять не было времени. Да какой смысл объясняться с врагом? Он просто был меньшим злом, обязанным выполнять мои желания.

– Я желаю! – крикнула я.

И джинн замолчал, сжав кулаки.

– Я желаю! Спрячь меня так, чтобы никто не нашел!

– Да будет так! – глухо произнес джинн.

И мир погрузился во тьму.

Когда проходишь через арку телепорта, ты словно ныряешь в ледяное молоко – все вокруг становится белым и таким холодным, что, кажется, еще чуть-чуть – и превратишься в сосульку.

Сейчас же появилось чувство, будто во всем мире выключили свет, даже свет звезд и луны. И выключили все звуки, я словно оглохла и ослепла: я успела испугаться, что джинн так вывернул мое желание, что я теперь навеки останусь калекой. Калекой, с которой Адриан сделает все, что посчитает нужным.

Но очень скоро темнота потихоньку начала рассеиваться. Из сумрака выступили угрюмые кирпичные стены, покрытые плесенью. Сквозь крошечные оконца под потолком проникал свет ночных фонарей. На полу валялись полуистлевшие тряпки и гнилая солома. Чуть слышно капала вода.

Я стояла босая на холодном полу, наряженная вместо платья в длинную домотканую рубаху, подпоясанная веревочкой: так ходили самые бедные селянки. Дрожа в ознобе, я испуганно оглядывалась.

Джинн высился в тени, у стены, и молчал. Было страшно смотреть на его темную фигуру, на пламя в его глазах. Наверное, будь его воля, он бы меня сразу убил.

«Нельзя показывать испуг, – подумала я. – Он раб браслета, он мой раб и обязан слушаться. В любом случае помощи ждать больше неоткуда».

– Где мы? – спросила я, все время стараясь помнить, что я его хозяйка и не должна трястись от ужаса. – Куда ты меня притащил?

Джинн слегка поклонился, но этот поклон выглядел изощренным издевательством.

– Спрятал, как было велено.

Ясно, прямого ответа я от него не дождусь: этот гад будет только посмеиваться и изворачиваться.

Я начала обходить каморку вдоль стен и заметила дверь, сколоченную из грубых досок. Изнутри на двери не обнаружилось

ручки – вот так так!

– Эй, – тихонько позвала я, припадая к замочной скважине. – Кто-нибудь!

В коридоре слышались шаги. Мне не могло померещиться! Я осторожно постучала, но ответа так и не дождалась. Тогда я заколотила изо всех сил.

– Эй! Откройте!

Повернулся ключ, и дверь распахнулась так резко, что я едва не врезалась головой в живот неприятного субъекта, и тут же шарахнулась назад. Дядька приподнял фонарь за медную ручку, поднес к самому моему лицу, ослепив светом. Сначала я разглядела неопрятную бороду, которая топорщилась во все стороны, и только потом – мундир тюремщика.

– Не шалить! – рявкнул тюремщик.

И, хотя я не делала никаких попыток сопротивляться или бежать, схватил меня за плечо и хорошенько тряханул. У меня клацнули зубы.

– Простите... – прошептала я. – Можно вас спросить?

Наверное, понадобилось бы что-то посерьезнее вонючей тюремной камеры и грубого окрика, чтобы вытеснить из моей головы правила хорошего тона... Тюремщик опешил. Поднял фонарь над головой, чтобы рассмотреть меня внимательнее.

– Тьфу ты, я уж подумал, высокородную какую сюда впихнули. Чего тебе, девка?

Я не знала, как задать вопрос. Зачем-то оглянулась на джинна, слившегося с тенями. Охранник его будто не замечал. Может, джинна вижу только я?

– Где я? Что со мной будет?

– Знамо где! В городской тюрьме. А будет с тобой, девка, великое счастье. Освобождение твоей грешной души. Повесят тебя завтра на рассвете.

– За что? – крикнула я.

Дружелюбие тут же слетело с тюремщика, он мрачно выпятил челюсть и окинул меня тяжелым взглядом.

– Видать, есть за что! Сама знать должна. Может, ребеночка сваво притравила или мужа приколошила. В этой камере у нас надолго не задерживаются. Вечером привезли, утром – лети, птичка, на свободу.

Я онемела от ужаса, а тюремщик, решив, что разговаривать со мной больше не о чем, грохнул дверь.

Выходит, смерти не избежать. У джинна отлично получилось вывернуть мое желание наизнанку. А чего я ожидала от олицетворения самого коварства?

Он так и стоял не сходя с места, и мне чудилась усмешка на его губах.

– Доволен? – прошептала я.

Он не ответил. А я так устала от всего, что у меня не осталось сил на отчаяние и злость. Утром все закончится, вот и хорошо.

Я отыскала кусок тряпки почище, опустилась на него, обняла колени и раскачивалась из стороны в сторону, чтобы хоть немного согреться. «Папа... Мама... Патрик... Папа... Мама... Патрик...» Вот и все мысли, которые метались туда-сюда в моей пустой голове.

Патрик, Патрик... Ты так старался меня спасти! Кто же знал, что злобное существо, выползшее, возможно, из самой преисподней, нас переиграет.

Патрик. Хоть бы раз тебя увидеть. Обнять.

Я замерла, покосилась на джинна. Я понимала, что это глупо и опасно, но, если все равно скоро конец, какая разница?

– Иди сюда, – приказала я, поднимаясь на ноги: колени тряслись, но я держалась. – Ближе. Я хочу тебя видеть.

Джинн шагнул из тени в неяркий круг света, оставленный фонарем. Смотрел с презрением, как на пыль.

– Я желаю, – прошептала я и закричала, пронзенная внезапной надеждой: – Верни мне родителей! Верни мне Патрика!

– Невозможно, – бесстрастно ответил джинн. – Мертвых не воскресить.

В глубине души я знала это, но боль была такой сильной, что я не хотела отступать.

– Я желаю! Я хочу видеть Патрика!

– Да будет так.

На том месте, где только что стоял джинн, появился мой брат. Живой, настоящий! Совсем такой, каким я видела его час назад. В нарядном сюртуке, с веселой улыбкой. Он привычным жестом сунул левую руку в карман, и рука была не ранена. И сам он был невредим!

– Патрик!

Я бросилась к нему, обняла крепко-крепко, положила голову на грудь.

– Патрик...

По моим щекам катились слезы. Я знала, кого обнимаю на самом деле... От Патрика никогда раньше не пахло специями и пряностями.

Он вдруг застонал. На груди разверзлась глубокая рана, сюртук на моих глазах пропитывался кровью. Я шарахнулась, зажимая рот рукой.

Патрик смотрел на меня мертвыми глазами и улыбался.

Вернее, улыбался джинн, очень довольный тем, что нашел еще один способ меня помучить.

Я раньше никогда не падала в обморок, а сейчас словно провалилась в бездонную яму. И, теряя сознание, очень надеялась, что больше не очнусь.

Солнце припекало босые ноги, ласково гладило лучами по щекам. Я не сразу вспомнила, где нахожусь, и блаженствовала в дреме. Сегодня день моего совершеннолетия. Вечером придут гости, я в первый раз надену взрослое платье, и все станут смотреть на меня по-новому. Надарят подарков! Самым первым, конечно, придет поздравить Патрик...

Патрик! Ужас вчерашнего вечера хлынул в душу мутным потоком.

Я распахнула глаза. Кошмар наяву продолжался. Меня окружали изъеденные временем и влагой стены, мрачные даже в утреннем свете. Я лежала, закутавшись в грязные тряпки – одежду, оставленную предыдущими смертниками.

Не шевелясь, потихоньку огляделась. Где эта лживая тварь? Он не мог спрятаться в браслет, потому что я не приказала ему убираться. Значит, все еще здесь, замер каменным изваянием и пялится на меня огненным взглядом. Удивительно, что дырок на мне не прожег, пока я валялась без сознания!

Я так ясно представила его злобную физиономию и сжатые в кулаки руки, что картина, которая предстала перед глазами, когда я наконец увидела джинна, заставила меня несколько раз быстро моргнуть.

Джинн сидел, поджав под себя скрещенные ноги, в квадрате солнечного света, падающего из узкого оконца. В его глазах больше не плясали языки пламени, это были обычные глаза, разве что чуть темнее привычных карих. Он выглядел как... Человек! Молодой мужчина, разве что чуть старше Патрика. Ничего потустороннего и жуткого в его облике я не видела, просто парень, выходец из южных земель – смуглый, черноволосый. Джинн вертел в пальцах соломинку, золотившуюся в лучах солнца, и разглядывал ее с таким любопытством, будто сто лет не видел ничего интереснее. Вот он поднес ее к носу и понюхал.

Безобидный облик джинна сбил меня с толку, слова «Я желаю, чтобы ты вернулся в заточение!» замерли на губах. Я приподнялась на локте и сказала:

– Ты на самом деле хочешь моей смерти?

Глупый вопрос, я знаю. Легче мне станет, когда я получу в ответ «Да»? Или я надеялась услышать другое?

Взгляд черных глаз ожег, как горячие угли.

– Мне не дозволено желать чего-либо, – бесстрастно, по своему обыкновению, сказал он, помолчал и добавил: – Но, если бы меня спросили, чего я желаю, я бы ответил: «Забвения».

Теперь он смотрел на браслет, все еще надетый на мою руку и спрятанный широким рукавом рубахи. Я села и приподняла ткань, снова, как в первый раз, изучая вместилище джинна. Странная работа, варварская и будто сделанная впопыхах. Бабочка эта оплавленная... Почему бабочка?

– Ты думаешь... – медленно произнесла я. – Что меня казнят, снимут браслет с моего тела, переплавят в металл и больше никто не сможет тебя призвать?

По сужившимся глазам джинна я поняла, что угадала верно.

– Тюремщики народ простой и не побрезгуют поживиться вещью, снятой с покойника, это правда, – продолжила я, осторожно подбирая слова. – Наверняка они решат, что я его ukrала. И все же кому-то из них может прийти в голову мысль, что это необычный браслет. Достаточно показать его любому ювелиру, и станет ясно, что вещица стоит целое состояние. А коллекционеры вроде герцога Алдона готовы душу отдать за подобный артефакт. Говорят, он не слишком-то боится джиннов. Раба перстня он постоянно вызывает. Видно, есть у него какие-то способы договориться... Хочешь стать частью его выставки? Тогда никакого покоя и никакого забвения!

Джинн не перебивал, внимательно слушал и молча меня рассматривал.

Понять бы, что там делается, в его темной потусторонней голове!

– А я могу предложить тебе забвение! – вкрадчиво сказала я. – Потом, когда все будет закончено...

– Когда все будет закончено? – повторил он с вопросительной интонацией. – Это когда же, маленькая дрянная лгунья?

Слова злобного чудовища вроде бы не должны были меня ранить, а ведь, поди ж ты, ранили!

– Я не лгунья! – прошипела я.

– Вы все лжецы. Все ваше племя.

Так, ладно. Представления не имею, о чем он, просто пропущу мимо ушей.

За окнами началась перекличка, залаяла собака. Который сейчас час? Тюремщик сказал, что казнь состоится утром, а значит, у меня почти не осталось времени.

– Все будет закончено, когда я отомщу графу Дейтону и Адриану, – выпалила я, только в этот миг сообразив, что на самом деле желаю этого всей душой.

– Ты? – усмехнулся джинн. – Слабая, жалкая, пустая...

С сухим щелчком он переломил пополам соломинку, которую держал в руках, с таким видом, будто представлял при этом мою шею.

Я зачем-то вспомнила слова Патрика: «Ты слишком уж покорная дочь, Виви». Я действительно всегда была послушной девочкой, совсем не бойцом. Вероятно, милосерднее со стороны джинна будет позволить тюремщикам придушить меня.

Но упрямство и злость, которых я от себя вовсе не ожидала, поднялись со дна души.

– Я отомщу! – крикнула я. – Или умру!

Джинн презрительно дернул уголком рта. И надолго замолчал.

Я с волнением прислушивалась к звукам проснувшейся тюрьмы. Потянуло дымком и запахом пригоревшей каши. Интересно, меня хотя бы покормят перед казнью? Желудок тоскливо сжался. Вряд ли кто-то станет тратить провизию на смертницу.

– Герцог Алдон призывает своего раба? – спросил джинн. – Чего он от него хочет?

Неожиданный вопрос, но я почувствовала, что могу зацепиться за эту ниточку. Хотя и не знала, куда она меня приведет.

– Я не знаю. Правда. Я только слышала, что раб перстня – девушка.

Джинн сжал губы и раскрошил в кулаке многострадальную соломинку.

– Я хочу заключить с тобой сделку.

– Сделку? – пробормотала я, совершенно сбитая с толку, не зная, радоваться ли, бояться или это новое коварство.

– Да. Ты соберешь все артефакты, где заключены джинны. О скольких ты знаешь?

Я перечислила все, что смогла вспомнить: медный кувшин в Академии магии, перстень у герцога Алдона, алмазный венец в королевской сокровищнице.

Но невозможно было представить, что я доберусь хотя бы до кувшина, не говоря уже о венце в охраняемой сокровищнице. Это было примерно так же реально, как достать луну с неба: никакой надежды на успех.

– Как это поможет мне отомстить?

Джинн снова усмехнулся краешком губ. Как ему только удастся эта насмешливая и одновременно брезгливая ухмылка? «Ты пыль, – говорила она. – Лживое никчемное существо...»

– Я предлагаю нечто лучше, чем месть.

Джинн наклонился ко мне, и я невольно подалась вперед, ловя каждое слово.

– Мертвых не воскресить, – произнес он.

Глаза защипало от слез, я едва удержалась, чтобы не залепить ему пощечину. Он издевался. Снова!

Но джинн еще не закончил.

– И моих сил недостаточно, чтобы повернуть время вспять. Недостаточно сил двух, трех магов. Но если нас будет четверо – все возможно.

Он откачнулся назад и со скучающим видом сложил руки на коленях.

Меня же после этих слов будто молния пронзила. Надежда, яркая, как солнце, наполнила светом черную пустоту, со вчерашнего дня угнездившуюся в душе.

– Нет... – ахнула я.

– Воля твоя.

– Нет! Я не о том! Я просто поверить не могу. Я согласна! Согласна! На все согласна!

– Это еще не все. Ты дашь мне право после заката солнца дотрагиваться до тебя так, как я хочу и где хочу.

Необычное условие заставило кожу покрыться мурашками.

– Зачем?

– Считай, что это моя прихоть. Вы так долго испытывали на нас свою власть. Настал мой черед.

– Хочешь подчинять меня? Владеть мной? – выдохнула я, содрогаясь от страшных предчувствий.

Джинн кивнул.

Решусь ли я на такую сделку? Решусь! Я готова пройти через огонь, лишь бы вернуть родителей и любимого брата.

– Я согласна! Все?

– Нет, не все. Когда я выполню свою часть сделки, ты даруешь мне забвение.

– С огромным удовольствием! – ядовито процедила я. – Теперь все?

– Теперь все, – с не меньшей язвительностью в голосе ответил он. – Почти. Ты знаешь, что нужно сделать.

Со скрежетом повернулся ключ в замке, дверь отворилась. В тесную камеру зашли два кряжистых тюремщика, без лишних слов подхватили меня под оба локтя, приподняв в воздух, так что ноги оторвались от земли, и потащили вон.

На джинна они не обратили ни малейшего внимания, наверное, я права: его вижу только я.

– Эй! – заорала я, оглядываясь на негодея, который и не пытался мне помочь, просто шел следом. – Спаси!

– А ну молчать! – рявкнул тюремщик. – Не рыпайся, самой же легче будет!

Верно, у них тут все годами отработано: смертника без лишних разговоров – а чего с ними беседы вести? – хватали под белы ручки и волокли на казнь.

Я вертела головой, оглядываясь на джинна, и в конце концов схлопотала подзатыльник, от которого зашумело в ушах, а желание вертеться повыветрилось.

Но как же так? Ведь мы заключили сделку!

Меня вытащили в тесный двор тюрьмы, окруженный неприветливыми высокими стенами. Прямо здесь была оборудована виселица для мелких сошек вроде меня. Показательные казни на площади устраивали матерым преступникам, клятвоотступникам и опасным колдунам, а кому интересны бедные селянки?

Тюремщики опустили меня на землю, на шершавую, слипшуюся комьями сухую грязь. Один остался рядом, придерживая за шиворот, другой, позевывая, направился к виселице, где под надзором других палачей переминался с ноги на ногу грязный мужичонка. Он был пьян до такой степени, что то и дело норовил присесть на корточки, а то и прилечь. Он благодушно жмурился от яркого солнца и улыбался злобным рожам охранников.

Мимо меня прошла баба с ведром помоев, вылила их в яму у стены. Безразлично покосилась на меня: казней она повидала столько, что они давно перестали трогать ее сердце.

В дальнем конце площадки мужчины в мундирах городской стражи тренировались с копьями. Все они обращали на меня внимания не больше, чем на деревянный чурбан, стоящий под петлей.

Неужели вот так и закончится моя жизнь? В этом отвратительном месте! Вонь помоев, грубые хари, безразличные лица и ни травинки, ни листочка – взгляду не за что зацепиться напоследок.

Я взяла пример с пьяного мужичонки и подняла лицо, подставляя его солнцу. Посмотрела сквозь прищуренные веки вверх, будто со дна колодца. Синее небо, птица бьет крыльями, словно торопится быстрее перелететь это гиблое место... Ничего, скоро я тоже буду свободна!

Опустила взгляд и увидела джинна. Он переместился из-за спины и встал под виселицей, пристально на меня глядя. А ты гори в преисподней, лживое создание!

Петля была только одна – вешать нас будут по очереди. Мужичонку водрузили на чурбан и придерживали с двух сторон, чтобы не свалился. Третий тюремщик накидывал на голову преступника петлю, а пьянчужка добросовестно ему помогал, тыкаясь головой в веревку, как бычок, но все время промахивался.

Зрелище было одновременно и потешное, и грустное – но я смотрела, чтобы не видеть безжалостную тварь. Джинн, никем не замеченный, передвинулся ближе, заслоня обзор. Шевельнул губами. Раз, другой...

Я зло зыркнула: «Ты уже прекратишь издеваться? Дай умереть спокойно!»

Он не прекращал и произносил как будто одно и то же слово. Я прищурилась. Джинн дает мне подсказку? Какую?

В камере нам не дали договорить. Джинн сказал: «Ты знаешь, что нужно сделать». Я чего-то не сказала, а без этого сделка не заключена? Но что?

– Тебя никто не видит и не слышит! – буркнула я вслух. – Почему нельзя сказать прямо?

Тюремщик огрел меня ладонью по спине.

– Молчать!

Другие, занятые делом и уже изрядно вспотевшие, но так и не пристроившие голову мужичка в петлю, только яростно покосились. Один процедил: «Блаженная».

Джинн усмехнулся. Ясно, он специально тянул время, наслаждаясь моим страхом и растерянностью. Он медленно приблизился: вот он на расстоянии нескольких шагов, вот – вытянутой руки, и наконец наклонился к самому моему лицу.

– Желай, глупенькая зайчишка. Желай.

Так вот оно! Как я не подумала! Без моего желания, выраженного словом, сделка не состоится.

– Я желаю... – тихо произнесла я. – Я желаю заключить сделку с джином.

– Да будет так!

И в тот же миг джинн исчез. Я вытаращила глаза: ничего себе, сколько можно водить меня за нос!

Но моя оторопь длилась недолго. В закрытые ворота тюрьмы, окованные железом, затарабанили. Запела труба. Зычный голос, в котором я, однако, сразу опознала голос исчадия преисподней, крикнул:

– Открывайте, именем короля!

Тюремщики переглянулись, засуетились. Бросили пьянчужку, который благополучно сполз с чурбана на землю и засопел,

свернувшись калачиком.

Стражники распахнули ворота, и в грязный дворик влетел изящный вороной конь с всадником. Заплясал, гарцуя и выбивая копытами комочки земли. Всадник в мундире королевского глашатая, в алом плаще с гербом дома Корнуолла с перекрещенными пиками и василиском, отпустил поводья, вынул из поясной сумки свиток и выпрямился в седле.

Я хлопала глазами. Всадник был смугл, темноглаз, и, хотя островерхая шапочка скрывала волосы, жгуче-черная прядь выбилась за ухом. Джинн! Да только никто, кроме меня, этого не знал.

Джинн окинул властным взглядом притихших стражников и принялся зачитывать приказ.

– Внимайте повелению Его Королевского Величества. Сего дня, двадцать пятого числа, месяца Урожайника, года шестьсот сорок пятого приказываю даровать жизнь сим смертникам в честь выздоровления двоюродной тетушки внучатого брата короля. Да будут благословенны ее дни!

Стражники переглядывались и почесывали в затылках. Я, знающая назубок все династические ветви королевского дома, мысленно посмеялась над мифической тетушкой, которой просто не существовало в природе. Но приказ короля есть приказ короля.

– Да будут благословенны ее дни! – хором повторили все.

Нас с пьянчужкой выдворили за ворота и захлопнули за спиной тяжелые створки. Бедолага, который так и не понял, как близок был к смерти, мирно завалился досыпать в ближайшую канаву.

Гордый всадник на лихом жеребце пронесся мимо, а я и рта не успела открыть, чтобы остановить джинна. Но браслет по-прежнему охватывал запястье, значит, ничего не стоит вернуть беглеца на место.

Я просто пошла вперед. По тесным грязным улочкам, вдоль стен домов, стараясь не смотреть на людей и не привлекать к себе внимания. Подумаешь, бредет какая-то худосочная замарашка.

Я никогда не бывала в этой части столицы. Когда мы с семьей приезжали в Форанг, я видела лишь широкие проспекты, дорогие рестораны, уют и роскошь. Сейчас я оказалась на задворках, где прямо под ногами валялся мусор, стены домов были в потеках помоев. Бедно одетые женщины смотрели измученно, а мужчины чаще раздраженно. Но взгляды некоторых липли ко мне, будто я была облита медом, –

похотливые, мерзкие. Для этих мужчин я была доступным и лакомым кусочком. Я опускала голову и ускоряла шаг.

Где же этот гад?

Неожиданно сбоку ко мне пристроился парень и пошел рядом. Я шарахнулась в сторону, в переулок. Он догнал, надвинулся, заставляя отступить к стене. Пискнув, я схватилась за браслет.

– Желаю, чтобы ты стоял рядом! – крикнула я.

– Я и так рядом, – сообщил парень.

Только сейчас я рассмотрела, что это мой джинн, который снова изменил одежду. Мундир глашатая сменился кожаной стеганкой, надетой поверх холщовой рубахи. На поясе висел короткий меч в ножнах. Типичная одежда воина-наемника. Длинные черные волосы он перетянул веревочкой в хвост, но некоторые непослушные пряди все же выбивались.

Я прижала ладонь к груди, умиряя колотившееся сердце. Судя по довольной ухмылке, джинн наслаждался моим испугом.

– Мне тоже нужна другая одежда! – распорядилась я.

Пусть помнит свое место! Он мой раб и должен слушаться.

– Хм...

– Желаю! Желаю другую одежду! – Я тут же спохватилась, что с коварного создания станется нарядить меня в тонкий пеньюар – чем не одежда? – Платье горожанки. Туфли. Все как полагается.

Мое веление было исполнено. А то, что платье оказалось заношенным и заштопанным на локтях, а туфли немилосердно жали, – так эти тонкости мы не обговаривали.

На перекрестке стоял мальчишка в зеленом берете и зеленой накидке. Я сразу узнала ученика корпуса вестников при дворце. Они должны обходить город по утрам и разносить новости, а самые лучшие ученики становятся королевскими глашатаями.

Мальчишка застыл, надменно задрал нос, и ждал, пока вокруг него соберется толпа. Он вынул из поясной сумочки алый кристалл и делал вид, что не замечает жадных взглядов: алый цвет означал, что будут произнесены важные новости.

Устремилась к вестнику и я.

– Неужто налоги опять подняли? – недовольно спросил горожанин.

– Да что ты сразу о плохом-то! – оборвала его женщина. – Может, наш милостивый король праздник какой затеял? Сейчас и объявление будет!

– Ага, праздник! Праздник обдирания липок! – буркнул мужчина.

Но в это время кристалл на ладони мальчишки засветился. Все притихли, я же едва подавила вскрик: в воздухе над кристаллом появилось полупрозрачное изображение, знакомое мне с детства, – отец на парадном портрете, висевшем в гостиной, рядом с портретами моих предков.

– Его величество милостивый король Карл II с прискорбием сообщает о чудовищном злодеянии. Сегодня ночью разбойничья шайка проникла в имение Лунная Роза, принадлежащее графу Киллиану Роджеру Августу Арчеру...

Горло сжалось, голова кружилась. Именно в этот миг случившееся перестало казаться кошмарным сном и сделалось жуткой реальностью.

Следом за изображением отца появился портрет мамы, какой она была в юности. Милая, улыбчивая, ласковая. Потом лицо Патрика с коротко стриженными волосами и такое серьезное, каким он никогда не был в жизни. Потом мое лицо...

– Единственная дочь графа Арчера – Вивиана Сюзанна Аделина Арчер – пропала. Ее тело не найдено. Сын графа Дейтона, Адриан Дейтон, наследник рода, объявляет награду в тысячу золотых за любые

сведения, касающиеся местонахождения его невесты, и три тысячи тому, кто найдет ее невредимой!

Для портрета я позировала, когда мне едва исполнилось пятнадцать лет. Здесь я выглядела еще совершенным ребенком, с пухлыми щеками, с распущенными по плечам волосами. И все же была вполне узнаваема.

– Бедная девочка! – ахнула пожилая горожанка. – Жива ли... Никому не пожелаешь попасться в лапы разбойникам!

– А за найденное тело денег отсыпят? – по-деловому поинтересовался тот же самый разговорчивый мужик. – Это ведь считается сведениями?

Хорошо, что я стояла за спинами людей и никто меня не видел. Я машинально растрепала волосы, стараясь закрыть лицо, попятилась назад. И уперлась спиной в джинна. Почти уперлась, потому что он очень плавно подался в сторону, избегая прикосновения.

Я в панике огляделась, решая, в какую подворотню бежать.

– Они тебя не узнают, – тихо сказал джинн, который наблюдал за мной с обычной усмешечкой. – Тебя не узнает никто, кроме тех, кто видел прежде.

– Адриан узнает? – спросила я.

– Да. Но его здесь нет.

Кристалл на ладони вестника снова показывал Патрика, а парнишка расписывал, как храбро сражался молодой наследник рода и какая это потеря для королевства. Сам король скорбит!

Во рту сделалось горько, будто меня заставили выпить отвар полыни. Король скорбит! Представляю себе! А уж как скорбят Дейтоны и Фарли! Особенно Адриан. Еще бы, ведь желанный трофей в виде меня почти попал в руки, но ускользнул, просочился сквозь пальцы. Да Адриан носом землю рыть станет, чтобы меня отыскать!

Ничего, я окажусь быстрее! Соберу артефакты и поверну время вспять!

– Пошли отсюда, – пробормотала я.

Я не знала, куда идти и что делать дальше. С чего начать? Ни единой мысли, за которую можно зацепиться. Пустота в голове, в душе и... желудке.

Он напомнил о том, что голоден, неприличным урчанием. Я схватилась за живот и чуть не сгорела со стыда. Моя гувернантка,

госпожа Легель, отчитала бы меня как малявку за такую вульгарность. «Истинная леди не должна голодать, но и не должна наедаться досыта. И сытый, и голодный желудок мешают размышлять о благопристойных вещах...»

Мешают размышлять! Я не ела почти сутки, не считая бокала шампанского вечером. Последняя моя трапеза – хлеб с джемом вчера за завтраком.

Мне было так плохо и тяжело на душе, что казалось, я не смогу впихнуть себя и крошки, но мне нужен план, а значит, я обязана позаботиться о теле!

– Я голодна! – сообщила я джинну, когда мы отошли подальше от толпы и встали в тени глухой стены. – Сделай мне...

Я задумалась, мысленно перебирая еду, которую можно жевать на ходу. Однажды, будучи в столице, я видела, как ватага мальчишек ест из промасленного кулька картофельные палочки, истекающие жиром. Папа наотрез запретил мне даже мечтать о такой гадости, но Патрик тайком притащил мне кулек. Правда, палочки к этому времени отсырели и сделались квелыми.

Продавали на улицах города и зажаренную до хруста мелкую рыбешку, и отварной картофель. Придется есть руками, но что поделать.

– Желаю картофельных палочек!

Джинн странно хмыкнул и протянул мне бумажный сверток, который будто вытащил из воздуха. Я тут же сунула палочку в рот, но не почувствовала ни вкуса, ни запаха, словно жевала бумагу.

– Что это? – опешила я.

– Иллюзия, – усмехнулся джинн. – Так же, как одежда на тебе. Как конь, на котором я въехал во двор тюрьмы. Слухи о возможностях джиннов сильно преувеличены.

– Я ею не наемся...

Джинн чуть наклонил голову с бесстрастным видом, но в глазах его горело удовлетворение. Он снова упивался моей беспомощностью. Гад, гад! Ну ладно!

– Иллюзию монет тебе ведь ничто не помешает создать? – презрительно спросила я.

Спустя несколько минут я сидела в забегаловке, которых было полно в этой части города. Она насквозь пропиталась кислым запахом

пива и курительной смеси, замызганные столы можно было отчистить только с верхним слоем древесины. Радовало лишь то, что ранним утром в трактире оказалось тихо и пусто.

Я села за дальний столик в углу, спиной к двери. Джинн расположился напротив. Заспанная подавальщица принесла завтрак: толстый ломоть серого хлеба, яичницу и запотевшую глиняную кружку. Я понюхала:

– Пиво? Ой... Можно воды?

– От воды ты, дорогуша, будешь дристать дальше, чем видишь, – грубо ответила служанка. – Пей, ничего с тобой не сделается. Оно слабое.

Я вцепилась зубами в хлеб. Он оказался вчерашним, твердым, как подошва. Чтобы протолкнуть кусок в горло, пришлось сделать изрядный глоток пива. Прогорклый напиток ударил в нос, я закашлялась.

А потом без перехода разревелась. Слезы катились по щекам, капали на хлеб, смешивались с пивом... Перед внутренним взором снова и снова вставали портреты. Папа, мама, Патрик... Сердце рвалось и болело, будто чья-то безжалостная рука проникла в мою грудь и терзала, и сжимала его.

Я совсем одна в этом мире. Совсем одна! Не считая хитрой и коварной твари, с которой я теперь связана договором. Я впервые за долгое время подняла глаза на джинна и вздрогнула от мрачной радости на его лице, которую он и не пытался скрыть.

– Каково это, терять родных и любимых? – спросил он, впери в меня черный взгляд. – Наверное, легче позволить красным муравьям искусать себя до смерти, лишь бы перебить эту боль? Подставить руки под каленое железо? Да только это не поможет. Ты горишь в огне, зайчишка.

– Ненавижу тебя! – прошептала я. – Как же я тебя ненавижу, погань.

Джинн никак не отреагировал на мою неприкрытую ненависть и ничуть не изменился в лице, но его ответ заставил кожу покрыться мурашками.

– Не боишься, что на закате, когда придет время исполнять свою часть договора, я тебя придушу? – спокойно спросил он.

А смотрел так, что стало ясно: не шутит.

– Не боюсь! – выпалила я, вовсе не чувствуя той отваги, что звучала в голосе. – До смерти не задушишь. У нас договор!

Джинн криво усмехнулся. Ох, не нравилась мне эта отвратительная улыбочка!

– Нельзя нарушить сделку, – неуверенно произнесла я. – Ты ведь...

Сердце заколотилось как бешеное.

– Ты ведь не солгал? Время можно повернуть вспять? Мы... Я... Если я соберу все артефакты, моя семья останется жива? – торопливо заговорила я.

– Солгал, – ответил он. – Или не солгал. Ты все равно этого не узнаешь, пока не соберешь артефакты.

По непроницаемой физиономии джинна невозможно было понять, какой вариант истинный. Он насмеялся надо мной, продолжит глумиться и дальше. Пора брать себя в руки и перестать вестись на провокации.

Я некоторое время молча завтракала: отщипывала кусочки от краюхи и ковыряла желток подгоревшей яичницы.

– Ладно... Раз уж нам пришлось заключить временный союз, постараемся не вести себя как дикари. Хочешь есть?

– Я не нуждаюсь в еде.

– Ну... Понятно. Не нуждаешься. Но, может, хочешь попробовать, что едят люди?

– Нет аппетита.

Я вскинула взгляд и прикусила язык, с которого готово было сорваться язвительное «Из-за меня?» Спокойствие! Союз, мир, цивилизованные воспитанные люди! Во всяком случае, я.

– Как тебя зовут?

– Тот, кто первым вызвал меня из браслета, назвал Редьярдом.

– Редьярд? Разве могут быть у джиннов такие имена? – не поверила я.

– Настоящее я тебе не скажу.

– Может, я стану называть тебя «раб браслета»? – не удержалась я. – Как ты меня – зайчишкой!

– Лживым зайчишкой, хозяйюшка. Можешь называть как твоей душе угодно, но это не значит, что я откликнусь.

Я сжала кулаки и со свистом втянула воздух сквозь сомкнутые зубы. Разговаривать с джинном все равно что пытаться пробраться сквозь запутанный лабиринт или решить сложную шараду: необходимо следить за каждым словом.

Редьярд, значит. Стоит признать, это имя удивительно подходило джинну. В нем звучала и ярость, и яркость.

– Яр... – негромко произнесла я, приноравливаясь. – Яр.

Как ни странно, возражать джинн не стал. Я допила гадкое на вкус пиво, собираясь с мыслями. Хотя по утверждению подавальщицы напиток был слабым, я все же слегка захмелела и ощущала в себе невиданную доселе храбрость и наглость.

– Я очень мало знаю о джиннах, – призналась я. – Скажи, как ты узнал о...

«Смерти», «гибели»... Слова царапали горло.

– О трагедии в моей семье. Ведь тебя там не было.

– Я знаю все, что случилось в жизни моего хоз...

Теперь ломало джинна.

– Хозяина браслета, – выкрутился он. – Все, что он видел своими глазами, и все, что он сам знает об окружающем его мире. Мне не надо учиться правилам этикета, изучать геральдику или расспрашивать о событиях твоего детства. Эти знания приходят сами и постепенно. Оживают, словно воспоминания. Не сразу... Сначала я узнаю самое важное, как, допустим, убийство твоих родителей. И чуть больше, чем ты. Твой отец умер не сразу, он успел увидеть, как барон Фарли несколько раз воткнул нож в грудь твоей матери, однако был слишком слаб, чтобы помешать.

Джинн произнес последние фразы таким будничным, таким скучным тоном, что я не сразу осознала ужас сказанного, а когда

осознала – заледенела до кончиков пальцев на ногах. Кровь отхлынула от щек, руки затряслись.

Сказать ему, какая он паскуда? Джинн лишь обрадуется, что снова сумел растравить душу.

– Желаю монету, – коротко приказала я. – Мы уходим.

Джинн отломил крошку от хлебной корки, подбросил в воздух, поймал в ладонь мелкую серебряную монету и протянул мне. Подавальщицы в зале не наблюдались, поэтому я оставила монету на прилавке, идя к выходу.

Я совершенно не ожидала, что у самого порога меня грубо схватят за воротник. Я забилась, точно котенок, поднятый за шкирку. Крепкая рука развернула меня, и я оказалась нос к носу с распаренной красной физиономией. Амбал с закатанными по локоть рукавами, в кожаном фартуке, злобно скалил зубы.

– За нос меня водить, дрянь?

– Что? – пискнула я. – Ой! Отпустите! Что случилось?

Хозяин забегаловки – это был он – разжал хватку, я шлепнулась на пятки, а мужчина поднес к самому моему носу мозолистую ладонь, на которой лежала знакомая крошка хлеба.

– Это что, по-твоему? Монета?

Я с ненавистью зыркнула на Яра, который, пользуясь невидимостью, с живым интересом наблюдал за разборкой. Заметил мой взгляд. Улыбнулся. Весело ему!

– Нет, не монета, – признала я, опустив голову. – Простите.

Мужчина рассмотрел меня с ног до головы, подмечая и заплаты, и общий затрапезный вид.

– Магией, значит, владеем, а деньгами нет?

– Угу... – покаянно согласилась я. – Извините.

– В академию магии приехала поступать?

Неожиданный вывод, про академию я и не думала.

– Угу, – подтвердила и на этот раз.

– Может, в том местечке, откуда ты родом, этот фокус бы удался. Но тут таких магичек-неумех за версту заметно. Вон, видишь, у меня защитные артефакты над дверью?

Хозяин таверны так гордился своей предусмотрительностью, что перестал злиться и перешел на миролюбивый тон.

– Так что, девочка, придется отработать.

Я напряглась и против воли нашла глазами джинна, тот безучастно развел руками.

– Я...

– От твоей слабенькой магии мне проку нет, а вот посуды со вчерашнего дня осталось – полный чан. Так что закатывай рукава и приступай!

Я не рискнула снова прибегать к помощи джинна: пока все загаданные желания оборачивались неприятностями, большими и маленькими, но радости не принесло ни одно.

Поначалу дело не ладилось. Я впервые мыла посуду и не ожидала, что мыльные тарелки, как живые, будут норовить выскользнуть из рук. Одна так и вылетела, грохнулась на пол, но, к счастью, не разбилась. Видно, рачительный хозяин наложил на посуду бытовое заклятие – расколошматить ее не так-то легко.

Постепенно я приноровилась. От монотонной работы неожиданно стало легче на сердце. Теплая вода согрела ладони, переливчатые пузыри, появляющиеся на поверхности воды, напоминали о радуге после ненастного дня. О надежде. О рассвете после долгой мрачной ночи.

А когда осталось вымыть последнюю тарелку, меня озарила идея.

– Академия магии! – произнесла я вслух.

Во-первых, чтобы не потерять мысль, а во-вторых, чтобы поставить в известность джинна, с которым не хотелось разговаривать напрямую.

– Сейчас проходят вступительные экзамены. Я тоже попробую поступить! Магии у меня нет, но это неважно: на первых порах обману комиссию, а надолго мне задерживаться и не придется. Заберу кувшин и сбегу!

Я ожидала услышать в ответ очередную язвительную реплику, но Яр сказал только:

– Идем.

Поступить в академию магии – тайная мечта каждого ребенка королевства, будь он благородных или самых простых кровей.

Наверное, не было никого, кто в детских играх не представлял себя могучим магом. Даже деревенские ребятишки, едва научившись ходить, умели складывать пальцы в жесте «Замолкни» и «Растворись в воздухе». Конечно, без магической силы эти жесты использовались больше как ругательства.

Помню, отец впервые в жизни отчитал меня, пятилетнюю малявку, за то, что я направила сложенные щепотью пальцы на няню. Жест я подсмотрела у конюха.

– Видно, я дурно воспитал свою дочь, – вещал папа трагическим голосом, заставляя меня опускать голову все ниже под его осуждающим взглядом. – Показывать этот жест все равно что ругаться грязными словами!

– Ой... Папуля, но я ведь не обзывала нянюшку! – попыталась оправдаться я.

– Это хуже, чем обозвать. Хорошо еще, что в тебе нет ни капли магической силы, иначе бедная женщина могла бы онеметь навсегда!

В тот момент слова отца меня сильно расстроили, и не только из-за мук совести: я все никак не могла смириться с тем, что магом мне не быть.

Мы с Патриком несколько лет играли в великого колдуна и его помощника. Патрик делал нам плащи из простыней, накручивал на головы наволочки. Всем известно, что волосы на какое-то время сохраняют магическую силу и маг должен тщательно следить за тем, чтобы ни одна волосинка не попала в недобрые руки. Мы носились по замку, выкрикивая заклинания и выгибая пальцы в придуманных плетениях. Веселое было время!

Потом я начисто забыла о своей детской мечте. Патрик продержался дольше: ему очень не хотелось прощаться с надеждой стать магом. Может, он потому и разрешал маме обвешивать его амулетами – все же какая-никакая магия всегда была у него под рукой.

Воспоминания теснились в моей голове, пока я двигалась в центр столицы по улицам, которые постепенно становились все просторнее и чище.

Несколько лет назад Патрик где-то раздобыл устав академии – тоненькую книжицу, отпечатанную на мелованных листах. Он зачитывался им, будто романом, представляя себя на месте студента академии. Заглянула разок и я. Ничего там примечательного не оказалось, все как в любом учебном заведении, разве что дисциплины отличались. Трансфигурация, история магии, боевые заклинания, целительство, бытовая магия.

– Я бы мог стать боевым магом, – мечтательно говорил Пат.

– Ага, будь у тебя магия! – смеялась я.

– Ой, молчи, стрекозьявка! Тебе боевая магия и не светила бы. Максимум – попала бы к бытовникам!

– Пф!

Я вспомнила этот наш давний разговор, а вместе с ним еще кое-что! Патрик именно тогда поведал мне о распределении по факультетам. Этим занималась вовсе не приемная комиссия, как можно было подумать, и от желания студента тоже ничего не зависело.

Распределяла по факультетам Арка Возможностей, под которой проходили кандидаты.

Хлипенькая такая арочка на входе, очень старинная. Говорят, ее привезли не разбирая из какого-то древнего города. Камни в ней были изъедены временем, удивительно, как еще не выпали из кладки.

Ни замка, ни ворот. Сквозь проем каждый желающий мог полюбоваться корпусами, сложенными из белого камня, центральной площадью с фонтаном, чистыми аллеями. Арка будто приглашала зайти.

Патрик, будучи в столице, пробовал не единожды. Да только, пройдя под аркой, он всякий раз оказывался снаружи. Со стороны это выглядело так, будто Пат ходит туда-сюда, а лицо его становится все более обескураженным.

Зайти в академию мог лишь тот, в чьей крови жила магия. И сразу, без лишних разговоров, Арка Возможностей устраивала ему испытание, по итогам которого решалась судьба – боевиком ли станет кандидат, целителем или бытовником.

– Проклятие... – пробормотала я. – Как же я позабыла!

– Что? – спросил джинн, хотя я вовсе не к нему обращалась.

– А ты не знаешь, такой вездесущий? – уколола я его.

– Узнаю, через пару мгновений, – невозмутимо ответил он.

Я махнула рукой.

– Мы не зайдем! Я об этом не подумала сразу, но сейчас вспомнила: попасть в академию могут только маги! А я не маг!

– Идем, – сказал Редьярд, он оставался все так же бесстрастен. – На месте разберемся.

У Арки Возможностей толпились люди. Присмотревшись, я поняла, что у входа в академию стоят будущие студенты и родители, пришедшие проводить чад. Судя по одежде, своей очереди ждали выходцы из всех сословий. Удивительная вещь – магия, никогда не угадаешь, в ком она может проснуться.

Мы, вернее, я – ведь джинн оставался невидим – пристроилась за пухлой женщиной и ее упитанным сыном, который старательно жевал пирожок, а его мать держала наготове второй. Нет, ну где справедливость? Почему магия досталась этому толстяку, а не моему любимому брату?

До носа долетел одуряюще вкусный запах сдобы: в корзине, которую женщина нервно сжимала в руке, лежала целая гора пирожков. Под ложечкой снова засосало от голода.

Я гордо отвернулась, но женщина успела заметить мой жадный взгляд и тут же протянула мне пирожок.

– Держи-держи! – ласково сказала она. – Еще горяченький! Все утро пекла, а Мик отказывается с собой брать! Всех бы угостил!

– Мам! – взревел Мик. – Ну куда я их возьму! Мне предстоит испытание! Может, придется сразиться с драконом! Я что, должен закидать его твоими пирожками?

Женщина промолчала, но, по-моему, мысль задобрить дракона пирожками не показалась ей такой уж глупой.

– А тогда сам ешь! – буркнула она. – Зря я, что ли, с четырех утра на ногах!

– Дай сюда!

Мик забрал у матери корзину и прошелся вдоль очереди, одаривая всех пирожками. Мне достался еще один, с капустой.

– А что же ты, детка, без родителей? Совсем одна? Кто тебя провожает? – спохватилась женщина.

Только не реветь! Я встретила взглядом с темными глазами Джинна. Удивительно, что он не попытался снова меня уязвить: как раз представилась возможность.

Нельзя расклеиваться: я еще только в самом начале трудного пути! Эта мысль меня отрезвила.

– Я из пригорода. Родители не смогли поехать, работы в поле много... – соврала я.

Очередь колыхнулась, продвинулась на шаг вперед. Кто-то готовился зайти под арку. Интересно, увидим ли мы его испытание?

Я приподнялась на цыпочки, стараясь поглядеть поверх голов. Кандидат в щегольской курточке и модном берете как раз ступил под каменный свод. Пространство внутри арки пошло рябью, как поверхность чистого и прозрачного пруда. По ту сторону вышел тот же парень, да только берета как не бывало, волосы стояли дыбом, куртка порвана чуть ли не в лоскуты. Но студент – теперь уже студент – выглядел вполне довольным, когда он обернулся и помахал обмершим родителям.

– Боевой факультет! – крикнул он.

Очередь захлопала ему, а новоиспеченный боевик легкой походкой направился в сторону центрального корпуса.

Мне сделалось дурно. Не хотелось мне никаких испытаний!

Да ведь и не будет их, да? Я ведь не маг! Но как же тогда попасть в академию и забрать кувшин?

Очередь снова ожила. Быстро двигается! Для нас, стоящих снаружи, испытания студентов длились доли мгновения, но, судя по тому, какими истрепанными, ошарашенными, исцарапанными и грязными они появлялись по ту сторону, время под аркой двигалось иначе.

Вот, обтерев жирные ладони о курточку, шагнул под Арку Возможностей Мик. Появился помятый, но сияющий.

– Бытовой!

Есть чему радоваться!

Только сейчас я поняла, что наступил мой черед. Ноги отказывались сделать шаг.

– Ну, смелее! – подбодрила меня мать Мика.

Джинн встал со мной плечом к плечу, будто так и надо.

– Зайчишка, решайся. Или ты соскучилась по Адриану?

Во мне вспыхнула злость, придала сил. Да и чего бояться, если сейчас арка просто выплюнет меня обратно?

Я шагнула. И день сменился ночью.

Потянуло сухим теплым ветром, запахло высушенной на солнце травой. Насколько хватало глаз, предо мной простиралась степь. Над головой на черном бархате неба горели звезды. Таких больших и ярких звезд я никогда не видела в городе. Далеко-далеко на западе у самого горизонта вставали гряды гор.

Вот это магия! Высшего разряда! Все словно настоящее. Я чувствовала запах, ощущала прикосновение ветерка к коже. Я бы не отказалась немного прогуляться по этому миру.

– Как спокойно и тихо, вовсе не похоже на испытание, – сказала я, обернувшись к джинну.

И вздрогнула. Яр вернул свой первоначальный облик. Метались огненные всполохи в глазах, узоры на халате горели золотом и серебром. Было и еще кое-что. Тонкие белые шрамы на его груди, почти незаметные в день знакомства, сделались багровыми, будто только-только затянулись. Ноздри трепетали от едва сдерживаемой ярости.

– Яр?..

Он не ответил, словно не слышал меня, да и вовсе забыл обо мне. Сжав кулаки, он поворачивался туда-сюда, всматриваясь в темноту.

Похоже, Арка Возможностей приняла моего джинна за студента и приготовила испытание ему.

Запахло дымком, и посреди степи вспыхнули огни, осветив шатры. Джинн рванул с места. Его войлочные тапочки бесшумно ступали по земле.

– Стой, подожди!

Я побежала следом, но туфли натерли ноги. Я почти сразу отстала, а потом, разозлившись, скинула обувь и пошла босиком. Трава оказалась теплой и мягкой, совсем не колола ступни.

– Ладно, отлично, – ворчала я. – Бросил меня здесь одну. Все равно Арка тебя не выпустит!

И, решив, что нет никакого резона торопиться – джинн пройдет испытание вместо меня и вернется, чтобы разыскать хозяйку, – я уселась на пригорке и залюбовалась далекими кострами.

Умиротворение длилось недолго. В поселении творилось что-то нехорошее. Заметались тени, забегали, закричали люди. Мужчины в ярости, женщины и дети в страхе. Из степи к поселению приближалась угроза. Я не видела, кто наступает: я была в безопасности, с другой стороны шатров.

Джинн побежал, чтобы помочь? Предотвратить? Наверное, я могла остаться на пригорке и ждать, пока все закончится, но почему-то не могла. Поднялась на ноги и, постояв, двинулась вперед.

– Это просто иллюзия, – сказала я себе. – Никто не пострадает. Это не реально. А если реально... Если реально... то чем я смогу помочь?

Вдруг Арка Возможностей перенесла нас в другой мир, где от нашего вмешательства будут зависеть жизни? Я не маг, я не боец. Я даже оружия в руках никогда не держала. Какой от меня прок?

«Но ты можешь спасти хотя бы одну жизнь, – прошептал внутренний голос. – Хотя бы одну. Можешь спрятать ребенка, унести его на руках...»

До ушей донесся тонкий детский плач, и тогда я, ругая себя за глупый, никому не нужный героизм, кинулась вперед.

Я ворвалась в круг шатров, когда поселение оказалось полностью окутано едким дымом. Горели не только костры – горели шатры, полыхали, как факелы. В чаду суетились люди, выкрикивали слова на незнакомом языке, но как я ни старалась – я не могла дотянуться ни до одного из них. То справа, то слева слышался детский плач, однако, бросившись на голос, я хватала руками лишь пустоту.

Пламя окружило со всех сторон. Задыхаясь в дымном смраде, я бежала то в одну сторону, то в другую, натываясь на пылающие шатры. Глаза слезились, в горле и в груди саднило.

Неожиданно огонь расступился, оставляя проход, и я бросилась в него, вырвалась на свободу из огненного плена. Огляделась и поняла, что еще ничего не закончилось.

Один из шатров, обтянутый белым войлоком с набитыми по нему золотыми листьями, был шире и выше остальных. Жилье непростого человека – предводителя или полководца.

У самого входа, обернувшись лицом к степи, раскинув руки, замер Редьярд. От его ладоней расплывалось радужное сияние. Я сразу

вспомнила о мыльных пузырях в чане с посудой. Пленка выглядела такой же тонкой: надави – и лопнет.

В степи зашевелились тени. Зло, наступающее на мирное поселение, выглядело как сгустки тьмы с точками глаз. Раздался резкий звук, и мгла выплюнула яркие вспышки. На Редьярда, на шатер, на меня со свистом неслись... Пули? Я вспомнила этот звук! Слышала, когда папа и Патрик тренировались в саду, стреляя по деревянной мишени, – готовились к охоте.

Я приготовилась к тому, что раскаленные кусочки металла прошьют меня насквозь, однако радужная сфера, казавшаяся такой непрочной, останавливала их полет. Пули, ударившись о преграду, падали у ног Яра.

Я сделала шаг к джинну. Еще один. Подбежала и встала сбоку, глядя на побледневшее, сосредоточенное лицо Редьярда.

– Это ведь не по-настоящему, – прошептала я, сама себе не веря до конца.

Вонь пожарища, звук пуль, крики людей – все было очень реально.

– Чем тебе помочь? – спросила я.

Он тряхнул головой, точно отгонял меня, как назойливую муху.

– Не нужна... твоя... помощь... – процедил он сквозь зубы.

Какой упрямый, даже и теперь продолжал меня ненавидеть. Я бы так и переминалась с ноги на ногу, не понимая, что делать дальше, но тут из шатра послышался плач.

Я нырнула под полотно и оказалась в просторном, вкусно пахнущем травами помещении. Босые ноги утонули в густом ворсе ковра, блеснули кривые сабли, висящие на стенах. У очага жались друг к другу две фигурки – две темноволосые девочки.

Я подбежала и обняла обеих за плечи. Они подняли на меня залитые слезами лица. Одной на вид было лет десять, другой – пять. Девчушки ухватились за меня с отчаянной надеждой, а я, сама недавний ребенок, неожиданно ощутила себя взрослой.

– Все будет хорошо! – прошептала я, подбадривая малышей. – Не волнуйтесь! Все будет хорошо!

– Он нас спасет? – доверчиво спросила младшая девочка.

– Конечно, глупенькая, – сказала старшая. – Брат нас защитит.

«Не всегда братья могут защитить... – мелькнула грустная мысль. – Даже когда хотят этого всей душой...»

Снаружи шел бой не на жизнь, а на смерть. Грохнул, разрываясь, заряд пороха. Шатер пошатнулся, но устоял. Устоял ли Яр? Судя по всему, да: битва продолжилась.

Какая жуткая иллюзия! Надеюсь, всего лишь иллюзия! Девочки, которых я обнимала, прижимая к себе, казались по-настоящему живыми. Их плечики вздрагивали, они хрипло дышали и вскрикивали.

Кто бы это ни сотворил – он могучий маг. И очень злобный!

Последний раз взвизгнули пули, и все стихло. Полог шатра отодвинулся, в проеме появилась черноволосая голова джинна. В это же мгновение две девчушки растаяли, как не бывало. Мои руки, только что обнимавшие детей, повисли в воздухе.

Джинн выпрямился и огляделся. На его лице, обычно непроницаемом, сменилась гамма чувств: радость, надежда, будто он ожидал кого-то увидеть, а после – жестокое разочарование.

– Никого... – устало сказал он, опустившись на ковер, и сел по обыкновению, скрестив ноги. – Я победил. Но поздно.

– Все хорошо... – произнесла я дрожащим голосом, подбираясь поближе и присаживаясь рядом. – Хорошо...

Я, как яркая птица с океанских островов, повторяла одно и то же слово. Ну и встряска! Вот это испытание!

Шатер вздрогнул, как будто рядом прошел кто-то огромный, от его поступи затряслись войлочные стены. Громоподобный голос произнес:

– Ты прошел на боевой факультет. Поздравляю!

Джинн нахмурил брови.

– Хафиз? – спросил он недоверчиво.

– Это ты? – в свою очередь изумился обладатель оглушительного голоса. – Что ты здесь делаешь?

Полог снова качнулся, на этот раз пропуская внутрь вовсе не великана, как можно было подумать, а щуплого старичка. Из ворота черного халата – такого же, как у Редьярда, – торчала лысая, как шар, голова, смуглые щеки сморщились, как печеное яблоко.

Старичок заметил меня и лукаво улыбнулся.

– Джинн магической академии, – представился он.

– Раб кувшина! – ахнула я.

– Предатель, – прошипел Яр.

Старичок присел рядом с Яром на ковер. Мой джинн смотрел волком, раб кувшина, наоборот, благодушно улыбался, в глазах-щелках сверкала хитринка.

– Вы знакомы? – воскликнула я, но джинны мой вопрос дружно проигнорировали.

– Почему же предатель? – спросил Хафиз.

Редьярд развел руки в стороны, мол, полюбуйся на все это, что-то еще требуется объяснять? А вслух добавил:

– Ты по своей воле им служишь! Разве нет?

– Служу? О нет, я служу только себе. Развлекаюсь.

– А?.. – начала было я, но два жгучих взгляда скрестились на мне, будто хлысты, я едва поборола желание уползти подальше в тень.

Я чувствовала себя точно во сне. Сидим в шатре, джинны болтают как ни в чем не бывало. Неужели там, снаружи, не прошло и доли мгновения?

– Развлекаешься? – переспросил Яр с горечью в голосе. – Когда-то мы поклялись, что их лживый род не будет знать пощады. Что только месть отныне будет двигать всеми нашими помыслами!

Хафиз вздохнул в ответ на горячую речь, покачал головой.

– Я мщу. Как могу, так и мщу, – искренне сказал он, так искренне, что сразу стало ясно: врет. – Они у меня отсюда еле живыми выползают, голубчики.

– Живыми! – процедил Редьярд.

Хафиз промолчал, провел рукой над полом, и тут же развернулась скатерть, уставленная яствами: на тарелках лежали орехи, засахаренные сухофрукты, инжир, финики и зерна граната, тонкие ломтики сыра и ветчины. В золотых кубках плескалось рубиновое вино.

– Какой разговор на голодный желудок? Ешьте, пейте, отдыхайте.

Яр не сдвинулся с места, но меня дважды уговаривать не пришлось. Сыр таял во рту, инжир лопался от зрелости, гранат разливался на языке сладостью.

– Это ведь иллюзия, да? – не поняла я. – Почему так вкусно?

– Иллюзия, – наклонил голову Хафиз. – Сыт ею не будешь, но вкус от этого не страдает.

Я злобно уставилась на Редьярда, припомнив картофельные ломтики со вкусом бумаги. Он сделал вид, что не замечает моего осуждающего взгляда. Небрежно поднял кубок, пригубил вина.

Некоторое время тишина шатра нарушалась лишь негромкими звуками трапезы. Причем ела только я, меня вдруг обуял зверский аппетит, хотя я старалась не запихивать в рот все подряд. Джинны степенно пили вино.

Иллюзия оказалась очень сытной, на меня навалилась сонная усталость, глаза закрывались сами собой – хоть пальцами веки держи. Я несколько раз клюнула носом, потом сдалась и растянулась на ковре.

– Разбуди... когда придет пора выходить... – пробормотала я.

Редьярд и головы не повернул в мою сторону, давая понять, что я интересую его не больше, чем сухая былинка, носимая ветром.

– Зачем ты ее усыпил? – невозмутимо спросил он у Хафиза.

Я задремала, но не уснула, поэтому удивилась вопросу. А еще сильнее удивилась другому: Яр говорил на незнакомом языке, однако я понимала каждое слово. Наверное, благодаря браслету я слышала истинный смысл слов, и вряд ли джинн об этом знал! Ух, разозлился бы!

– Чтобы поговорить спокойно, – на том же языке ответил Хафиз. – Отомстить, говоришь? Почему же эта девочка до сих пор жива и ты ей помогаешь?

Даже сквозь закрытые веки я почувствовала, что джинн скользнул по мне взглядом угольно-черных глаз – будто ожег. Не иначе как сожалел, что не полюбовался моим телом, качающимся в петле.

– Мы заключили сделку, – глухо сказал он. – Я дарую всем нам забвение.

– Забвение, значит? – В голосе Хафиза не слышалось великой радости. – Спасибо, конечно, о большем и не мечтал. А ты не собирался сначала спросить у меня – хочу ли я забвения?

Я наблюдала за Редьярдом сквозь опущенные ресницы. Увидела, как он вскинулся, рука дрогнула, расплескав вино.

– Нет, не подумал, представляешь! – язвительно сказал он, переходя с высокопарной иноземной речи на язык моего народа. – Я и

вообразить не мог, что кому-то понравится быть рабом. Выполнять их прихоти! Я свой выбор сделал! Забвение – единственный выход!

– То есть смерть? – сказал Хафиз, как отрезал. – Да, знаю, нас не убить. Но забвение ничем не лучше!

– Это свобода!

– Настоящую свободу ничто не заменит, – грустно сообщил старичок. – Хотя что ты знаешь об этом, мальчик? Я дольше тебя прожил на свободе. Я любил женщин, вырастил детей, я видел эту жизнь. А что успел увидеть ты? И хочешь лишь одного – забвения?

– Женщин я тоже любил, – фыркнул джинн, и мне, хоть никто давно не обращал на меня внимания, захотелось закрыть лицо руками от стыда.

– Ты их не любил, ты их имел, – усмехнулся Хафиз. – Ты не знаешь любви. И согласен навсегда отказаться от нее? Забвение! Мальчишка!

– Я не желаю быть рабом! Уверен, пленница перстня и пленник алмазного венца согласятся со мной! А тебе... придется пойти с нами. Я позже объясню, что нужно сделать.

Хафиз в несколько глотков осушил кубок с вином, вытер алые губы и сказал:

– Пойду, почему нет! С одним условием. Девчонка выпустит меня из кувшина и не станет держать на коротком поводке. И мне забвения не нужно, благодарю покорно. Вернете обратно в академию. Может, и ты со мной останешься? Какая-никакая власть! Ты бы посмотрел на эту молодежь! Кто-то плачет! Кто-то просит пощады! Некоторые здесь не на один день застревают...

Похоже, Хафиз искренне любил свою работу.

– Только вам придется отыскать мое вместилище. Кувшин хранится в музее академии.

В музее! Отлично! Едва ли музей академии занимает много места, я без труда отыщу кувшин. Главное, что сам Хафиз не против отправиться с нами.

Джинны какое-то время молчали. Редьярд набрал горсть орехов и задумчиво их жевал.

– Прости за это, – сказал Хафиз. – За испытание. Само получилось. Арка почувствовала твою боль, ну и...

Яр поднял ладонь, мол, не стоит об этом.

– Не хотел об этом упоминать, но ты ведь знаешь, что одно желание можешь заполучить для себя? – вкрадчиво сказал Хафиз, чуть наклонившись в мою сторону. – Достаточно лишить невинности хозяйку артефакта. Сама судьба привела ее в твои руки. Когда еще представится такая возможность? Вместилища обычно не попадают во владение юных дев.

Волосы на моих руках встали дыбом от ужаса. Не для того ли джинн придумал особое условие? До заката осталось несколько часов, а потом Яр будет волен делать со мной, что захочет! Сердце заколотилось в груди, когда я представила, как он расстегивает пуговицы на моем платье – быстро, деловито, а выражение на лице все такое же презрительное и бесстрастное. Кто станет заботиться о чувствах былинки?

Но я знала... Знала, на что иду! И согласилась! Что же теперь...

По щеке сползла слезинка. Никто не заметил ее в полумраке шатра. А если заметили... Им плевать.

– Какая твоя забота? – пренебрежительно произнес Яр. – Девочка моя, желание тоже мое.

Вот как! Я – его девочка? Я думала, что это он – мой джинн. Я снова ощутила себя песчинкой в его руках. Соломинкой, которую он ломает, если захочет. И ведь ломает – как только я сделаюсь ему не нужна.

– Насчет забвения, значит, передумал?

– Может, это и есть мое желание? – бесстрастно отозвался Яр. – Ты надоел мне, Хафиз. Я вижу тебя насквозь. Только попробуй приблизиться к ней ближе, чем на шаг, когда девочка заполучит кувшин!

– Что ты, что ты! Как я смею! Да ведь я не смогу коснуться ее и пальцем!

Редьярд хмыкнул.

– Да. А вот я смогу.

– Вставай! – Джинн наклонился к моему уху. – Мы уходим.

Хафиз, усмехаясь, щелкнул пальцами, и сонливость тут же слетела с меня, будто невидимое покрывало.

– Как выйти из-под арки?

– Просто иди, – сказал раб кувшина.

Я пожалала плечами, шагнула вперед и мгновенно оказалась на мостовой позади Арки Возможностей. После жаркой ночи неведомого мира сделалось зябко, к тому же туфли так и остались лежать где-то на холме. Но разве это важно? Главное – я смогла! Я прошла на территорию академии! Патрик, ты видишь это?

– Детка, ну что? – подала голос добрая женщина, угощавшая меня пирожками. – Какой факультет?

Я обернулась и оказалась под прицелом десятков любопытных глаз.

– Б-боевой... – нерешительно выдавила я.

– Чего? – возмутился двухметровый здоровяк. – Эта малявка – в боевой?

Мать Мика ткнула в него знаком «Замолкни», а мне ласково улыбнулась.

– Удачи в учебе, детка!

Я поторопилась отойти подальше от Арки, чувствуя себя обманщицей. Какой из меня боевик? Здесь нет моей заслуги! Это джинн прошел испытание...

Джинн! Кстати, где он?

С момента моего появления в академии он будто растворился в воздухе. На всякий случай я пощупала браслет сквозь рукав – на месте, и защелка исправна. Я поднесла запястье ко рту, готовясь сказать: «Желаю, чтобы ты появился рядом», и... промолчала. Хочу отдохнуть от его надменной и холодной физиономии хотя бы пару часов. Да и ему, видно, несладко всюду ходить хвостом за своей хозяйкой. Нам нужна передышка.

Но куда мне идти? Дорожка, вымощенная гладкой брусчаткой, вела между высоких деревьев к видневшейся вдалеке площади. Я

разглядела фонтан в форме раскрытой человеческой руки, из ладони была вода. Надо понимать, это была рука мага, а струя воды являла собой магию.

Наверное, новоприбывшие студенты обязаны прийти в центральный корпус? Представиться ректору или комиссии? У меня не было при себе ни вещей, ни документов. Но, может, они и не нужны?

– Пр-риветствую тебя в академии магии, дорогой др-руг, – зазвучал откуда-то снизу голос, протягивая звук «р» в добродушном рычании.

Я уставилась на свои босые ноги, готовясь к тому, что со мной разговаривает сама тропинка. В академии все возможно!

Но оказалось, что ко мне навстречу из кустов вышел кот. Совершенно обычный на вид, серый, не слишком упитанный. Несколько таких котов-мышеловов проживали в нашем имении, вот только говорящего я видела впервые! Вокруг шеи неожиданного собеседника была повязана красная ленточка.

– Пр-рошу за мной, – сказал он.

Прошел мимо, мазнув пушистым хвостом по ноге, приглашая следовать за ним.

– Сначала за фор-рмой. Потом обед. Дальше заселение в общежитие и свободное вр-ремя.

– А к ректору когда? – спросила я и тут же обругала себя за глупость: еще подумает, что я напрашиваюсь!

Мне-то к ректору вовсе не надо, чем дальше я его не увижу – тем лучше. Я в академии задержусь самое большее на два дня, а потом сбегу.

– В свободное время я ведь могу сходить в музей? – спросила я, решив ковать железо, пока горячо. – Очень хочется увидеть музей академии.

– В музей вас поведут ор-рганизованно – завтр-ра. Обзор-рная экскурсия по кампусу!

Завтра! Придется провести ночь в академии. Думать о том, что произойдет после заката солнца, не хотелось! С другой стороны, если придется делить комнату с соседкой, джинн не посмеет ко мне приблизиться. Это мысль меня ободрила.

Кот подвел меня к небольшому строению. Я поднялась на крыльцо и в дверях столкнулась с Миком, который как раз выходил.

Он сменил привычную одежду городского парня на форму ученика мага. Мы с Патриком встречали в столице студентов академии на праздниках, в кофейнях или просто на улице. Их легко можно опознать по ярким платкам, закрывающим голову и завязанным над правым ухом каким-то хитрым узлом. Боевики носят алые платки, целители – зеленые, бытовники – желтые.

В повседневную форму входили удобные мягкие брюки и теплый стеганый жилет, надеваемый поверх рубахи, хлопковой летом или шерстяной в холодное время года. Зимой будущие маги щеголяли в меховых накидках.

Парадная форма – строгий черный костюм с набивным узором на ткани, алым, желтым или зеленым, – была чудо как хороша. И студенты в ней казались настоящими взрослыми магами, уверенными в себе, опасными и притягательными.

Мик сейчас был одет в повседневку. Желтый платок сбился со лба на макушку.

– О, приветствую! – обрадовался он. – И ты здесь! Увидимся за обедом.

Наверняка он решил, что я тоже прошла на бытовой.

Я робко зашла в прохладное гулкое помещение и оказалась в длинной комнате. По обе стороны тянулись полки, заставленные коробками и заваленные тюками. Передо мной, загородив проход, стояла шестирукая женщина.

Я моргнула, потрясла головой. Не иначе в глазах троится. Но лишние руки исчезать не спешили.

– Ну, что застыла? – строго спросила она. – Подходи! За тобой сейчас очередь образуется!

В ее руках замелькали ленты, обвили мою талию, грудь, бедра.

– Так, так, так... – забормотала она, идя вдоль полок и вглядываясь в бирки на коробках.

Раз, два – вспорхнули кисти рук, вынимая вещи. Три – верхняя левая рука подцепила алый платок. Четыре – удивительная женщина снова очутилась рядом со мной.

– Не двигайся и лучше зажмурься, а то голова закружится с непривычки.

Я послушалась: мне и без того сделалось жутковато. Шесть рук обхватили меня и принялись вертеть в стороны. Показалось, что

треснула, поползла с плеч ткань. Затянулся пояс. Манжеты обхватили запястья.

– Готово!

Я открыла глаза и не поверила тому, что вижу. Без магии не обошлось! Платье, сотворенное джинном, валялось на полу мятой тряпкой, я же была одета в новенький, с иголочки костюм!

– С платком сама, – буркнула шестиручка.

Она сунула мне алый платок и подтолкнула к зеркалу, которое занимало простенок до самого потолка. Я отразилась в полный рост и сначала себя не узнала. Я впервые надела брюки: и охотничий костюм, и костюм для верховой езды я предпочитала носить с юбкой. Форма плотно облегла фигуру. Диковинная кастелянша успела закрутить мои волосы в высокий пучок, да так, что не выбивалось ни одной волосинки. На меня уставилась перепуганная девчонка, мелкая, худенькая, большие синие глаза глядели растерянно, а вовсе не отважно.

Разве смогу я пройти тот трудный путь, что ожидает меня впереди? Разве справлюсь? Прав был джинн: я соломинка, сухая травинка... Сожми в кулаке – ничего не останется.

– Нет уж, – сказала я своему отражению. – Давай, соберись! Патрик смотрит на тебя!

Мой голос задрожал, но я справилась.

– И гордится тобой!

Патрик... Должно быть, родителей и брата похоронили в семейном склепе со всеми возможными почестями. А как иначе? Сам король скорбит! Могильные плиты украшены цветами... Патрик лежит в темноте, серебряные монетки закрывают его глаза. Губы, всегда готовые расползтись в улыбке, скорбно сжаты. Белые руки покоятся на груди...

На мгновение мне почудилось, что я вдохнула затхлый запах склепа, перемешанный с запахом увядающих цветов. Я пошатнулась. И крепко сжала в руках косынку.

Я не сдамся! Не бывать этому! Лучше сама погибну, стараясь их спасти!

Я встряхнула алую ткань, по краю золотом вспыхнули руны. Я знала, что там написано, каждый знал: «Пусть ни один волос не упадет

с твоей головы». Завязала как смогла – вышло кособоко. Ухо торчало из-под повязки, узел топорщился.

– Смотри, Пат. Я в академии! На боевом, бе-бе-бе, – поддразнила я брата, и мне очень хотелось верить, что там, откуда он сейчас наблюдает за мной, он рассмеялся от души.

В столовую меня проводил все тот же кот. Или это другой? Полоски светлее, а на макушке темное пятнышко. Сколько же в академии волшебных помощников?

– Кто ты? – не сдержала я любопытства. – Ты, шестирукая кастелянша...

Кот обернулся на ходу, и, могу поклясться, на его физиономии мелькнула улыбка, раздвинув пышные усы.

– Мы – ваши твор-рения, маги, – муркнул он.

– Иллюзии? – ахнула я. – Такие... настоящие!

– Мр-р, спасибо, дор-рогой др-руг. Кому-то ведь нужно стирать ваши вещи, заполнять документы, ухаживать за садом. Пр-ростым людям сюда хода нет, а помощники необходимы. Мы так давно живем на этом свете, что обрели разум. Пр-равда, за пределами академии мы р-развеемся навсегда. Но что нам делать за пр-ределами академии?

Удивительно! А сколько еще сюрпризов ждет меня за эти два дня! Мир открывается с совершенно неожиданной стороны.

Столовая – одноэтажное кирпичное здание – кишела людьми. Студенты сидели за длинными столами плечом к плечу, независимо от факультетов. Алый, зеленый, желтый цвета перемешались, от них пестрило в глазах. Толпа к тому же находилась в постоянном движении: кто-то поднимался и уходил, кто-то садился.

Кот подвел меня к краю скамьи, к месту, которое как раз освободилось.

– Пр-приятного аппетита! – сказал он и исчез так быстро, будто растворился в воздухе.

Я примостилась на скамью, в недоумении глядя на пустой стол. Но еще сильнее изумилась, когда из ниоткуда проступили тарелка с дымящимся супом, в котором плавали яркие пятнышки жира, и корзиночка с ржаным хлебом.

Снова иллюзия? И наверняка вкусная – вон как пахнет. Но долго ли можно продержаться, питаясь воздухом?

– Ешь-ешь, – хихикнула сидящая напротив девушка-целительница: она верно истолковала растерянность на моем лице. –

Еда настоящая. Это не иллюзия, в столовой настроен локальный телепорт. Ее доставляют прямиком с кухни – и остыть не успевает, и посуду убирать не нужно.

Другое дело! Я отправила ложку в рот и аж зажмурилась от удовольствия: не прогорклая яичница, не бумага вместо картофеля и не отравленные сонным дурманом яства Хафиза – настоящая еда! Как я по ней соскучилась.

Опомнилась, проглотив половину тарелки. Оказывается, пока я наслаждалась горячим супом, рядом втиснулся широкоплечий маг. Из-под алой небрежно завязанной косынки выбивались светлые пряди. Я увидела лишь мочку уха, край скулы да эти волнистые пряди и вздрогнула: незнакомый маг так сильно напомнил мне Патрика, будто рядом со мной сел старший брат.

– Привет, – негромко позвала я, чтобы избавиться от наваждения.

Маг повернулся. Он и внешне немного напоминал моего брата, но, конечно, это был не Пат. Однако достаточно было этих светлых локонов и серых глаз с легкой смешинкой в глубине, чтобы я невольно почувствовала симпатию к незнакомцу. Сама не заметила, как улыбнулась.

Парень, помедлив мгновение, вернул улыбку. Посмотрел на меня так, словно собирался что-то сказать, но я, смутившись, выпалила первой:

– Суп очень вкусный! Не иллюзия!

– Не любишь иллюзии? – спросил сосед, уголки губ снова дрогнули в улыбке. – Понимаю.

Я потупилась, ощущая, как к щекам приливает краска. Ну не глупо ли? Строить глазки первому попавшемуся симпатичному магу! Я сейчас совсем не об этом должна думать! Больше и слова ему не скажу.

Вот только суп я начала есть в два раза медленней и очень обрадовалась, когда на месте пустой тарелки появился глиняный горшочек с жарким. Горе, висящее надо мной как грозовая туча, и все предстоящие трудности ненадолго отступили. Здесь и сейчас, рядом с этим славным пареньком, располагающим к себе и так похожим на Пата, я чувствовала себя в безопасности.

Но, как я ни оттягивала момент, закончилось и жаркое, и сок в запотевшем прохладном стакане, и даже от лимонного кекса не

осталось и крошки. Я поднялась на ноги, и посуда тут же растворилась в воздухе.

Что там говорил пушистый проводник? Дальше по плану заселение в общежитие?

Новый знакомый тоже расправился с обедом и встал. Я пошла к выходу, он следом. Это и понятно: куда ему еще идти. Наверняка мы и дальше двинемся в одном направлении – к спальным корпусам. Будет довольно неуютно – идти рядом по аллее и молчать. Я первой решила продолжить разговор:

– Ты тоже новенький?

– Хм? А, да, конечно.

– Завтра нам покажут музей академии, – сообщила я, чтобы сказать хоть что-то.

Не скажешь ведь: «Знаешь, я сюда проникла обманом, я вовсе не боевой маг. В браслете на моей руке сидит джинн. Вернее, прямо сейчас не сидит, разгуливает где-то. А еще за мной охотится несостоявшийся жених. А у тебя что нового?» Музей был единственной безопасной – пока – темой для беседы.

– Завтра? – переспросил парень и тоже, судя по голосу, огорчился. – Я рассчитывал побывать в нем сегодня... Всю жизнь мечтал там побывать, прямо нет сил ждать!

Из кустов вылез очередной кот, на этот раз полностью черный:

– За мной, дор-рогие др-рузья. Я пр-ровожу вас в общежитие.

Мы переглянулись с моим новым знакомым.

– А знаешь что, – предложила я, – давай не пойдем в общежитие. Поищем этот музей, может, получится зайти?

Одна бы я не решилась нарушить правила. Не зря Патрик говорил, что я слишком послушная. От прежних привычек так просто не избавиться, но со временем я обязательно стану смелее! А сейчас мне не помешает дерзкий напарник!

– Давай, – усмехнулся маг и обратился к коту: – Ты не сдашь нас, мохнатый?

– Музей закрыт до завтра-ра, – муркнул тот. – Зря вр-ремя потр-ратите.

– Посмотрим! – самонадеянно заявил мой новый знакомый. – Пойдем...

Он поглядел на меня, я на него: имен друг друга мы не знали – самое время представиться.

– Ви, – сказала я и стушевалась: коротким домашним именем меня звал только брат. – Вивиана.

– Питер.

– Очень...

«Приятно» повисло в воздухе, так как Питер без лишних объяснений свернул с тропинки в кусты, раздвинул густые ветви, пропуская меня вперед.

– Ты знаешь, куда идти?

– Не-а... Но надеюсь ощутить зов артефактов.

А, вот оно как. Понятно. У меня-то магического дара нет, поэтому я весьма смутно представляла, как можно ощутить «зов», но уточнять побоялась, чтобы не попасть впросак.

Зато я знала о некоторых предметах, хранящихся в музее. Спасибо Патрику: брата привлекало все, что связано с академией. От него я узнала про кувшин, и про остальные вместилища джиннов тоже. Да что там – наверняка он и браслет отыскал благодаря своей неумной любви к магии.

Вот и новая тема для разговора – Питер наверняка оценит!

– Оракул – это хрустальный шар, который позволяет заглянуть в будущее, и его предсказания почти всегда верны. Но пользоваться им запрещено. Ходят слухи, что его создатель – темный маг, чье имя не сохранилось, – зачаровал его так, чтобы шар показывал только страшные варианты грядущего. А если их увидишь, изменить будущее будет невозможно, – рассказывала я, а Питер внимательно слушал. – Еще там хранится высушенная ветвь Изначального Древа. Если она расцветет – наступит конец времен. Про выставку аккумуляторов магической силы ты наверняка слышал! Что только не использовали в качестве аккумуляторов. Черепа мелких животных, драгоценности, обычные камни...

– Но лучше всего магию хранят предметы, сплетенные из волос мага, – добавил Питер. – Да, знаю. А какой артефакт ты хочешь увидеть больше всего?

Я замешкалась: стоит ли говорить? Но чем мне грозит признание? Вероятно, многие первокурсники мечтают полюбоваться на медный кувшин, а так Питер поможет мне его отыскать.

– Кувшин. Кувшин, где запечатан джинн, – и, не сдержавшись, добавила: – Питер, никогда не призывай джинна! Жуткие твари, честное слово! В них нет ничего человеческого!

– Так уж и ничего?

Спросил вроде насмешливо, а в то же время будто серьезно.

– Ничего! – категорично подтвердила я.

Музей обнаружился в глубине парка. Окруженное столетними дубами здание казалось маленьким и покинутым. По стене вился плющ. Он красиво оплел белые колонны, причудливыми занавесками прикрыл узкие оконца. Тяжелая деревянная дверь была плотно закрыта. Вокруг ни души. Тенькали в листве птицы, шелестел ветерок.

– Заперто, – вздохнула я. – Кот был прав.

Питер поднялся на крыльцо и прижался лбом к стеклу, сложив руки козырьком, – вглядывался в темноту. Мне тоже было любопытно, что там, но окошко рядом с дверью было только одно – не будешь ведь отпихивать Питера или лезть ему под руку.

– Пусто, – сказал он. – Сейчас зайдём.

В голосе нового знакомого звучала такая уверенность в успехе, что я не решилась напомнить о замке, на который наложено семь магических печатей. Патрик рассказывал, что и здание накрывает магический купол. Конечно, территория академии сама по себе неприступная крепость, но дополнительная защита опасным артефактам не помешает.

Почему-то я раньше не подумала, как стану добывать кувшин. Представлялось, стоит очутиться рядом с музеем и решение придет само, но не тут-то было. И завтра во время экскурсии я ведь не взломаю витрину! Я представила, как хватаю кувшин и у всех на глазах прячу его за пазуху, невесело хмыкнула.

Пока я грустно оглядывалась, прикидывая варианты, Питер переместился к двери и положил ладонь на ручку.

– Хочешь, чтобы я открыл? – весело спросил он.

Понятно, Питер просто забавлялся, как все мальчишки. Я запросто могла вообразить на его месте Патрика, приглашающего меня поддержать игру.

– Что за вопросы, хочу, конечно! – улыбнулась я. – Очень даже желаю!

И сложила руки на груди, готовясь произнести что-то вроде «Ничего, великий мастер, не все двери открываются с первого раза!»,

как сказала бы Патрику, когда мы на чердаке строили из старой мебели неприступные крепости.

Питер надавил на ручку, и дверь, чуть скрипнув, легко отворилась. У меня отвисла челюсть! А в следующий миг я расхохоталась:

– Ну ты хитрый! Ясно, что музей просто не заперли, и ты это почувствовал!

Неудивительно вообще-то. Даже маги иногда становятся беспечны: музею много десятков лет, и за все время ни один артефакт не пропал. Что же – пора нарушить эту традицию.

Питер усмехнулся и сделал приглашающий жест. Мы один за другим нырнули в прохладный сумрак, попав в холл, откуда вели две двери – направо и налево, прямо располагалась широкая лестница.

– Куда сначала? – прошептала я.

Никаких табличек и указателей. Нет бы написать: «Зал артефактов-накопителей» или «Артефакты древнейших времен». Питер огляделся и уверенно отправился вверх по лестнице.

Мы оказались в обширном помещении, занимающем весь второй этаж здания. Неяркий зеленоватый свет проникал сквозь увитые плющом окна, в прозрачных лучах сверкали пылинки. Вдоль стен стояли закрытые витрины. Артефакты, хранившиеся под стеклом, выглядели обычными предметами. Может, те, кто обладает магическим чутьем, чувствуют исходящую от них могучую силу? Я видела лишь потрепанные книги, старые шкатулки. На вытертой от времени бархатной подушечке лежало что-то напоминающее детскую деревянную погремушку. А вот обломок сухой ветки. Неужели это и есть ветвь Изначального Древа? Патрик был бы разочарован!

Но где же кувшин? Я вышла из оцепенения и двинулась вдоль стен, всматриваясь в экспонаты. Питер прогуливался у противоположной стены.

– Если найдешь медный кувшин – дай знать!

– Медный кувшин, – моментально откликнулся Питер.

Нашел его? Как быстро! Я бросилась через зал к напарнику, застывшему перед отдельной витриной в половину человеческого роста. Пространство внутри витрины занимал один-единственный предмет, кувшин.

Я представляла его кувшином для вина, а он скорее напоминал вместилище для духов или масла, так как оказался совсем небольшого

размера: с ладонь величиной. Тем лучше – легче спрятать.

Я опустила на корточки, рассматривая артефакт. Складывалось ощущение, что сначала это действительно был флакон для масла – достаточно тонкой работы, украшенный затейливым узором. Вот только с одного боку медный узор искривился, когда неведомый мастер вытиснил на металле бабочку. Она казалась чужеродным элементом и будто бы была нанесена в последний момент.

Бабочка! Я тайком приподняла рукав, чтобы посмотреть на браслет. Снова бабочка. Почему?

По крайней мере сомнений не осталось, это тот кувшин, который мне нужен. Да только как его умыкнуть на глазах у Питера? Одно дело пробраться в закрытый музей – это всего лишь озорство. И совсем другое – совершить кражу.

– Как было бы здорово подержать его в руках! – сказала я, невинно хлопая глазами.

Питер присел рядом на корточки, мы оказались нос к носу. У него симпатичный нос! И губы...

Ви, о чем ты думаешь!

Питер глядел не на витрину, он смотрел на меня. И я, забыв на время об артефакте, замороженно смотрела на парня. Он ведь не собирается меня поцеловать? Пусть только попробует! Мы знакомы не дольше часа. Хватит с меня Адриана и его отвратительного собственнического поцелуя.

Но мне почему-то кажется, что Питер не стал бы давить. Лишь слегка коснулся бы губами моих губ, будто бы спрашивая разрешения.

Не иначе, на меня так влияла таинственная атмосфера этого места. И острейшее одиночество оттого, что не было рядом ни одного плеча, к которому можно прислониться. И зеленоватый сумрак, превращающий помещение в сказочное место. А может быть, мне необходимо хоть на миг почувствовать, что я нужна кому-то?..

Если Питер поцелует меня, я его не оттолкну. Все равно моя жизнь полетела кувырком, так почему не позволить себе немного безумства?

Питер наклонился. Ниже, ниже, почти дотронулся губами. И произнес:

– Мне надо кое-что тебе сказать.

Я ошарашенно отодвинулась.

– Что?

Питер распрямился, одернул жилет.

– Если ты хочешь подержать его в руках, придется разбить витрину и бежать очень быстро, – улыбнулся он.

Я тоже поднялась на ноги. Какое разочарование! Во всех смыслах. Разбивать витрину опасно: меня могут поймать. Видимо, хочу я того или нет, придется сначала посоветоваться с джинном. Где его носит?

Я потрогала браслет через рукав рубашки. Ничего, явится по первому зову!

– Ладно, – вздохнула я. – Идем.

Вот только уйти далеко не удалось. Вспыхнули магические светильники под потолком. Яркое сияние высветило каждую трещинку на полу, каждый предмет на витринах. И мы, замерев, точно мыши перед котом, конечно, тоже оказались как на ладони.

И ладно бы только свет включился! В центре пола засиял круг телепорта, замаскировавшийся под орнамент. Очень искусная работа. В нашем имении телепорт изготовлен в виде арки, так практичнее.

Всколыхнулось марево перехода – в кругу появился мужчина в черном костюме. Волосы – соль с перцем. Лицо худощавое, строгое. По обе стороны стояли взрослые маги – боевики в алых косынках.

Все трое с недвусмысленной угрозой двинулись нам навстречу. Мы с Питером попятнулись, пока не уперлись в стену.

– Господин ректор, если позволите, по-моему, это никакие не грабители, а малолетние дуралеи-первогодки, – сказал один из магов, глядя на нас уже не так строго, но с осуждением.

– И, судя по всему, Верейс, твои будущие подопечные, – подколот его второй боевик. – Хвала богам, у меня в этом году выпускники.

– Извольте объясниться, молодые люди! – процедил тот, кого называли ректором.

– Мы просто хотели посмотреть, – пискнула я. – Дверь была не заперта!

Хорошо хоть врать не пришлось: вранье не мой конек. Ректор, похоже, понял, что я говорю правду.

Он переглянулся с провожатыми, и, хоть он не произнес ни слова, стало ясно: маг, заведующий безопасностью музея, получит по шапке. Хорошо так огребет!

Нас тоже наказали. Верейс как будущий куратор сделал внушение о необходимости дисциплины у боевых магов и направил нас на тренировку на учебный полигон.

– Там ведь сегодня Эрмин распоряжается? – уточнил он у коллеги и улыбнулся, как мне показалось, со злорадством. – Вот птенчики сразу и поймут, как важна дисциплина!

Эрмин оказался боевым магом поистине медвежьего телосложения. Он и без магии любого порвал бы голыми руками – дай ему волю. Эрмин ждал нас у края вытоптанной до состояния камня площадки, где сквозь плотную слежавшуюся корку не смогла бы пробиться ни одна травинка. За спиной наставника возвышались устрашающего вида снаряды: раскачивающееся бревно, столбы с натянутыми между ними веревками, жуткая шипастая дубина, которая мотылялась туда-сюда над деревянными столбиками.

Мастер Эрмин, обнаженный по пояс, и сам был похож на тренировочный снаряд: я никогда не видела, чтобы у настоящего человека было столько мышц!

Увидев нас, он осклабился.

– Ребя-ата, я вас поздравляю! – протянул он. – Вы красавчики! Получить взыскание в первый же день – это надо постараться! Ну что, сымайте жилеты, ща потеть будем!

Я поежилась, разглядывая полосу препятствий. Снаряды скорее напоминали орудия пыток! А я и в седле-то держалась с трудом: один круг по площадке, и я труп!

Питер бодро скинул жилет, закатал рукава. Я, трясась от холода, нерешительно последовала его примеру.

– Да-а, печальное зрелище, – покачал головой Эрмин, приподнимая мою руку за запястье, как дохлого червяка. – У воробья и то мускулов больше! Ничего, будем наращивать! Вы будущие боевые маги, но на одной магии в долгих переходах не выедешь! На моей площадке мы применяем исключительно физическую силу. Почую, что использовали магическую, – получите дополнительный круг!

Я немного выдохнула: если бы пришлось использовать магию, которой у меня отродясь не бывало, Эрмин раскусил бы меня мгновенно.

– Сегодня я добрый! Пройдете каждый снаряд по одному разу и свободны!

Я повеселела! Еще раз поглядела на жуткие сооружения и понурилась.

Полоса препятствий начиналась с бревна, которое прокручивалось под ногами, стоило на него ступить. Поэтому приходилось бежать быстро-быстро и одновременно удерживать равновесие, иначе бревно грозило сбросить тебя на землю, как норовистый жеребчик.

Я прошла два шага и с писком ухнула вниз. Здравствуйте, синяки на коленях!

– М-да. Все еще хуже, чем я думал. После занятия выдам мазь, а пока – боль ваш помощник.

Что-то в последнее время у меня все помощники – сплошная боль! Позвать, что ли, джинна? Он невидимый и сумеет меня удержать на бревне... Если первым не столкнет, конечно.

Пока я собиралась с силами, по бревну пошел Питер. Я засмотрелась. Он раскинул руки и двигался очень ловко. Вот прошел половину. Эрмин с прищуром наблюдал за Питером, словно не верил, что такое возможно, а заодно выискивал следы магии.

– Давай! Молодец! – крикнула я. – Держись!

Питер вскинул голову, потерял сосредоточенность и рухнул вниз.

– Неплохо для новичка, – похвалил его наставник и снова осклабился: обрадовался, что бревно покорилося Питеру не с первого раза.

– Прости, – прошептала я, когда он поднялся и встал за моей спиной. – Я тебе сбила настрой.

А Питер неожиданно искренне улыбнулся.

– Иногда приятно оказаться не таким уж непобедимым, – весело сказал он.

И снова я подумала о моем любимом бесшабашном брате, который никогда не сомневался, что любая вершина ему покорится, а смерть – это вовсе не про него. Питер неуловимо напоминал Патрика и от этого нравился мне все сильнее, несмотря на свою самонадеянность.

Он наклонился и тихо сказал:

– Беги так, будто все время бежишь направо и всегда в одном темпе.

– Спасибо!

Второй раз у меня получилось лучше, но я все равно свалилась – прошла лишь на пятый. Питер закончил раньше и дожидался меня,

присев на корточки. Я запыхалась, взмокла, пряди выбились из-под косынки и повисли сосульками.

– Отлично! – провозгласил Эрмин. – Дальше у нас канатная переправа через реку.

Я застонала, представив, во что превратятся мои руки после первой же попытки.

– От ссадин у меня тоже есть мазь! – радостно сообщил наставник. – Боль – что? Правильно! Наш помощник!

– Я не смогу! – крикнула я.

Эрмин подошел близко-близко, наклонился так, что стали видны зрачки в его глазах стального цвета.

– Сдаться можно всегда. Но представь, что за твоей спиной – боевые друзья и твоя трусость – их гибель. Или еще лучше – представь, что за твоей спиной те, кого ты любишь. Ты готова защитить их ценой собственной жизни, боевой маг? Или сбежишь? Скажешь: «Не смогу»?

Эти слова прошли меня насквозь, будто острые иглы, дошли до самого сердца. Сейчас и опасности-то настоящей нет, а я уже готова отступить? Что же будет, если действительно станет больно и страшно?

Я сжала кулаки и отправилась к свисающим над дорогой веревочным петлям. Подпрыгнула, зацепилась – плечевые суставы вспыхнули огнем. Я закусила губу.

– Патрик, – прошептала я. – Мама, папа...

Все просто: подтягиваться, переставлять руки одну за другой, дышать.

– Папа... мама... Патрик...

Я дошла до конца и спрыгнула на землю. Стертые ладони саднило, я замахала ими в воздухе, освежая. Рядом спрыгнул Питер. По его задумчивому лицу я поняла, что он слышал мое бормотание. Пристально посмотрел, собирался что-то спросить, но я опередила: не хотела вопросов.

– Я сильно их люблю. Патрик – это мой брат, если что... Ты на него немножко похож.

«Ви, замолчи! Заткнись немедленно! Питер прекрасно проживет без этих сведений!»

Питер глядел странно: хмурился, закусив губу. Я совсем смешалась. Теперь Питер наверняка решит, что я не в себе.

К счастью, в это время приблизился наш учитель-мучитель и указал на торчащие из земли столбики, над которыми раскачивалась шипастая дубина. Такой по голове прилетит – мало не покажется.

– У нашего боевого цыпленка глаза полезли на лоб, – прокомментировал он мой ошалевший вид. – А я-то похвалить тебя хотел за упорство. Не бойсь, цыпленок, я остановлю снаряд, если палица окажется в непосредственной близости от ваших пока не слишком умных мозгов.

– А успеете? – засомневалась я.

Эрмин расплылся в зловещей ухмылке:

– Вот теперь уже не знаю! – и добавил, сверкнув глазами: – Всегда доверяй своему командиру, новобранец!

Не знаю, как эта полоса препятствий меня не добила. Когда я совсем выматывалась, Эрмин вливал немного силы. Мы пропустили ужин. К последнему снаряду подошли в сгущающихся сумерках.

– Транспортировка пострадавшего! – с гордостью сообщил наставник. – Радуйся, цыпленок. Вообще у нас здесь работа в парах, но ты, как ни старайся, без магии своего напарника не унесешь. А я сам запретил использовать магию. Значит – что? Правильно! Отдуваться будет Питер!

Перед нами чернела полоска пустой земли, на первый взгляд, совершенно безопасная.

– Питер, цыпленка на руки – и вперед.

Я смутилась: мужчины на руках меня пока не носили. Брат не считается.

Питер подхватил меня легко, как пушинку, и замер, будто и сам был смущен.

– Обними за шею, – попросил он. – Какая ты... хрупкая...

– Косточки-то цыплячьи! – согласно хохотнул Эрмин.

Питер ступил на полосу, и тут же справа из-под земли вырвался столб огня.

– Пригнись, дуралей! – крикнул наставник в спину Питера. – И короткими перебежками. А то подпалит тебе шевелюру, несмотря на косынку.

Я сжалась: я боялась огня.

– Закрой глаза, – прошептал Питер, надежно и бережно удерживая меня в объятиях. – Я все сделаю сам.

Я доверилась и зажмурилась. Где-то рядом ревели огненные струи, жаром обдавало лицо, но на руках Питера мне было ничего не страшно.

Завтра нам придется расстаться навсегда, и этого не изменить. Но я благодарна судьбе за то, что она хотя бы ненадолго подарила мне передышку. Питер, Питер, если бы только все в жизни сложилось иначе...

– Молодцы! – провозгласил Эрмин, возвращая меня с небес на землю. – Свободны!

Наставник выдал мне и Питеру мазь, взяв с нас обещание, что на ночь мы натрем синяки и ссадины: «Иначе завтра с постели не встанете!» И на прощание, хитро улыбнувшись, добавил:

– Надеюсь, я буду видеть вас на полосе препятствий не так часто, как мне бы того хотелось!

Мы с Питером поковыляли прочь, поддерживая друг друга. Очередной кот-помощник вместо того, чтобы сразу вести нас в общежитие, жалостливо промурлыкал:

– В столовой всегда есть хлеб и компот для перекусов.

– Да-а! – выдохнула я. – Живем!

Никогда еще обычный серый хлеб не казался таким вкусным. Мы наелись и напились, и мир сразу предстал не таким мрачным местом.

– Поселю вас в соседних комнатах, – сказал пушистый проводник. – Форму на стул – к утру она будет выстирана и высушена. Обувь за дверь. По комнатам не слоняться, а если слоняться, то тихо! Но я бы посоветовал вам лечь спать: завтра трудный день!

Комнатка, отведенная мне, оказалась маленькой, но уютной: узкая кровать, шкаф, стол и стул. На кровати горкой лежало постельное белье и ночная сорочка из хлопка – длинная, теплая и совсем простецкая. Но меня в ней никто не увидит, так какая разница?

– За мной, молодой человек, – промурлыкал кот, пока я, застыв на пороге, созерцала комнатку.

– Доброй ночи, Питер, – сказала я вслед удаляющемуся парню.

Закрела дверь и растянулась на постели. Руки и ноги ныли, но надо заставить себя встать, натереться мазью. А сначала помыться. Где здесь у них ванная комната?

– Отдыхаешь? – раздался в полутьме вкрадчивый голос.

Джинн! Я вздрогнула всем телом. Я совсем забыла о нем, пока проходила полосу препятствий! И не вспомнила ни разу, пока он не материализовался в комнате.

Спасибо, что он не вернул свой изначальный пугающий образ. Редьярд выглядел как в прошлый раз: одет в кожаную стеганку поверх холщовой рубахи. Длинные волосы перевязаны в хвост.

– Солнце село, – сказал он. – Ты помнишь о своей части договора? Мое сердце оборвалось в пропасть.

– Где ты был? – спросила я, пытаюсь сохранить остатки самообладания.

Пусть вспомнит, что я здесь хозяйка и имею право задавать вопросы.

– Осматривался, – сказал Редьярд, как обычно уйдя от прямого ответа.

– Мне надо с тобой кое-что обсудить. – Я старалась говорить спокойно и серьезно, напоминая, что у нас с джином общее дело и не время заниматься глупостями. – Кувшин я увидела, но похитить его непросто: музей охраняется, а завтра на экскурсии будет полно людей. Как я его умыкну на глазах у всех?

– После обсудим, – ответил Редьярд, безразличный и холодный, как змей.

Он медленно приблизился и встал надо мной, заставив меня задрать голову.

Мои внутренности смерзлись в ком от ужаса, заколотила крупная дрожь, но я сжала кулаки и усилием воли подавила ее. Умолять не стану! Не дождется ни стопа моего, ни крика! Вытерплю все, что бы он ни надумал делать со мной. До смерти не замучает, ведь я ему нужна. А боль... Боль – мой помощник, правда, мастер Эрмин? Боль не даст мне забыть, ради чего я готова пройти сквозь преисподнюю.

Похоже, на моем лице отразился вовсе не страх, как рассчитывал, а жгучий гнев. Меня самую удивила сила этого чувства.

Он усмехнулся. В уголках опущенных губ затаилась горечь.

– Вот и ты научилась смотреть на меня с ненавистью.

– А чего ты хотел? – процедила я сквозь зубы. – Увидеть желание? Страсть? Ты мне омерзителен, чудовище! Делай, что собирался!

Джинн положил ладонь мне на горло: ладонь была горяча, будто внутри, под кожей, бурлило сдерживаемое пламя. Я сглотнула вязкую слюну. Как бы я ни храбрилась, мне сделалось жутко до колик. Я ждала, что вот сейчас пальцы сожмутся, перекрывая доступ воздуха. Потом он позволит мне сделать вдох и снова придушит, играя, как кот с мышью. И так до тех пор, пока я сама не начну молить о том, чтобы

он забрал мою невинность, мою душу и мою жизнь, лишь бы эта пытка закончилась.

Но пальцы Редьярда вместо того, чтобы стиснуть шею, пробежались вниз, до ключицы, потом вверх, погладили мочку уха. Едва ощутимые прикосновения горячих пальцев посылали в мое тело волны незнакомого жара.

– Раздевайся, – сказал он.

Меня снова скрутил ужас, и, хотя я клялась себе не умолять об отсрочке, губы сами произнесли:

– Мне нужно... принять ванну...

Джинн ухмыльнулся, провел в воздухе ладонью, и меня укутала волна тепла.

– Уже не нужно.

Действительно, липкая пленка пота, пощипывающая ранки и ссадины, исчезла.

– Раздевайся, – повторил Яр и приподнял за рукав ночную сорочку. – И переодевайся в эту... это... Если уж ничего другого нет.

Я непонимающе распахнула глаза. Что за игры он устраивает? Едва ли мешкообразная хлопковая сорочка годилась для любовных забав. Если только ему не доставляет удовольствие скромность и неприступность, которую он возьмет силой.

– Испачкается... – прошептала я. – Кровью... Не хочу...

На лице джинна отразилось странное чувство. Не знаю я, насколько он зол, коварен и беспощаден, я бы решила, что это... Угрызения совести?

– Переодевайся! – резко сказал он. – Я не смотрю.

И действительно отвернулся. Путаясь в рукавах, я поскорее стянула с себя форму, повесила, как было велено, на стул, нырнула в сорочку и села, обхватив себя руками.

Джинн услышал, как скрипнула кровать, и оглянулся. Но смотрел не на меня, шарил взглядом по столу.

– Где мазь?

– А?.. Что?

Мне показалось, я ослышалась.

– Мазь, которую тебе выдал Эрмин. Не забывай, что я знаю все, что знаешь ты.

Все еще не понимая, что происходит, я залезла в карман брюк, вытащила две небольшие баночки.

– Показывай руки.

Я заторможенно раскрыла ладони и повернула их вверх. Кожа содрана почти до мяса. А ведь я даже не чувствовала боли – так устала!

Редьярд присел рядом на корточки, открыл баночку и принялся наносить на ссадины мазь. Очень осторожно, стараясь не причинять лишней боли и делая вид, что не замечает моего ошеломленного взгляда.

– Теперь синяки. Ложись.

– Что ты делаешь? – прошептала я.

– Смазываю твои раны, – ответил Яр на прямой вопрос, притворившись, что не понял, о чем я спрашиваю на самом деле. – Ты хочешь завтра ковылять как коряга? Или все-таки собираешься похитить кувшин?

Я промолчала и поспешно уставилась в потолок, потому что в этот момент джинн задрал мою сорочку и начал обрабатывать багровые синяки на лодыжках и коленях. Боль сразу отступала.

– А без мази ты заживлять не умеешь? – спросила я через некоторое время, когда чуть успокоилась и поняла, что руки джинна не поднимаются выше бедер.

– Нет... Воскрешать мертвых, залечивать раны, заставить кого-либо влюбиться, убивать других людей по приказу хозяина – все это не в моей власти.

Редьярд, занятый делом, говорил спокойно и без привычной злости. Он сейчас казался обычным, живым человеком, с которым можно договориться и обсудить все. Но это ненадолго. Я не сомневалась, что скоро джинн снова начнет прожигать меня глазищами и обливать презрением.

– Все, – сказал он и одернул подол сорочки. – Теперь спи.

– Все? – Не подводит ли меня слух? – Спи?

Джинн наклонился над моим лицом, вокруг радужки заплясали языки пламени, но вспыхнули неярко, вполсилы. В голосе зазвучало лукавство:

– А ты бы хотела чего-то иного?

– Нет! – поспешно ответила я, вызвав улыбку на лице Яра.

– Тогда спи. А я пока поразмышляю, как добыть кувшин. Может быть, пригодится помощь твоего нового друга...

– Не вмешивай его! – крикнула я, садясь на постели.

Редьярд хмыкнул, уголок рта искривился в усмешке.

– Он тебе нравится, правда?

Я не стала отвечать, отвернулась к стене, натянув одеяло до самых ушей. Надеюсь, джинн не обманул и не захочет воспользоваться своим правом теперь, разозлившись из-за моей симпатии к Питеру. Я напряженно вслушивалась в темноту, но постепенно усталость взяла верх: я начала проваливаться в сон. Спасибо Эрмину, безжалостно гонявшему нас по площадке: не будь я сейчас так вымотана, не сомкнула бы глаз до утра.

На грани яви и дремы я ощутила, как джинн мягко коснулся моих волос. Этого никак не могло происходить на самом деле, поэтому я даже не дернулась.

– Сжать тебя в горсти и сломать навек... – тихо произнес он. – Разве не этого я всегда хотел? Получить власть и насладиться сполна... Отплатить им. Почему же я не чувствую никакого удовлетворения?

Я металась во сне. Мне снилось, что мы с Патриком бежим по лестницам имения. Вверх, вниз. Вверх, вниз. Лестницы все не заканчиваются, и коридоры превратились в нескончаемый лабиринт. Сзади топот шагов: враги настигают, и нам не уйти! Дышать все труднее, силы на исходе. Патрик оборачивается на бегу, и я вижу, что это Питер. «Я спасу тебя!» – уверенно говорит он.

Чем закончился сон, я не знаю: меня разбудил перезвон колокольчиков. Неужели утро? По ощущениям, я закрыла глаза пару минут назад и до сих пор, даже не пошевелившись, чувствовала себя разбитой и не отдохнувшей. Хорошо хоть синяки не ныли: мазь помогла.

Джинн сидел у кровати на полу в привычной позе. У него была вся ночь, чтобы составить план, – надеюсь, он готов.

Редьярд бесстрастно посмотрел на меня: почудились мне его слова или были сказаны на самом деле – не понять.

– Я знаю, что нужно сделать, – сказал он, поднимаясь на ноги: распрявился, точно сжатая пружина или ядовитая гадюка, – гибкий, пластичный, опасный.

– Что?

– Во время экскурсии по музею начнется пожар.

– Что?! Нет! Могут пострадать люди!

– Невелика беда, – усмехнулся Яр, но все же, увидев, как я перепугалась, снизошел до объяснений: – Никто не пострадает. Иллюзорное пламя еще никому не причиняло вреда. Твой новый друг ведь не боится огня?

Питер действительно не дрогнул ни разу, когда нес меня на руках через вздымающиеся столбы пламени. Но я не хотела, чтобы он участвовал в краже редкого артефакта: здесь одним взысканием не обойдется.

– Я же сказала: не вмешивай его! – разозлилась я. – Я справлюсь сама! Что нужно сделать?

– Когда в музее вспыхнет пожар – мнимый пожар – и кураторы поведут студентов к выходу, ты должна спрятаться. У тебя будет

немного времени до того, как освободят здание и сработают противопожарные артефакты, которые втянут весь воздух и задушат пламя. Если не поторопишься – ты тоже не жилец.

Отличные ободряющие новости с утра! Я и проснуться толком не успела, а уже выяснила, что могу умереть.

– Вот как, – только и пробормотала я.

– Ты должна разбить витрину, забрать кувшин и открыть пробку, чтобы вызвать Хафиза. Когда он появится, скажи, что Ар... Редьярд велел перенести тебя в безопасное место. Все просто.

– Просто? – задохнулась я. – Да уж, проще некуда! Лучше бы я вчера разбила витрину и...

– Попалась бы мгновенно. Я запутаю следы. Ректор поймет, что артефакт украден, и маги-блюстителю со всего королевства будут разыскивать вора, но пару дней мы выиграем.

Еще вчера утром я думала, что моя жизнь хуже стать не может... Ан нет – может! Я настолько оторопела от обрушившихся на меня вестей, что могла лишь моргать.

– Вижу, тебе нужно прийти в себя, – усмехнулся джинн. – Избавлю тебя пока от своего общества.

Яр растворился в воздухе, а я несколько минут тупо сидела, уставившись в никуда. Мало того, что Адриан объявил награду за мою голову, так теперь еще и маги-блюстителю станут везде разыскивать воровку.

Из оцепенения меня вывел деликатный стук в дверь.

– Ви, ты идешь на завтрак? – спросил Питер. – Тебя подождать?

– Да, я сейчас! – крикнула я.

Тоненький лучик радости снова коснулся сердца. Разве есть что-то плохое в том, что я еще недолго побуду рядом с этим славным парнем? Я ни за что не стану его использовать, но до начала экскурсии еще есть время.

Я заметалась по комнатке. Как и обещал кот-проводячий, форма, измятая и пропотевшая после вчерашней тренировки, теперь лежала аккуратно сложенная и пахла свежестью. Еще никогда в жизни я не собиралась так быстро. Брючные костюмы без лишних застежек и завязок, оказывается, очень удобны. Волосы в хвост, косынку на голову – готова!

Я распахнула дверь.

– Привет!

– Привет!

Питер ждал меня, прислонившись к стене. Свежий, бодрый – сразу видно, ему удалось отдохнуть.

– Как твои ссадины? – заботливо спросил он.

– Отлично! Чудодейственная мазь! А твои?

Питер продемонстрировал ладонь: ссадины за ночь затянулись и покрылись розовой кожей. Я собиралась по-дружески шлепнуть его по руке раскрытой пятерней, но Питер, рассмеявшись, увернулся.

– Бежим на завтрак, а то опоздаем.

В столовой – людно, шумно. Первогодков заметно издалека: они растерянно оглядываются и не решаются занимать места за столами – вдруг те давно распределены? Никому не хочется перейти дорогу старшекурсникам.

Но студенты старших курсов, напротив, вели себя дружелюбно и смотрели на новобранцев снисходительно, как взрослые – на малышку. Мне сделалось невероятно жаль, что сегодня мое пребывание в академии закончится. Мне здесь нравилось, и я поняла, почему Патрик так стремился сюда попасть.

– Так, малявки, что застыли? – окликнул нас боевик-старшекурсник. – Если по утрам будете ворон считать, то на занятия будете отправляться голодными! Привыкайте к распорядку!

Он указал на свободные места на лавке. На столе, едва мы успели примоститься, появились тарелки с кашей, ломти хлеба с сыром и мясом, горячий травяной чай.

– Ого, я столько не съем!

– Это ты так думаешь, пока не начались тренировки, – улыбнулся старшекурсник. – Это вы пока с Эрмином не занимались!

– Вообще-то мы познакомились, – проворчала я себе под нос, но студент уже не слушал – кивнул и отправился к выходу.

Скоро в помещении остались только первогодки, заканчивающие завтрак.

– Доешь? – Я пододвинула Питеру тарелку с хлебом и тут же смутилась: не подумает ли, что я навязываюсь с ненужной заботой.

Но он улыбнулся и вгрызся в ломоть.

Между рядами скамеек появились коты-проводжатые. Они объединяли студентов в группы, которые должны были отправиться на

экскурсии по кампусу.

– Группа пять, – сказал пушистый черныш двум девушкам в зеленых косынках – нашим с Питером соседкам по столу. – Сбор у фонтана через полчаса.

Подошел к нам.

– Группа шесть. Сбор у Арки Желаний через полчаса.

Экскурсии отправятся из разных мест: видно, студентов разделили, чтобы они не толпились и не терялись по дороге.

Я выспросила у провожатого, что шестая группа, куда определили нас с Питером, попадет в музей не сразу. Сначала нам покажут учебные корпуса, центральную площадь, студенческий театр, учебный полигон и другие важные пункты. Но я обрадовалась заминке: кувшин никуда не убежит, а я на пару часов могу забыть о джинне, грядущем пожаре и воровстве.

Графиня Вивиана Сюзанна Аделина Арчер, до чего ты докатилась! Сегодня украдешь! А завтра? Убьешь?

– О чем задумалась? – спросил Питер.

– Так, ни о чем.

И я заставила себя улыбнуться.

Экскурсии для первогодков проводили старшекурсники. Целитель, возглавивший нашу группу, оживлял прогулку по кампусу легендами студенческого городка и личными историями.

На центральной площади у фонтана в форме руки мы узнали, что если хочешь получить высший балл на экзамене, надо забраться на ладонь и продержаться как можно дольше, чтобы тебя не сбило струей воды.

– Самые настойчивые, возможно, и получали отличные оценки, – добавил наш экскурсовод. – Об этом я не знаю, но вот на практику на полигон попадали точно. А настоящее везение заключается в том, чтобы не попасть к мастеру Эрмину.

Мы с Питером переглянулись и обменялись понимающими улыбками.

Экскурсия двинулась дальше через парк.

– А здесь, на этой аллее, частенько видят призраков неудавшихся магических экспериментов, – продолжал словоохотливый целитель, зловеще пошевелив бровями. – Иллюзии на территории академии особенно стойкие, поэтому их изучают только на третьем курсе. А то всякие недоучки наделают страшилищ, а они потом по парку шарахаются, людей пугают. Вот, полюбуйте!

Мимо нас уныло проковыляло странное создание: розовая коза с желтой полосой вдоль тощего хребта, у нее было всего три ноги, четвертая произрастала в том месте, где у приличных коз находится хвост. Мало того, из ноги торчали рога.

– Фу-у, – выдохнул кто-то. – Не хотел бы я повстречать эту гадость темной ночью в переулке!

– Сам ты гадость, – печально проблеяла коза, повернувшись к грубияну.

– П-простите... Я не думал...

– Да и мой создатель, похоже, не думал! Ладно, чего уж...

Мы проводили козу сочувственными взглядами.

– Старайтесь здесь поодиночке не ходить, – закончил целитель. – Не все иллюзии такие доброжелательные, как наша Марта!

Студенты принялись переглядываться: шутит? Или здесь на самом деле опасно?

Тренировочные снаряды на учебном полигоне произвели на первогодков неизгладимое впечатление. Так вот как я вчера смотрелась со стороны: распахнутые глаза и открытый рот! И это им пока не нужно проходить полосу препятствий!

– Мастер Эрмин, – представил наставника наш экскурсовод. – Закалит тело и дух, научит хорошим манерам. А самых неисправимых он съедает на ужин!

Мастер Эрмин сурово покивал в ответ на это утверждение, поиграл мускулами и выпятил квадратную челюсть.

– Да ладно, врешь... – неуверенно сказал кто-то.

И целитель, и наставник расплылись в широких улыбках.

– А ведь вы поверили! – сказал старшекурсник, весьма довольный тем, что сумел нас одурачить.

– Но если вы захотите на своей шкурке проверить, так ли я суров, как говорят, спросите вот у этих птенчиков. – Мастер Эрмин кивнул в нашу с Питером сторону. – Мы с ними вчера познакомились. Ну-ка, покажите руки! Если только увижу, что не использовали мазь!..

Мы с Питером одновременно подняли ладони: «Сдаемся!» Не только наставник, но и студенты увидели поджившие ссадины. Смотрели с уважением. Мы сделались едва ли не героями в глазах однокашников.

Группа постепенно приближалась к музею, и мне все меньше хотелось улыбаться. Я рассеянно слушала нашего веселого экскурсовода, на душе скребли кошки. Я обманщица и воровка. В академии меня приняли с распростертыми объятиями, а я отплачу тем, что украду артефакт. Что подумает обо мне Питер, когда я исчезну? Не решит ли ректор, что он тоже замешан? Меньше всего мне хотелось портить будущее своему новому другу. А предупредить его я не могу – от этого делалось и вовсе гадко на душе.

Целитель подвел нас к двери музея, на этот раз приветливо распахнутой. На крыльцо выходила предыдущая группа студентов.

– Здесь я вас передаю с рук на руки куратору первого курса боевого факультета – мастеру Вереису, – объявил старшекурсник. – Он расскажет об экспонатах, хранящихся в коллекции музея, гораздо лучше меня.

Мастер Верейс никак не показал, что знаком со мной и Питером. И правильно, если учесть обстоятельства, при которых мы вчера познакомились.

– Идите строго за мной, по помещению не разбредайтесь, ничего не трогайте! – велел куратор. – Любое непослушание наказывается взысканием. Это не игрушки – в музее содержатся смертельно опасные артефакты.

– Разыгрываете?.. – поинтересовался тот же недоверчивый студент.

Но в отличие от экскурсовода-старшекурсника мастер Верейс не был расположен к шуткам.

– Нет! – сурово отрезал он.

Мы гуськом вошли под крышу музея. Мои плечи невольно опустились, будто на них давила тяжесть всего мира.

– Ви? – тихонько позвал меня Питер. – Ты чего? Устала? Скоро все закончится.

– Питер, ты...

Что я могла сказать? Спасибо, Питер, за то, что был моим другом эти два дня? Прости за то, что я собираюсь сделать? Я оборвала себя на полуслове.

Я тащилась в самом хвосте группы, к каждой ноге будто привесили по гире. Питер шел рядом, кидая на меня встревоженные взгляды.

– Не расклеивайся, Ви, – ободряюще прошептал он.

– Кое-кто, я смотрю, соскучился по мастеру Эрмину? – невозмутимо поинтересовался куратор, даже не оглянувшись: глаза у него на затылке, что ли? – Не растягиваемся! Догоняем!

Пришлось прибавить шаг.

Экскурсия началась с самых старых экспонатов, хранящихся в музее со дня основания. Мы полукругом встали у витрины, в которой лежала медная пищаль, покрытая патиной.

– ...первый образец удачного соединения огнестрельного и магического оружия, – вещал мастер Верейс, но я едва слушала. – Пули в стволе никогда не заканчивались, благодаря магическому компоненту была увеличена скорострельность и бронебойность. Несомненным преимуществом являлось и то, что такая пуля могла пролетать несколько километров в поисках указанной цели. Враги королевства боялись нашего Соловья как огня!

– Правда ли, что Соловьи использовались при экспансии на Восток против мирного населения? – подал голос Питер.

Мастер Верейс нахмурился, будто эта тема ему была неприятна.

– Интересуетесь историей? Похвально. Население степей едва ли можно назвать мирным. Варварские племена, не склонные к переговорам. Король хотел избежать ненужной жестокости, но договориться с этими людьми не было никакой возможности. Они сражались будто дикие звери. Все... От мала до велика – дети, старики...

– Поэтому было принято решение истребить всех подчистую? – с вызовом спросил Питер.

Куратор покачал головой.

– Я не одобряю... Грустная страница истории, которая, как известно, не имеет сослагательного наклонения.

Я вспомнила, как во время испытания тьма, подкрадываясь из степи, плевалась огненными пулями, как они ударялись о магический купол, как Редьярд стоял, раскинув руки, закрывая шатер. Так это были наши пищали, наши пули и злом, наступающим на мирное поселение, тоже были мы? Ужасно...

– Это очень печально, – сказала я.

Может, джинны – творения варваров и должны защищать их? А Яр не справился. Вот теперь и ненавидит весь мир из-за того, что оказался слабаком!

Питер отошел на несколько шагов, встал позади. Злился на куратора, хотя на него-то чего досадовать? Не мастер Верейс изобрел пиццаль, и не он отправлял войска на Восток.

– Огонь! – вдруг крикнула девушка в желтой косынке. – Ой! Огонь!

Началось! И хотя я знала, что так произойдет, сердце неистово заколотилось о ребра.

Пламя объяло портьеру, висящую у дальнего выхода. Запахло гарью, зал наполнялся дымом.

Кто-то из студентов бросился к дверям, кто-то, напротив, остолбенел, глядя на распространяющийся пожар.

– Без паники! Выходим один за другим. Вниз по лестнице и на крыльцо, – скомандовал куратор. – Вам ничего не угрожает. Я установил над вами защиту.

Первым делом мастер Верейс мягко направил к выходу перепуганную девушку – будущего бытового мага. Кто-то шел сам, кто-то уводил за собой приятелей. Студенты быстро покидали зал, но пожар разгорался с невероятной скоростью.

Пламя объяло деревянные витрины, огонь лизал стены, полз по потолку. Помещение затянулось сизым дымом. Я не могла поверить, что все это происходит не по-настоящему. Что если джинн снова обманул меня и в пламени могут погибнуть люди?

– Уходи! – крикнула я Питеру. – Уходи! Спасайся!

– Оба на выход! Немедленно! – рявкнул куратор.

Он сжимал в руке кристалл, который из ярко-голубого постепенно становился алым.

– Сейчас работает противопожарная защита!

Яр велел, чтобы я спряталась, а потом нашла кувшин. Но как спрячешься под пристальным взглядом куратора? Мастер Верейс не уйдет и не бросит нас с Питером в огненном аду.

– Да вы что застыли истуканами! – заорал он. – Соберитесь! Будущие боевые маги!

Он протянул руку, чтобы схватить Питера за шкирку и, вероятно, выкинуть за дверь, как котенка. Но Питер гибко ушел в сторону. Сокрушенно покачал головой, пробормотал:

– Что-то пошло не так.

Вытащил из воздуха дубинку и хорошенько приложил мастера Верейса по голове. После подхватил бесчувственное тело, вытащил за дверь и плотно прикрыл ее.

– Ви, насчет противопожарной защиты он прав – у тебя мало времени.

– А?..

У меня голова шла кругом от происходящего: огонь, дым, дубинка в руках Питера, мастер Верейс, потерявший сознание.

– Питер, что происходит?

Питер приблизился ко мне. Его лицо неуловимо изменилось. Я не сразу поняла, как именно, пока не заметила, что внутри серой радужки глаз пляшут языки пламени. И это вовсе не было отражением огня, бушевавшего вокруг.

– Я не Питер, – сказал он.

– Где Питер? – в ужасе закричала я. – Что ты с ним сделал, гад?
Джинн, вернув себе истинный облик, ухмыльнулся краешком рта.
– Его никогда и не было.

Наверное, когда в грудь вонзается огненная пуля, и то болит меньше? Не знаю... К такому коварству я оказалась не готова.

Я ничего не стала говорить, я и дышала-то с трудом. Может, потому, что воздух стал уходить из комнаты, может, из-за чада... Может, из-за того, что правда разбила мне сердце?

Редьярд не терял времени. Он расколотил локтем стекло витрины и ждал, пока я заберу кувшин.

– Ну же, Ви, мне его не взять! Открывай пробку!

Я сделала шаг и остановилась. Как я могу доверять Редьярду? Снова обманет и глазом не моргнет. Что если родителей и Патрика не вернуть, а я трачу время, исполняя желания джинна вместо своих?

Дверь сорвало с петель, градом посыпалась деревянная щепка. Порог перешагнул мастер Верейс. По виску струилась кровь, лицо искажено от гнева.

– Стоять! – крикнул он.

– Кувшин! – рыкнул Яр, в его голосе загрохотал гром. – Сейчас или будет поздно!

Я попятилась, не сводя взгляда с приближающегося куратора.

– Простите меня...

Я опередила боевого мага на долю мгновения. Он протянул руку, призывая артефакт, но я схватила кувшин на лету и выдернула пробку, которая вышла на удивление легко. Краем глаза увидела знакомый силуэт пожилого джинна.

– Перенеси нас в безопасное место!

В ту же секунду запах гари растворился, глаза перестало щипать от едкого дыма, сделалось светлее. Зато завоняло тухлятиной и нечистотами. Мы все трое – я, подлый гад и Хафиз – стояли посередине редкостной халупы. Разве что нищий, оставшись без крыши над головой в осенний дождливый вечер, не побрезговал бы провести здесь ночь.

Окна выбиты, очаг забит мусором, временные жильцы предпочитали разводить огонь прямо на полу, благо пол в халупе оказался земляной. Из мебели – трухлявая софа да колченогий стул, больше годный на растопку.

Потянуло сквозняком, и я, разгоряченная после жара, покрылась мурашками. Тело охватила страшная слабость. Я осела на грязный пол, не дожидаясь, пока потеряю сознание.

– Не дворец, конечно, – сказал Хафиз, – понимаю. Но что же сразу чувств-то лишаться! Дело поправимое!

Вовсе не убогое убранство меня подкосило, а предательство Редьярда. Как он мог? Зачем? Мало ему моих страданий, так он еще решил изощренно поиздеваться? Превратившись в Питера, он заставил меня поверить, будто у меня есть друг. И ведь как играл свою роль! Я вспомнила искреннюю улыбку светловолосого парня, вспомнила, как он нес меня на руках, как подбадривал... Джинн с самого начала все подстроил так, чтобы я почувствовала симпатию к Питеру: сделал его похожим на моего брата, даже имя придумал созвучное.

– За что? – крикнула я.

Из глаз хлынули слезы.

– Что я тебе сделала? Ты мстишь мне, потому что не можешь отомстить воинам, захватившим земли твоего племени? О да! Это делает тебе честь! Так по-мужски – воевать со слабой девчонкой! Я ведь достойный соперник!

Яр оцепенел, застыл на месте, сжав кулаки. Я ждала, что сейчас он, рассвирепев, напустит на меня рой пчел или сотворит бешеную собаку, которая искушает меня до крови. Однако он ничего не делал, стоял и только едва заметно вздрагивал, будто каждая, сказанная мной фраза, была камнем, ударяющим его в грудь.

– Я не... – начал он, но не закончил, тряхнул головой.

– Ах-вах, – насмешливо вмешался Хафиз и постучал себя указательным пальцем по виску. – Вон оно что! Теперь и я знаю. Ловко, мой юный друг. Ты значительно превзошел в коварстве даже меня. Погубить хозяина, используя его необдуманные, алчные желания, – это одно. По капле выдавить жизнь, лишая надежды, и использовать для этого привязанность и любовь – высочайшее мастерство. Мне следует у тебя поучиться!

– Что ты можешь знать о моих чувствах? – зло бросил Яр.

– О твоих – ничего, – хитро улыбнулся раб кувшина. – О ее – все. О том, как она улыбалась Питеру, как трепетно обнимала за шею. Как смотрела. Как хотела поцеловать.

– За молчи... – простонала я. – Пожалуйста.

– Заткнись! – рявкнул Редьярд.

Он дернул плечами, отвернулся, чтобы не смотреть на меня.

– Как ты только откопал эту дыру? – глухо спросил он, вперив взгляд в ободранную стену. – Девчонка тут загнется, в этом холоде! Она... Ты погляди на нее! В чем душа держится!

Хафиз пожал плечами, мол, уж что смог.

Яр медленно двинулся вдоль стен, приподняв ладони, с которых струилось едва заметное в холодном воздухе марево. В оконных рамах откуда ни возьмись возникли стекла, а сами рамы покрылись свежей краской. Развернулись пышные занавески. Стены затянулись шелковой тканью, сквозь которую проступили картины в золоченых рамах. Софа подтянула искривленную ногу, вытертая материя заменилась новой. Заплясал огонь в очаге. На каминной полке возникли подсвечник и статуэтки. Из воздуха выросло кресло, соткались подушечки и плед. На деревянном столике появилась шахматная доска с расставленными фигурами. Земляной пол покрылся паркетом, а поверх паркета лег ковер с длинным ворсом.

Не прошло и нескольких минут, как отвратительная халупа превратилась в теплую и уютную комнату.

Столкнись я с подобным чудом раньше, до дня, когда моя жизнь пошла наперекосяк, я бы не скоро пришла в себя от восторга. Но теперь мне было все равно. Какая разница – в хоромах жить или в трущобах, питаться подгоревшим хлебом или волшебными иллюзорными яствами: я ощущала внутри себя лишь пустоту. И все еще, несмотря на горящий камин, не могла согреться, тряслась, как в лихорадке.

– Перебирайся в кресло и укутайся в плед, – сказал Редьярд, присаживаясь рядом на корточки.

Темные глаза смотрели встревоженно.

– Иди ты... в преисподнюю! – огрызнулась я.

У меня не хватило бы сил, чтобы доползти до кресла.

– Ви, я не могу тебе перенести: до заката я не имею права к тебе прикасаться. Но ты можешь пожелать...

– Это слово теперь я не произнесу и под страхом смертной казни, – протолкнула я сквозь зубы.

Закрывает глаза и свернулась калачиком на полу, подтянув колени к груди. Ничего, ковер мягкий, теплый, мне и тут хорошо.

– Помрет, – негромко сказал Хафиз. – Знаю я эту породу. Слишком уж нежная.

– Она не умрет! – крикнул Яр.

Как будто ему не безразлично. Но я-то понимала истинную причину его злости: умру, и тогда не видать ему желанного забвения как своих ушей.

– Ее нужно накормить горячим, – сказал Редьярд. – Согреть.

Хафиз поднял ладонь, как в прошлый раз, когда на полу шатра развернулась скатерть, уставленная блюдами, но Яр не дал ему завершить, взорвался:

– Настоящей едой!

Хафиз молча всплеснул руками, будто пытался сказать: «Ах-вах, где же я тебе возьму настоящую еду!» Почему мне все время мерещилось лукавство на его морщинистом лице?

– Так, я принесу еды из трактира. Мы хотя бы в столице?

– В столице, в столице, – покивал пожилой джинн. – Как раз на въезде в город. И трактиры есть, и постоянные дворы есть. Много людей приезжих, много брошенных лачуг. Трудно найти, долго искать.

Яр встряхнулся, как большой сильный зверь, возвращая себе облик наемного воина. Поправил кинжал на боку. У двери, не оборачиваясь, сказал:

– Пригляди за ней.

– Куда ж я денусь. Я ведь теперь ее раб. Смиранный раб.

Старый хитрец. Будто я не знала, что на первом месте у Хафиза его собственные удовольствия, пусть даже у джиннов их не так много. Он служил ректору академии и не бедствовал, и теперь хочет получить максимум выгоды.

Я на всякий случай подтянула поближе кувшинчик, выпавший из моей руки, когда мы переместились. Старый джинн сел рядом на ковер, поджав под себя скрещенные ноги, как любил сидеть и Яр.

– Ай-ай, хозяйюшка, нельзя разболеться. Как же мы без тебя?

– Не переживай, маги-блустители отыщут кувшин и вернут тебя в академию. А этого... подлого гада, надеюсь, отдадут герцогу в коллекцию! Пусть он там над ним издевается, как хочет!

От злости я даже немножко согрелась и ощутила прилив сил. Растерла лицо ладонями и села. Дотянулась до пледа, закутала плечи. Нельзя мне умирать, никак нельзя!

– А как же теперь испытания без тебя? – спросила я Хафиза: стоило немножко взбодриться, и вернулись угрызения совести. – Как

новые студенты попадут в академию?

– Не переживай об этом, Арка Возможностей сама справится. Без меня там, конечно, будет скука смертная: у арки всего три стандартных испытания – по одному на каждый факультет. А я-то старался для ребяток! Ни одно испытание не повторялось!

Старался он, да-да. Устроил себе развлечение! Однако на душе сделалось легче: ничего фатального не произошло, студенты и без джинна поступят в академию.

– Ты меня в кувшин не прячь, – обеспокоенно сказал Хафиз. – Я и на свободе пригожусь.

Привык к свободе-то, вот и меня, новую хозяйку, пытается умаслить. Хотя ведь он пошел с нами, чтобы помочь. Ради Яра? Ради других джиннов? Ради себя? Уж не ради моей семьи точно. Может, старый хитрец надеется получить свободу?

– Пригодишься, – согласилась я и решила на главный вопрос, мучивший меня. – Мы с Редьярдом заключили сделку. Он обещал, что, когда мы соберем четыре артефакта, джинны смогут повернуть время вспять и я спасу свою семью. Это правда?

И на всякий случай, наученная опытом и коварством Яра, добавила:

– Я желаю, чтобы ты ответил честно!

– Это правда. – Хафиз склонил голову. – Но только...

– Что только? – испугалась я.

Так и знала, что без подводных камней не обойдется.

– Есть определенный срок, за который нужно успеть. Вернуться назад во времени можно не дольше, чем на три месяца. Потом все. Что произошло раньше – уже не изменить.

– Ох... – выдохнула я.

Значит, у меня в запасе лишь три месяца, чтобы собрать артефакты. С одной стороны – времени много, с другой – коллекция герцога и королевская сокровищница кажутся недосыгаемыми. Однако хорошо уже то, что в главном подлый гад меня не обманул: я смогу вернуть родных.

– Почему он такой жестокий? – грустно спросила я. – Будто гадюка: чуть тронешь – и готов вонзить ядовитые зубы!

– Станешь тут кусаться, когда внутри столько боли, – ответил Хафиз, и в этот раз без обычного лукавства.

– Я знаю... – Я старалась осторожно подбирать слова, чтобы не обидеть пожилого джинна. – Когда-то очень давно мой народ завоевал ваши земли.

– И полностью истребил мой народ, – добавил Хафиз, и его глаза недобро сверкнули. – Называй вещи своими именами, раз уж начала, девочка.

Вот сразу и слетело с него все притворство, и разговаривать стал как нормальный человек, без этих нелепых словечек.

– Да, стер! – отважно согласилась я. – Но это было так давно! Сколько можно помнить и мстить? Ну и... Понимаю, он злится, потому что не справился, не защитил своих. Ну бывает. Кто-то побеждает. Кто-то проигрывает.

У него вырвался грустный смешок, хотя я вовсе не собиралась шутить.

– Когда убили твою семью? – спросил Хафиз.

– Ты ведь знаешь. Редьярд говорил, ты должен все знать, раз уж ты теперь принадлежишь мне. Их убили... – Каждый раз, когда я вслух произносила это слово, у меня перехватывало горло. – Еще и трех дней не прошло.

– Тебе больно?

Из глаз снова хлынули слезы. Больно? Что за вопрос? У меня внутри незаживающая кровоточащая рана!

– У меня будто вырезали кусок сердца, – прошептала я.

– Так вот у него тоже. Бежали десятилетия, менялся мир, но для раба браслета проходили не века – часы. На сколько его выпускали из браслета?

Я вспомнила, как мечтала поскорее избавиться от Яра в первое его появление: так сильно он меня напугал. Наверное, и прошлые хозяева, увидев ярость и гнев джинна, отправляли его обратно в заточение.

– Он пробуждался на несколько минут, а вместе с ним – его боль. Для него все живо так же, как если бы случилось лишь вчера. Понимаешь?

– Понимаю, – прошептала я, ошеломленная тем, что Редьярд, оказывается, может носить в себе свою кровоточащую рану. – Но ведь это не то же самое. Вы не люди, вы джинны. Магические создания, вроде иллюзий в академии. У вас, конечно, тоже есть чувства...

Я вспомнила, как обиделась коза Марта, когда ее обозвали гадостью.

– Ах-вах, девочка, как мало ты знаешь о джиннах, – перебил меня Хафиз. – Мы были людьми из плоти и крови. У нас были семьи, близкие, друзья, которых мы любили.

– Людьми? – прошептала я.

– Магами, – добавил джинн. – Сильнейшими магами. Такой, как... Яр. Забавное имечко... Такой, как он, стоил десятка ваших жиденских боевиков. Но вы – словно саранча, уничтожающая все на своем пути.

– Как вы оказались в артефактах? – пролепетала я, совершенно ошарашенная. – Вы умерли?

Хафиз обдумал мой вопрос.

– Это сложно, – вздохнул он. – Яр точно предпочел бы смерть.

Я долго молчала, не решаясь спросить о важном.

– Кого он потерял? – прошептала я.

– Расскажет сам, если захочет.

Я могла бы принудить Хафиза, сказать: «Я желаю», и, наверное, считай я по-прежнему джиннов магическими существами, я бы так и поступила. Но люди не должны быть рабами! Они не должны подчиняться глупым велениям и выполнять все, что пожелают хозяева.

Впервые я посочувствовала Редьярду. Какая изощренная пытка. Все, кого он знал и любил, – мертвы. Сама память о его народе почти стерлась. А он, бывший сильнейший маг, сделался игрушкой в руках поработителей. Озвереешь тут.

Открылась дверь, и в комнату вошел... Питер. Он нес глиняный горшочек, завернутый в полотенце, сверху лежала краюха хлеба.

Он увидел, что я сижу, завернувшись в плед, и улыбнулся знакомой улыбкой. Улыбкой Питера, которого я считала другом.

– Ты идиот? – поинтересовалась я. – Совсем дурак? Я вообще-то в курсе, Яр, что ты – это ты.

Он нахмурился и вернул себе облик джинна. Поставил передо мной жаркое, из воздуха вытянул ложку.

– Я просто хотел, чтобы ты поела спокойно, – процедил он. – Та физиономия тебе больше по душе.

Я фыркнула, развернула полотенце и втянула аромат тушеного мяса и овощей. Удивительно, ко мне вернулся аппетит. Попробовала бульон и зажмурилась от удовольствия – вку-усно!

Открыла глаза и успела увидеть, что Редьярд улыбается краешками губ. Он заметил мой взгляд и тут же сжал губы и сузил глаза в черные щелочки. Такой весь холодно-неприступный гадский гад.

– Знаешь, что я думаю, – сказала я, погружая ложку в густое варево и делая длинные паузы между словами. – Ты мне не признался, что превратился в Питера, потому что сам устал от ненависти. Ты просто хотел почувствовать себя живым, обычным парнем, на которого я смотрю без страха. Хафиз, сколько было лет этому могучему магу, когда...

– Хафиз, ты ей тут все разболтал, пока меня не было? – рявкнул Яр.

– Разболтал, – ответила я вместо джинна. – Но не все.

– Этому мальчишке, который возомнил себя непобедимым магом, – а он, хвала небесам, действительно очень силен, но, увы, не мудр, – было двадцать четыре. Было и есть.

Редьярд застонал, закатив глаза.

– А еще я думаю: за эти три дня, что ты на свободе, твоя боль пусть на капельку, совсем на чуть-чуть, но уменьшилась.– продолжила я. —И ты видишь вокруг себя не только тьму. Когда Питер улыбался – это не было притворством.

Яр качнулся вперед, вперив в меня взгляд темных глаз.

– Очень много думаешь, девочка, – прошипел он, как гюрза.

Я, вместо того чтобы отшатнуться, наклонилась навстречу, так что наши носы едва не соприкоснулись.

– Ты гад, конечно. Я на тебя зла. Но я тебя больше не боюсь.

На ужин мы выбрали в трактир «Сытый путник» – я как раз собиралась прогуляться и осмотреться.

Здесь, на окраине города, где к столице подходил наезженный тракт, соединяющий Форанг с поселениями на западе королевства, торговцев, бродячих артистов и путешественников ожидало множество больших и маленьких постоянных дворов, трактиров и питейных заведений на любой вкус и кошелек.

Хафиз прав: затеряться среди прибывающих и убывающих путников гораздо проще, особенно если менять облик. Сейчас за столиком сидел пожилой, благообразного вида купец, его дочь и наемный телохранитель, сопровождающий повозку в дороге.

Лачуга, которая сделалась нашим временным пристанищем, со стороны выглядела ветхой развалюхой – едва ли кому-то придет в голову искать в ней наследницу рода Арчер. А если кто и сунется, Хафиз пообещал, что смельчак надолго застрянет в иллюзорном мире: в пещере дракона или на кухне голодного тролля.

Хафиз и Яр неторопливо пили эль, пока я ела вкусную уху вприкуску с маленькими пышками, обсыпанными зернышками тмина.

подавальщик, молодой парень, все крутился вокруг, выпрашивал, не надо ли еще чего господам, протирал стол липкой тряпкой. Я начала подозревать, что он узнал во мне пропавшую графиню Арчер и побежит сдавать Адриану, чуть только мы покинем трактир, но все оказалось проще.

Улучив момент, когда Хафиз и Яр были заняты спором – они внезапно принялись обсуждать лошадиную статью, и мирный поначалу разговор перерос в перепалку, – подавальщик положил ладонь на мою спину ниже поясицы и подмигнул.

– И что такой ладной крошке скучать рядом со стариком-отцом! – сказал он, наклонившись ко мне и обдав несвежим дыханием и запахом лука. – Приходи вечером к амбару.

Иногда жалею, что получила хорошее домашнее воспитание: оно помешало мне вlepить нахалу пощечину. Я отодвинулась, бросив:

– Одно мое слово, и наш телохранитель сломает тебе руку. Иди и оглядывайся.

Парень понимающе ухмыльнулся, мол, знаю-знаю, все вы так говорите, но у амбара все-таки подожду.

Он отошел от стола, забрав у мужчин пустые кружки, но ушел недалеко. Неожиданно споткнулся на ровном месте, рухнул как подкошенный. Клянусь, я слышала, как клацнули о деревянный пол его зубы. Поднос улетел в сторону, глиняные кружки превратились в груды черепков.

подавальщик вскочил, вытирая рукавом кровавые сопли.

– Кто меня толкнул? Клянусь, меня кто-то толкнул!

Он устремил на Яра дрожащий указательный палец.

– Что ты, милейший, – лениво ответил мой джинн, вальяжно откидываясь назад. – Я с места не сдвинулся.

И только я заметила, что взгляд черных глаз Яра сделался ядовитым и опасным.

Парень, всхлипывая, принялся поднимать с пола черепки.

– Я помогу, – сказал Редьярд.

Однако вся его помощь заключалась в том, чтобы поднять несколько черепков и сунуть в карман.

– Ты зачем это сделал? – прошептала я: подавальщик так отчаянно хлюпал носом, что мне стало его жаль.

– Надо ведь чем-то расплатиться, – усмехнулся Яр.

Он подкинул на ладони глиняный обломок, а поймал золотую монету.

– К тому же это немного охладит его пыл. Заметь, у мрази даже руки не сломаны. А очень хотелось.

Так Яр слышал!

– Я не сказала «желаю»...

– Громко подумала!

Меня охватили смешанные чувства: гнев – нельзя так поступать с людьми, пользуясь магической силой, и... злорадство?

«В кого ты превращаешься, Вивиана Сюзанна Аделина Арчер?» – строго спросила я себя.

– Ладно, – сказал Хафиз, отрывая нас с Редьярдом от увлекательного дела – прожигания друг друга взглядами. – Мы хотели обсудить дальнейшие действия. Что тебе известно о герцоге Алдане,

Вивиана? Выкладывай все! Будем думать, на какую удочку ловить сиятельного коллекционера.

– Здесь? – прошептала я, чуть не подавившись. – Сейчас? А если кто-то услышит?

– Все услышат, как купец спрашивает дочь, какие фасоны нынче в моде и какие ткани стоит закупить в столице, чтобы отвезти в родной городок на западе.

– Разве джиннам не известно все, что известно хозяину? Вы много раз об этом говорили.

– Ты и сама не помнишь все, что касается герцога, начнешь говорить вслух – и вспомнишь.

– Что ж, если так... Он...

Я закусила губу и глубоко задумалась. Герцог не был ближайшим другом семьи. Конечно, родители с ним знакомы – встречались на приемах и балах. Я знала о герцоге Алдоне только то, что знали все, – по большей части слухи и полуправду.

– Он эксцентричный коллекционер разных магических диковинок. Герцог богат и готов заплатить любые деньги за понравившуюся вещь. Перстень с джинном он раздобыл примерно два года назад. Не представляю, как и где. Я слышала, что джинн – прекрасная девушка и герцог довольно часто выпускает ее на свободу. Наверное, они смогли найти общий язык.

Яр сурово посмотрел на меня исподлобья, сообщая всем своим презрительным видом: «Смогли найти общий язык? Что за чушь!»

– Ты знаешь, как зовут девушку? – уточнил Хафиз.

Я покачала головой.

– Мы можем предложить ему мой браслет... – нерешительно сказала я. – В смысле – как приманку. Это позволит нам попасть в дом.

– Опасно по нескольким причинам, – сказал Яр. – Во-первых, он наверняка попросит взять его в руки, чтобы рассмотреть. Сняв браслет, ты окажешься беззащитна. Есть гарантия, что он не завладеет им силой? Нет. Во-вторых, артефакты, вместилища джиннов, все наперечет. Где бы твой брат ни добыл браслет, он точно увел его из-под носа герцога. Тот не может не знать, кому эта редкая вещь теперь принадлежит.

– Кому? – спросила я, не до конца понимая, куда ведет Редьярд.

– Пропавшей наследнице графа Арчера, Ви! – в сердцах воскликнул Яр. – Не пугай меня, ты казалась неглупой девушкой.

Вот как можно одной фразой и гадость сказать, и комплимент?

– Использовать в качестве приманки кувшин Хафиза не предлагаю! – буркнула я.

Мы замолчали, обдумывая возможные варианты. Как попасть в дом герцога? Прийти на бал? Но, насколько я помнила, герцог редко давал балы: можно прождать несколько месяцев. Да и представителей столичного высшего общества он знает в лицо, а с провинциальными аристократишками, которыми мы могли бы притвориться, и не подумает сходить на короткой ноге.

Нужна веская причина...

– Есть одна зацепка, – пробормотала я. – Но не уверена, что сработает.

– Рассказывай! – в один голос велели джинны.

– Герцог, как я уже сказала, довольно эксцентричен. А Патрик называет его чудненьким, потому что у герцога много чудачеств. Например, он никогда не смотрится в зеркала. Дома совсем их убрал, а если идет куда-то в гости, хозяева дома занавешивают зеркала из уважения к герцогу. В детстве с ним случилась одна неприятная история. Он был тогда еще совсем мальчишкой и как-то вместе с гувернером попал на ярмарку, где выступали странствующие артисты. В одном из шатров принимала пожилая гадалка, и... В общем, они повздорили – Эдмунд и та старуха. Она то ли прокляла будущего герцога, то ли заглянула в грядущее и сказала, что однажды его убьет его собственное отражение.

– Так, так, – заинтересовался Хафиз. – Дальше.

– Видимо, гадалке удалось его впечатлить. Герцог боится собственного отражения как огня. Несколько раз приглашал магов, чтобы они отменили страшное пророчество. Да только вот маги в один голос утверждают, что герцогу ничего не угрожает. Но он не верит, обзывает их обманщиками. И вроде бы он до сих пор разыскивает того, кто мог бы избавить его от проклятия.

– Отлично! – сказал Яр, сверкнув глазами. – Внушаемый и трусливый герцог – то, что нужно!

– Этот плод сам упадет к нам в руки, когда достаточно созреет. Надо лишь как следует удобрять сад и поливать дерево, – витиевато выразился Хафиз. – Не морщитесь, юная леди. Я лишь хотел сказать, что при должной подготовке – дельце выгорит! Перстень послужит достаточной платой за избавление от проклятия.

– Да нет никакого проклятия, – напомнила я.

– Кто сказал? – усмехнулся Яр. – Есть! Оно лишь дремало до поры до времени. Но теперь отражение нашего сиятельного герцога начнет преследовать его, выглядывая то из чашки со взваром, то из лужи.

– Как?.. – начала было я, но тут до меня стал доходить смысл сложного плана. – Вы его запугаете?

– Угу. Тут главное – не перестараться. В какой-то момент герцог Алдон будет готов на что угодно, лишь бы избавиться от своего мучителя, – подхватил Хафиз. – И тут на сцену выйдем мы.

– Мы? – переспросила я.

– Мы. Странники из далекой восточной страны!

Я не нашлась, что ответить на это смелое заявление, ошарашенно ждала пояснений. Хафиз, склонный к театральным эффектам, начал издали:

– Трое странников пришли попытать счастья в столице. Им доступны тайные магические знания, передающиеся из поколения в поколение. Снимаем порчу, избавляем от вредных привычек, возвращаем домой неверных супругов, и берем недорого!

– Все решат, что мы шарлатаны, – сказала я. – Приличные маги за такие дела не возьмутся!

– Именно поэтому у нас отбоя от клиентов не будет!

Меня глодали сомнения: Хафиз предлагал слишком рискованный вариант.

– Как-то ненадежно! Это сколько же ждать придется, пока герцог о нас узнает!

– Слухи и сплетни распространяются быстро, особенно если им помочь, – лукаво усмехнулся пожилой джинн. – Узнает твой герцог, никуда не денется.

– Долго! – простонала я. – А времени так мало!

– В таком деле торопиться ни к чему, – назидательно сказал Хафиз. – Три недели, максимум месяц – и герцог Алдон сам пригласит трех странников к себе на прием! И перстень отдаст, и благодарен будет, что мало взяли.

Я искоса посмотрела на Яра: пока говорил Хафиз, он молча слушал, не перебивал.

– Вероятно, это лучший вариант, – согласился он.

– Может, выкрадем? – жалобно спросила я.

– Смотрю, ты вошла во вкус, зайчишка? – приподнял бровь джинн. – Выкрадем вместе с герцогом? Или вместе с его пальцем? Если он призывает джинна каждый день, наверняка не расстанется с перстнем. Не выкрасть, а выманить – единственный способ.

Я со вздохом уронила голову на скрещенные руки.

– Завтра же приступим к делу! – сказал довольный Хафиз. – Пройдемся по трактирам, по рынкам под видом ошачливленных клиентов и станем ждать посетителей.

Домой мы вернулись в сумерках. Я с удивлением заметила, что лачуга выглядит не так жалко, как несколько часов назад. Она будто стряхнула с себя пару десятков лет и помолодела: затянулись трещины на стенах, выправилось крыльцо, на крыше выросла свежая черепица, исчез мусор, грудями лежавший за оградой, да и сама ограда покрылась веселенькой зеленой краской.

– Мы не можем принимать посетителей в развалюхе, – объяснил Хафиз, довольно разглядывая мое вытянувшееся лицо.

– Не нравится мне эта затея, – призналась я, все больше волнуясь. – Меня ищут. А так мы едва ли не указатель со стрелкой установили: «Очень подозрительная магическая активность!»

– В столице подозрительная магическая активность на каждом шагу, хозяйюшка. Чего тебе бояться под крылышком двух джиннов? – посмеиваясь, сказал хитрец.

Под крылышком? Я бы это так не назвала! Скорее, я скована цепями договора.

Хафиз посмотрел на небо, на котором выступили первые звезды. Вдохнул носом, будто хотел вобрать в себя все запахи ночи, пусть даже не все из них были приятны.

– Свобода пахнет так сладко, – сказал он. – Настоящее небо. Настоящая ночь. Пойду-ка я еще прогуляюсь, если ты не против, хозяйюшка?

Я на всякий случай тронула карман, в котором лежал кувшинчик. Я попросила Редьярда сотворить платье с глубокими карманами: придется всегда носить с собой артефакт.

– Иди, – согласилась я. – Но явись по первому зову.

В сумрачное помещение мы вошли вместе с Яром, и только когда спину между лопаток накрыла горячая ладонь, я поняла, как сглупила, отпустив Хафиза. Да он, хитрец, похоже, не забывал о моем долге перед Редьярдом.

Я дернулась от прикосновения, словно от ожога. Бросилась к камину, в котором тлели угли, слабо освещая пространство: вспомнила, что на каминной полке стоит тяжелый подсвечник. Я схватила его и выставила перед собой, как меч.

– Не подходи!

В полумраке трудно было разглядеть лицо джинна, но в его глазах снова мерцало пламя. Он сделал шаг вперед, мягкий, неслышный. Наверное, так приближается к добыче лев. Не торопится, зная, что ей не спастись.

– Ты ведь сказала, что больше не боишься меня? – вкрадчиво произнес Яр.

Я и не боялась. До этого момента. Стоящая в тени сумрачная фигура рождала в моей душе первозданный ужас. Редьярд вернул свой привычный облик – узоры на черном халате переливались золотом и серебром.

Я отодвинулась еще на шаг и храбро сказала:

– Не боюсь!

– Тогда опусти это жалкое оружие и выполни свою часть договора, – сказал Яр, снова сокращая расстояние между нами.

Шаг, еще шаг. Он вынул подсвечник из моих дрожащих пальцев и вернул его на полку. Наклонился. Темные пряди упали на лицо. На нем застыло совершенно нечитаемое выражение. Яр взял обеими руками мою ладонь. Принялся гладить от запястья, дошел до подушечек пальцев. Массировал, нажимая какие-то особые точки, отчего в тело сладкими толчками вливались потоки жара. У меня затряслись колени. Но теперь не от страха – от охватившей тело незнакомой неги.

Я облизала пересохшие губы. Я не в силах была поднять глаза и посмотреть на Яра. Не перенесу, если снова увижу гадкую ухмылочку на его губах, будто он все знает о глупых человеческих девушках.

– Разве страшно? – тихо спросил он. – Разве я делаю тебе больно?

– Н-нет... – прошептала я и, собрав в кулак остатки воли, отняла руку. – Ты меня околдовываешь своей магией. Это нечестно. Это принуждение. Я не хочу...

Яр осторожно приподнял мое лицо за подбородок. Волей-неволей пришлось поглядеть на него. Вспыхнул огонь в камине – подчиняясь ли воле джинна или просто так совпало, не знаю. Алые всполохи легли на смуглое лицо. И я наконец-то увидела. Не злость, не похоть, а... какую-то грусть, перемешанную с нежностью, что ли?

– Договор есть договор, – сказал он. – Нельзя нарушать, иначе это приведет к непредсказуемым последствиям. Ты должна привыкнуть, что каждый день после заката солнца я все равно буду касаться тебя. Так, как сейчас, или так, как захочешь ты, – решать только тебе, Ви...

Каждая частица моей души трепетала от его едва ощутимого прикосновения к моему подбородку. Меня охватили странные, непривычные чувства. Хотелось плакать? Или смеяться?

– Если так, как сейчас... хорошо... Убери уже от меня свою магию! – всхлипнула я, призвав на помощь остатки благоразумия.

– Нет никакой магии, – ответил Яр, и легкая улыбка тронула его губы. – Если не считать магией притяжение тел.

– Нет! Не верю... Я знаю, что тебе нужно от меня!

– Что же?

И снова лукавство в голосе! Как же ты любишь мучить меня!

– Моя невинность! Я слышала ваш разговор с Хафизом! Ты получишь мою невинность и исполнишь свое собственное желание!

Рука Редьярда упала, он помрачнел.

– Все, чего я хочу, я получу и так. Забвение – мое единственное желание. Не помнить. Не существовать. Навеки погрузиться в сон, раз уж смерть мне недоступна... Ты вернешь свою семью и расплавишь браслет – больше мне ничего не нужно.

Он не обманывал, ведь и Хафизу Яр говорил о забвении. Зачем же тогда это условие в сделке? Наверное, сначала Редьярд хотел ощутить свою власть над хозяйкой, отыгаться за унижение. А теперь? Яр когда-то был человеком, а людям необходимо обычное человеческое тепло. Прикосновения и объятия.

Видимо, я слишком наивна. Патрик не раз говорил, чтобы я была осторожна и не доверяла всем безоглядно. Особенно коварным джиннам.

Я качнулась вперед и уперлась лбом в плечо Яра. Он вздрогнул, точно я не прикоснулась к нему, а ударила наотмашь, и какое-то время стоял недвижим. Но вот джинн медленно-медленно приподнял ладонь

и накрыл ею мою макушку, а вторую положил на плечо – я почти не чувствовала их веса, словно Яр боялся спугнуть меня, если проявит чуть больший напор.

– Ты правда совсем меня не боишься? – спросил он.

Напряжение в голосе выдавало внутреннее волнение.

– Побаиваюсь, – призналась я. – Но, кажется, привыкаю.

К утру следующего дня гостиная в доме снова преобразилась. Теперь у камина по обе стороны стояли два кресла, между ними в воздухе висела черная сфера с бушевавшими внутри нее молниями – красивая, устрашающая, но совершенно бесполезная штука. Черные портьеры занавешивали окна – единственным источником освещения стал камин и расставленные по периметру комнаты свечи.

– Жутковато! – подвела я итог. – На месте посетителей я бы бежала без оглядки, да поскорее!

– То, что нужно, – улыбнулся Хафиз. – Значит, все правильно сделал. Остался последний штрих.

Джинн протянул ко мне руку, и у меня в прямом смысле волосы зашевелились на голове. Я схватилась за своевольные локоны и с писком бросилась к двери. Какое коварство! Никогда не знаешь, чего ждать от джиннов! Чего хочет Хафиз? Не собираюсь проверять на практике!

У порога как по волшебству вырос Яр.

– Стой, Ви! Нечего бояться!

Он вытянул из рукава небольшое зеркало и поднес к моему лицу, держа за ручку. На меня посмотрела смуглая, кареглазая и темноволосая девушка, в которой я с трудом узнала себя. Непонимающе уставилась на Редьярда.

– Дополнительная маскировка не повредит, – сказал он. – К тому же, не забывай, мы странники с Востока. Так...

Он оценивающе скользнул взглядом по моей фигуре, по одежде. Длинное однотонное платье превратилось в цветастую юбку, из-под которой выглядывала вторая, попроще и подлиннее. Рукава ярко-алой блузки спрятали артефакт. Зато на правом запястье прямо поверх ткани появилось сразу несколько браслетов, украшенных камнями, узорами, причудливыми фигурками птиц и зверей. Я почувствовала тяжесть на шее, нащупала монисто из тонких железных пластинок, на которых были выдавлены руны – слова или буквы незнакомого языка.

– Так лучше, – спокойно сказал Яр.

Он старался выглядеть безразличным, но не сумел меня провести: эти женские украшения он видел на ком-то другом и воссоздал по памяти. Это были украшения его народа.

– Очень красивые, – поблагодарила я.

Сначала я скептически отнеслась к идее Хафиза. Да что там, практически не сомневалась, что желающих довериться подозрительным чужакам не найдется. Пару дней было тихо.

Хафиз и Редьярд обошли трактиры и лавки, представая в облике то купцов, то горожан, то бедняков, пришедших на заработки из деревни, то стражников. И лили в любопытные уши ложь о том, как помогли им чародеи, пришедшие с востока. Мол, совершают они великое паломничество. Странствия привели их в Форанг ненадолго, через месяц они покинут столицу, а пока готовы помогать страждущим за символическую плату.

В ожидании клиентов я томила дома. На маленьком столике стоял наготове чайник с горячим травяным чаем и блюдечко с рассыпчатым печеньем – иллюзия, конечно, но высшего сорта.

– Нальешь посетителям чашечку чая, займешь беседой, а мы уж тут как тут! – объяснял Хафиз. – А пока спи, отдыхай, хозяйюшка. Нечего тебе на улице делать: и у стен есть глаза, и у камней есть уши. Под нашим присмотром – безопасно, одной – опасно.

– Да я тут умру от тоски! – расстроилась я.

– Ой-ой, – с деланным сочувствием покачал головой пожилой джинн. – А то ведь обычно дочери аристократов с утра до вечера заняты, присесть негде, прилечь некогда. Ноженьки, рученьки утруждают, себя не жалея.

Я забралась с ногами в кресло, сердито отвернулась. Что тут скажешь? Мою прежнюю жизнь не назовешь насыщенной событиями. Что у меня было? Прогулки по саду, книги, вышивание – однако меня все устраивало. Да и Патрик не давал скучать, все время придумывал какие-то забавы... Я вздохнула.

На подлокотник рядом со мной плюхнулась книга. Следом еще три. Я сгребла их на колени, чувствуя себя так, будто овладела величайшими сокровищами мира. Поднимала то одну, то другую, рассматривала обложки, листала.

– Пойдет? – невозмутимо спросил Яр.

Я помахала в его сторону, мол, свободны, а сама жадно поглощала первые абзацы новейшего романа – продолжения походов благородного рыцаря Ройма.

В первый день никто не появился. На второй тоже.

– Я волнуюсь, – не выдержала я вечером второго дня. – Давайте придумаем новый план!

Мы сидели на полу, на ковре, вокруг развернутой скатерти, вкушая иллюзорные яства вместе с вполне земными, реальными кушаньями. Причем жареные пирожки с луком, кислые яблочки и колбаса, в которой порой попадались хрящи, значительно уступали сахарному рахат-лукуму, орешкам в меду и персикам.

– Рано! – сказал Хафиз. – Терпение, хозяйюшка. Дай мне еще пару дней.

Я нервно схватила яблоко, вгрызлась зубами, чтобы не ляпнуть в сердцах лишнего. Страшно, страшно, страшно, что мы зря упускаем время! Я подавилась и закашлялась. Яр бесстрастно постучал меня по спине: солнце вот уже час как опустилось за горизонт, поэтому джинн мог беспрепятственно дотрагиваться до меня.

Кстати, об этом.

На следующий вечер после нашего откровенного разговора, который, как мне показалось, если и не полностью положил конец вражде, то хотя бы позволил сделать первый шаг к миру, Яр на закате дотронулся до тыльной стороны моей ладони. И больше ни разу не посмотрел в мою сторону!

Теперь похлопал по спине и сказал:

– Как удачно: можешь считать, что на сегодня твой долг исполнен.

Он не требовал объятий или – спаси боги! – поцелуев, а я, вместо того чтобы радоваться, чувствовала себя... обманутой?

«Все ясно как день, – нашла я объяснение. – Ему больше не интересно меня пугать, а как девушка я его не волную. Разве я не красива?»

Ни на что большее, кроме рукопожатия, Яр, конечно, мог бы не рассчитывать, но я не ожидала, что он сделается настолько безразличен.

Я представляла, как стану отмахиваться подсвечником. Как позволю Редьярду коснуться кончиков моих пальцев... Но и

вообразить не могла, что дело закончится похлопыванием по спине.
Это немного обидно.

Утром третьего дня в дверь решительно постучали. Я спала на софе, а тут подскочила как ошпаренная, не зная, за что хвататься: бежать ли открывать дверь в одной ночной рубашке или же попытаться натянуть поверх нее юбку и блузку.

На удачу, Хафиз этим утром остался дома. Он щелкнул пальцами – в один миг постель растворилась в воздухе, на столике над чайником поднялся пар, а мне не пришлось заботиться об одежде и прическе. Все-таки жизнь становится гораздо проще, если рядом оказывался один из джиннов. Никакая горничная не сравнится! Так я, глядишь, привыкну, а как потом отвыкать?

Памятуя о том, что оба джинна когда-то были людьми, я старалась благодарить их за помощь. Хафиз с улыбкой кивал в ответ, а у Яра всякий раз каменело лицо. Я не понимала, в чем дело, пока краем уха не услышала, как Редьярд с горечью сказал Хафизу:

– Моя магия искалечена. Я родился боевым магом. Кто я теперь? Где вся моя сила? Сделали из меня балаганного шута, только и способного – показывать фокусы!

Я обомлела. Если то, что осталось от магии Яра, годится лишь, как он выразился, на фокусы, то что было прежде? Мое «спасибо» злило его, потому что заставляло чувствовать себя прислугой.

– Открывай же, – поторопил меня пожилой джинн, а сам уселся в кресло и, раскурив трубочку с длинным мундштуком, принялся глубокомысленно пускать в потолок колечки ароматного дыма.

Я повернула ручку, и дверь не то что открылась – распахнулась вовнутрь. Через порог едва ли не кубарем влетела грозного вида старушенция. Тут же развернулась и вцепилась в топорщившийся воротник тщедушного старичка. Судя по надорванной ткани, старушка волокла за собой несчастного если не всю дорогу, так точно ее большую часть.

– Вот, полюбуйтесь на этого изменщика! – воскликнула она. – Клятвопреступника и предателя!

Старичок вздохнул, морщился, но не спорил и не делал попыток вырваться. Сказал только:

– Да тише ты, Марселка, перед людьми стыдно!

– Стыдно? Стыдно? А ухлестывать за этой бесстыжей курицей тебе не стыдно? Уважаемые господа чародеи, сделайте так, чтобы этот охальник смотрел только на свою законную супругу, то есть на меня!

– Так себе зрелище, – уныло проворчал дедок.

Я стиснула губы, чтобы не рассмеяться. Такие забавные старички! Хафиз сохранял суровый вид, ни один мускул не дрогнул на его лице.

– Встаньте передо мной, – сказал он, и в его голосе мощно зазвучало раскатистое эхо, отразившееся от стен.

Боевая Марсела притихла, выпустила мужа, вытерла ладонь о передник.

– Понимаете ли вы, что волшебство не имеет обратной силы? Что отныне и навсегда ты, Марсела, и ты...

– Том! – с готовностью подсказала старуха.

– И ты Том, будете смотреть лишь друг на друга, не замечая никого вокруг.

Том мрачно покосился на супругу, вовсе не обрадованный такой перспективой, та же, напротив, кивала так рьяно, что я испугалась, как бы у несчастной старушки не заклинило шею.

– Понимаю! – воскликнула она и зачем-то добавила: – Ваша честь!

Я прижала ладонь ко рту, сдерживая рвущееся наружу хихиканье.

Но все же некрасиво со стороны Хафиза дурить этих трогательных чудаков. Ведь Яр ясно дал понять: джинны не могут внушить любовь, никому и никогда.

– Подойди к магическому шару, Том, положи на него ладонь, – прогремел голос джинна. – И вспомни день, когда ты впервые увидел свою будущую жену.

Наш магический шар был чистой воды бутафорией, но выглядел внушительно – Том не сразу решился дотронуться до него. Молнии сосредоточились на ладони старичка, а тот, окончательно струхнув, зажмурился.

– Открой глаза! – прогрехотал приказ. – И смотри!

– Ах! – воскликнула Марсела. – Это ведь... я!

Чернота внутри шара прояснилась и показала всем нам летнюю улицу. По тротуару, сняв стоптанные башмаки и пританцовывая, шагала тоненькая, гибкая как лоза девушка. Густые волосы цвета

спелой пшеницы золотились на солнце. Она улыбалась, и на щеках играли ямочки.

Я, обомлев от такой красоты, перевела взгляд на старуху. Та тоже мечтательно улыбалась, глядя на себя юную, и, наверное, вспоминала тот теплый и ясный день из своей молодости, когда впереди была вся жизнь, в сердце жила надежда на будущее и ни одна печаль еще не омрачила душу. Она улыбалась, и на щеках появились те самые ямочки.

– Теперь ты! – велел джинн.

И Марсела охотно подчинилась, положив ладонь рядом с ладонью мужа. Картинка в шаре изменилась. Теперь мы смотрели глазами юной Марыськи на невысокого, но симпатичного паренька, идущего навстречу. Красавцем его сложно было назвать, но он улыбался так светло и жизнерадостно, что трудно было отвести взгляд от его открытого лица.

– Том... – прошептала Марсела. – Я уже и забыла, какой ты был!

– А теперь посмотрите друг на друга! – велел Хафиз.

Старики подняли взгляды от магического шара, и оба, уставившись друг на друга, охнули. Том протянул дрожащую морщинистую руку и нежно погладил по щеке жену, а Марсела накрыла ладонь мужа своей.

– Любовь моя, – прошептал Том. – Как же я мог забыть?

– А я не забывала, – улыбнулась Марсела. На ее щеках снова появились славные ямочки.

Они ушли, взявшись за руки.

– Это... Что же... – Мысли теснились у меня в голове, и слова путались. – В чем магия? Они вспомнили друг друга в молодости?

– И теперь всегда будут видеть друг друга молодыми, – сказал Хафиз, довольно затягиваясь трубочкой. – Проще простого. Даже не магия, так, баловство. Любящие пары и без всякого волшебства пользуются этим секретом.

Я вспомнила, как родители глядели друг на друга – будто только поженились и у них нет взрослых детей. В последний день папа обнимал и гладил маму по голове, словно она была маленькой девочкой. На ресницах набухли слезы.

– Ах-вах! – воскликнул Хафиз. – Зачем плакать? Дело-то пошло! Я обещал – я сделал! Еще немного подождать – и перстень наш.

Дело действительно сдвинулось с мертвой точки. Новые посетители появлялись все чаще. Пока это были жители ближайших районов, но Хафиз уверял, что слухи о странниках с Востока уже расходятся по Форангу.

Приходили с простыми просьбами. Уставшие от безденежья и пьянства мужей женщины умоляли избавить их благоверных от пагубной привычки. Юные девушки просили заглянуть в будущее и назвать имя суженого. Лавочники хотели зарядить амулеты на удачу в торговых делах, воины – заговорить мечи. Джинны на самом деле помогали, не могли только исцелять. В таких случаях Хафиз горестно качал головой и отправлял несчастных в храм, мол, исцеление под силу лишь светлым богам. А Яр сверкал глазами и говорил обычно что-то вроде: «Подумай, за какие грехи тебе посланы эти страдания! Может, ты предавал? Обманывал? Воровал?» Судя по тому, как вытягивались лица просильщиков, Редьярд попадал в точку.

У Хафиза и Редьярда вообще был разный подход к работе.

Хафиз каждый раз устраивая маленькое представление. Если превращал простенький медный браслет или серебряное колечко в амулет, вокруг предметов порхали птички, сквозь них прорастали стебли цветов – джинн никогда не повторялся. Мечи воинов искрились молниями. С каждой женщиной и девушкой он вел долгие беседы, прежде чем заглянуть в будущее, чтобы увидеть суженого, или сплести из волос просительницы оберег для ее мужа. Ему самому все это доставляло удовольствие. И я, сидя в уголке, с интересом наблюдала, что же он придумает на этот раз.

У Яра разговор был короткий. Если Хафиз располагался в кресле с комфортом, откидываясь на подушечки, посасывал трубочку и хитро жмурил глаза, Яр сидел прямой и напряженный, будто готовился в любой момент сорваться с места.

– Говори, – приказывал он, устремив на посетителя жгучий взгляд черных глаз.

Этот взгляд, казалось, мог вынуть из человека душу. Помню, как совсем недавно я сама его боялась. А сейчас, наблюдая за своим

джинном со стороны, не могла разобрать, что чувствую. Редьярд был весь точно натянутая струна, словно сама смерть, удерживаемая кончиками пальцев стрелка. Часто я думала, что будет, если отпустить тетиву. В смысле – дать джинну свободу. Станет ли он убивать направо и налево, мстить за свой народ? Яр выглядел опасным, и в то же время притягательным, как красивый и смертоносный кинжал.

Посетители в ответ на грозное повеление тушевались, запинаясь, бледнели и тряслись.

– Ну вот, этот паскуда снова все деньги до последнего гроша с друзьями пропил, – жаловалась бледная и худая женщина, совсем еще молодая, но совершенно замученная. – Детей кормить нечем. Я-то ладно, я где водички попила, где яблочко сорвала, а малым-то не объяснишь...

– Подойди!

Бедняжка приблизилась на негнущихся ногах.

– Понимаешь ли ты, что волшебство не имеет обратной силы?

Она затрясла головой вверх-вниз: «Да, да!»

– Мне нужно несколько твоих волос.

Яр протянул руку, женщина торопливо дернула себя за прядь и вырвала целый клочок.

Пока Редьярд скручивал прядь в кольцо, не пели птички, не летали светлячки и не поднимались под потолком радуги. Волосяное колечко вспыхнуло огнем и превратилось в мужской перстень с черным агатом.

– Мужу достаточно надеть перстень на палец один раз. А как наденет – предупреди его, что он не сможет выпить больше ни рюмки без твоего разрешения.

Голос Яра звучал бесстрастно и ровно.

– А если выпьет? – прошептала ошарашенная женщина.

– Будет гореть, точно в огне. Первый раз – мгновение. Второй раз – дольше. Третий... Третьего не будет.

Несчастливая вылетела за дверь, не поблагодарив.

– Это слишком, – не выдержала я. – Она не отдаст ему перстень!

– Отдаст, – бесстрастно ответил джинн.

– Нельзя быть таким жестоким! – вспылила я. – Почему нельзя помочь иначе? Мягче? Сказать какие-то ободряющие слова. Вот Хафиз!..

– Я не Хафиз!

– Кто тут меня вспоминает? – откликнулся пожилой джинн, воплощаясь из воздуха прямо посреди комнаты.

Хафиз с утра ушел сеять слухи: сегодня была его очередь. Вернулся только теперь. В руках джинн держал корзину со снедью: он приносил еду специально для меня, ведь они с Ярм могли обходиться без пищи.

– Понятно, – усмехнулся он, приглядевшись к нашим сумрачным лицам. – Снова разногласия. Эх, молодость-молодость! Возьми нашу хозяйшкуну, Ар... Яр! И прогуляйтесь. Засиделась она дома, давно на свежем воздухе не была, вот и злится.

– Я не злюсь! – крикнула я. – Само спокойствие! Не видно?

– Видно-видно, – закивал пожилой джинн. – А прогуляешься – еще спокойнее станешь!

Редьярд неторопливо поднялся с кресла, повел плечами, разминаясь. Он снова был одет в привычный костюм телохранителя.

– Идешь? – безразлично спросил он, глядя мимо меня.

– Иду, – так же равнодушно ответила я.

Я осталась в обличье черноволосой смуглянки. Так даже лучше – никто не подумает выискивать в образе брюнетки черты исчезнувшей графини Арчер.

Мы вышли за ворота и побрели по улице мимо лавок, домов, постоянных дворов. С каждым глотком свежего воздуха гнев постепенно выветривался. Чего я разнервничалась? Яр помог? Помог. Бедняжка взяла перстень? Взяла. Теперь пусть сама решает, отдавать его мужу или нет.

Чтобы отвлечься и успокоиться, я перебирала украшения на моих запястьях – творение Редьярда. Играющие щенки и котята, жуки с большими глазами, бабочки и цветы создавали впечатление, будто браслеты принадлежали то ли ребенку, то ли юной девушке. Интересно, где Яр их видел?

– Очень красивые браслеты, – зашла я издалека: гулять в тягостном молчании не хотелось. – Спасибо.

Фух, я снова произнесла запрещенное слово! Теперь Яр на меня еще больше выкрысится. Он кинул быстрый взгляд и отвернулся. Помолчал и сказал:

– Рад, что тебе понравилось.

Я не ослышалась? Не огрызнулся в ответ?

– Здесь тоже бабочки, – сказала я и осторожно спросила: – Бабочка – какой-то особый символ? Он что-то значит?

Незаданный вопрос о том, почему на браслете и кувшине вытеснены бабочки, повис в воздухе. Конечно, Яр понял, к чему я веду.

– Бабочка – символ души, – ответил он, но больше ничего не стал объяснять.

Мы шли и шли. Грязные кривые улочки постепенно расширялись, делались чище. Исчезли питейные заведения и кособокие лачуги.

– Куда мы идем? – подозрительно спросила я.

– Посмотрим на дом герцога Алдона. С завтрашнего дня я приступлю ко второй части нашего плана.

– Начнешь его запугивать? – поморщилась я. – Как-то это...

– Переживет! – отрезал Редьярд.

Мы подошли к дому герцога в сгущающихся сумерках. Особняк стоял за железной оградой, скрытый садом, у ворот застыли стражники – так просто и не проберешься.

– Теперь обратно? – вздохнула я.

Воздухом я надышалась на неделю вперед, а ноги, пусть сейчас на мне были надеты мягкие сапожки из войлока, гудели от долгой прогулки.

– Я перенесу, – улыбнулся Яр: его рассмешило мое напряженное лицо. – Завтра вернусь сюда один и примусь за дело. Может быть, повстречаюсь с узницей перстня.

Почему при этих словах меня кольнуло неприятное чувство? Я не смогла его угадать. Неужели я злюсь из-за того, что Редьярд печется о незнакомой девушке? Но она на самом деле нужна нам, чтобы повернуть время вспять.

– Отлично, – пробормотала я. – Пойдем домой, я ус...

Слова застряли в горле. Я всхлипнула и вцепилась в руку Яра, не в силах отвести взгляда от человека, подходившего сейчас к воротам.

В светлом костюме, легкий и все такой же красивый, вдоль ограды особняка шагал Адриан. На безмятежном лице ни мук совести, ни печали. Меня затрясло от ненависти.

– За ним! – выдохнула я. – Сделай нас невидимыми. Или еще что-то придумай! Мне надо попасть в особняк!

– Ви, не нужно, – сказал Яр непривычно мягко и несильно сжал в ответ мою дрожащую ладонь. – Если хочешь, я схожу сам. Дай мне минуту – я только верну тебя домой и...

– Я желаю! – оборвала я джинна, не дав договорить. – Я желаю, чтобы мы пошли за Адрианом. Сейчас!

Редьярд распрямился, стиснул кулаки, в один миг превратившись из живого и в общем-то нормального парня в каменного истукана. Что я сделала! Снова принудила его... Напомнила Яру, что он раб, моя собственность. Я пожелала – он не смеет ослушаться.

– Да будет так! – выплюнул он.

Яр не оглядываясь, пошел вперед – я едва успевала следом. Невидимыми мы прокрались мимо стражей у ворот, вошли в дом.

Лакей, проводивший Адриана к хозяину имения, как раз вернулся в холл. Устроился на своем месте у двери и задремал. Герцог сразу принял наследника графа Дейтона – значит, ждал его визита. Скорее всего, они расположились в малой гостиной или в библиотеке. Или в зале, где хранилась знаменитая коллекция герцога Алдона?

– Они на первом этаже, – прошептала я и тут же испуганно покосилась на лакея, который и ухом не повел. – Нас не слышат?

– Нет, – односложно ответил Яр.

– Пойдем за мной.

– Да, моя госпожа.

В голосе Редьярда сквозил лед – я поежилась.

Позже я постараюсь найти правильные слова, чтобы извиниться, но сейчас мне необходимо узнать, какие дела у Адриана с герцогом. Я быстро двинулась по коридору, прислушиваясь и заглядывая в двери.

Патрик рассказывал, что герцог хранит артефакты в комнате без окон, стены защищают охранные заклинания, а дверь обита железными пластинами – ее я и высматривала. И никак не ожидала, что в сокровищницу приведет обычная, хоть и крепкая, деревянная дверь. Я хотела пройти мимо, но в последний момент сунулась проверить и едва не вскрикнула, когда, переступив порог, очутилась в двух шагах от Адриана. Казалось, что он смотрит прямо на меня.

– Дверь открылась, – подозрительно сказал он. – Слуги не могут подслушивать?

Я потихоньку выдохнула: нет, я по-прежнему невидима.

Герцог стремительно приблизился к двери, резко рванул ее на себя, выглянул в коридор.

– Странно, – пробормотал он. – Наверное, сквозняк. Итак, виконт, вы написали в письме, что у вас есть сведения о браслете Папилио, который я так долго разыскивал и который у меня увели из-под носа.

Я впервые видела герцога Алдона. Он был ровесником отца, но выглядел герцог гораздо хуже него. Неряшливый домашний халат,

редеющие сальные волосы, пучками торчащие в разные стороны, одутловатое лицо: герцог явно предпочитает проводить вечера в компании с бутылкой вина.

Я мельком посмотрела на герцога, и мой взгляд снова притянуло, как магнитом к наследнику графа Дейтона. Еще совсем недавно я была влюблена в этого человека, ловила мимолетную улыбку, будто лучик солнца. Теперь меня трясло от омерзения и гнева, и постоянно лезли в голову воспоминания о нашем единственном поцелуе на террасе. Знала бы я тогда, что задумала его семья, – вцепилась бы ногтями в лицо!

Я обхватила себя руками поперек туловища, силясь унять дрожь. Не время расклеиваться: Адриан может сказать что-то важное! Браслет! Герцог упомянул браслет, и мне думается, речь идет о подарке Патрика.

– Да, я более чем уверен, что браслет, который вы разыскиваете в коллекцию, находится у моей пропавшей невесты.

– Сочувствую вашему горю, – сухо произнес герцог дежурную фразу. – Как вы считаете, она знает, что это за браслет? Знает о... скажем так... начинке?

Я вскинула взгляд на Редьярда, на его потемневшее лицо и сжатые в тонкую нить губы.

Адриан замешкался с ответом. Понятно почему – если он скажет, что его невеста знала о джинне, то непонятно, почему она не воспользовалась его помощью, чтобы убежать от разбойников.

– Нет, не знает, – соврал несостоявшийся жених, хотя не мог не увидеть Яра, когда я призвала джинна и спаслась за миг до того, как попасть в руки Адриана.

– Прискорбно. Тогда, вероятнее всего, вашей невесты уже нет в живых.

Адриан порывисто шагнул к хозяину дома.

– Потому я пришел к вам! – с энтузиазмом воскликнул он, отчего герцог поморщился и демонстративно потер мочку уха.

На безымянном пальце правой руки сверкнул золотой перстень с синей яшмой. На миг у меня перехватило дыхание: прав был Яр, герцог носит его не снимая. Вот она, желанная цель, – так близко и так далеко.

– Почему? – прохладно поинтересовался герцог.

– Я слышал, что у вас в коллекции хранится Сфера Судьбы, которая может ответить на три любых вопроса. Разрешите мне воспользоваться вашим артефактом. Я хочу разузнать о судьбе моей несчастной невесты. Вы окажете мне неоценимую помощь! Если я отыщу Вивиану, в обмен за услугу я отдам вам браслет Папилио.

Я стиснула запястье левой руки: тяжесть браслета придавала мне сил. Хотя, если подумать, разве золотая безделушка защищает меня сейчас, спрятав под покровом невидимости? Стоит Яру хоть на мгновение сдернуть полог защиты, и я окажусь перед Адрианом как на ладони. Джинн легко может это подстроить: он едва не отправил меня на виселицу и подставил перед хозяином таверны. Джинны коварны... А сейчас я снова разозлила его, напомнив, кто тут хозяин, а кто раб.

Я испуганно покосилась на Яра, он не удостоил меня взглядом.

– Если отыщите, – герцог выделил голосом первое слово. – А если нет?

– Щедро заплачу! – нашелся Адриан. – Соглашайтесь. В любом случае вы ничего не теряете, но можете приобрести многое.

Герцог пожевал губу, покрутил перстень на пальце.

– Хорошо, – согласился он. – Однако читать ответы Сферы буду я, а вы стойте поодаль.

– Конечно!

Герцог подошел к одной из витрин – я только сейчас заметила, что все они изнутри были задрапированы черной тканью, так что никто, кроме самого хозяина, не знал, что хранится в ящиках. Он коснулся стенки перстнем, отпирая. Выходит, он использует магию своего джинна для защиты коллекции? Плохо: выманить перстень будет сложнее.

Герцог, фальшиво напевая, вынул черный шар вместе с серебряным постаментом, перенес его на деревянную трибуну, возвышающуюся в центре комнаты. Заботливо протер глянцевую поверхность ветошкой.

– Спрашивайте, виконт.

Адриан впервые показал признаки волнения. Одернул манжеты сюртука, пригладил волосы. Герцог не знал, что Дейтоны организовали хладнокровное убийство моей семьи, и наследник графа не хотел невольно выдать себя неверным вопросом.

– Жива ли Вивиана Сюзанна Аделина Арчер?

Герцог наклонился над шаром, чтобы прочитать вспыхнувший в его глубине ответ.

– Да! – провозгласил он.

Адриан взбодрился и потер руки. Мне сделалось нестерпимо жутко. Не зря Яр прозвал меня зайчишкой: наверное, именно так себя и чувствует несчастный зверек, когда вокруг расставлены силки и кольцо охотников сужается – вот-вот поймает в сети.

– Яр... – прошептала я.

Мне хотелось прижаться к нему. Хотелось, чтобы джинн спрятал меня, защитил, укрыл в своих объятиях. Глупая... Когда я уже пойму, что нас связывает только сделка?

– Я смогу ее отыскать? – выпалил Адриан, воодушевленный успехом.

– Остановитесь! – гневно прервал его герцог. – Не тратьте вопросы впустую!

Адриан побледнел, сообразив, что задал бесполезный вопрос, а их всего три.

Между тем на поверхности шара уже появился ответ.

– Да, – прочитал герцог. – А теперь сосредоточьтесь и спросите, как ее найти. Не торопитесь!

У меня заledenели кончики пальцев. Сейчас Сфера Судьбы выдаст Адриану, что я стою в двух шагах от него.

– Где сейчас находится Вивиана Арчер?

Дальнейшие события заняли считанные мгновения – так быстро все произошло.

Сфера замерцала. На этот раз на поверхности проступило не одно слово, а несколько. Герцог был близорук, он наклонился ниже, силясь прочитать. Редьярд одновременно с ним протянул руку в направлении шара.

И я, и герцог, и даже Адриан, стоящий неподалеку, увидели, что в сфере отразилось искаженное лицо герцога. В следующий миг оно вырвалось наружу, белесое, туманное, будто призрак, и вытянулось в безмолвном крике. У самого носа герцога щелкнули острые зубы.

Герцог Алдон страшно побледнел, завопил и оттолкнул шар. Тот вырвался из подставки и грохнулся на каменный пол, разлетелся на осколки, которые дождем брызнули во все стороны.

Адриан, вскрикнув, схватился за щеку: ее посекло осколком. Я тяжело дышала, не веря еще, что угроза миновала. Яр оставался невозмутим.

– Как удачно все сложилось, – бесстрастно сообщил джинн.

Герцог пятился к стене, не отводя взгляда от осколков Сферы Судьбы. Остатки волос дыбом встали на голове, губы ходили ходуном. Он пытался выговорить какие-то слова и дергал, вертел перстень на пальце.

– Латифа Дания Заира Стрела Утра... – выдавил он наконец.

– Проклятие! – выругался Яр, впервые потеряв самообладание. – Он знает ее полное настоящее имя!

Рядом с герцогом появилась девушка-джинн. Ее яркая одежда чем-то напоминала мою нынешнюю, темные волосы густыми волнами спадали ниже плеч. Она выглядела ненамного старше меня. Глаза орехового цвета расширились, когда она посмотрела прямо на нас с Яром, рот приоткрылся. Я умоляюще приложила палец к губам, и Латифа, едва заметно кивнув, перевела взгляд на герцога.

– Зачем ты звал меня, хозяин?

Герцог Алдон, стуча зубами, указывал на осколки Сферы.

– Та-ам, та-ам!.. Мое пр-роклятие посмотрело мне в лицо! Ты уверяла, что старуха-гадалка пошутила. И магистры академии говорили то же самое! Но я видел своими глазами! И виконт Дейтон тоже!

Адриан нервно кивнул и в ужасе посмотрел на пальцы, испачканные сочившейся из пореза кровью.

Латифа присела над остатками артефакта, провела над ними рукой.

– Что бы там ни было, оно уже покинуло дом! – сказала она.

Произнося слово «покинуло», девушка быстро посмотрела на Яра. «Уходите!» – говорил ее взгляд.

Я и сама хотела поскорее покинуть имение герцога. Все, что нужно, я узнала: Адриан не успокоился и продолжает поиски, и готов на многое, лишь бы отыскать «пропавшую» невесту. Ведь без наследницы Лунной Розы имение уплывет из рук Дейтонов, станет собственностью его величества Карла II, чему тот будет только рад.

Герцог вынул из кармана халата мятый платок, вытер испарину. Он немного успокоился рядом с Латифой, но на осколки косился с опаской и не спешил двинуться с места.

Яру всего-то и нужно было сосредоточиться на мгновение, чтобы перенести нас подальше, но вмешалась глупая случайность: дверь, чуть щелкнув, приоткрылась от настоящего сквозняка.

Герцог взвился от негромкого звука, затрясся с новой силой, отмахиваясь платком от невидимой угрозы.

– Уничтожь! – герцог запаниковал и начал выкрикивать бессвязные приказы, которые для нас могли оказаться роковыми. – Найди! Поймай! Оно здесь! Я хочу знать, что меня преследует! Кто меня преследует!

По лицу Латифы скользнуло отчаяние. Она подняла руки, не в силах послушаться, связанная властью настоящего имени.

Меня ударил воздушный поток, развернул, отбросил к противоположной стене. Полог невидимости содрали будто бы вместе с кожей. Заклятие Латифы сорвало не только покров, но и мою маскировку – я снова сделалась прежней Вивианой.

На меня уставились две пары ошарашенных глаз – герцога и Адриана.

– Вивиана? – не веря себе, пробормотал мерзавец.

Яр дернулся навстречу, но Латифа, мученически закусив губу, окутала его плотным туманным коконом, мешая двинуться и не давая развоплотиться, и тут же направила в грудь джинна огненные стрелы.

Джинны не имеют права убивать людей или причинять им тяжелые увечья, однако этот закон не распространяется на подобных им магических созданий. Редьярд не отразил удары. Стрелы одна за другой прошили его насквозь, отчего Яр согнулся пополам и тихо застонал.

Джинна нельзя убить, и я не ожидала, что его можно ранить или причинить боль. Мне сделалось страшно – за него, за себя. Я снова почувствовала себя беспомощной.

– Убей, убей! – орал герцог.

– Вивиана! – одновременно с ним кричал Адриан.

Их вопли смешались с визгом стрел, летящих к Яру, но все эти громкие звуки доносились до меня как сквозь вату: я находилась на грани обморока.

– Ви, беги ко мне, – звал Яр.

Он тянул ко мне руку, но, едва он делал шаг навстречу, очередная стрела отбрасывала его назад.

– Сражайся со мной! – крикнула Латифа.

По ее щеке сбежала слеза, и она сердито стерла ее тыльной стороной ладони.

– Я не... – начал Яр и задохнулся оттого, что в грудь вошла новая стрела.

– Сражайся! Ну же!

Редьярд только теперь распрямился, принял твердую стойку, раскрыл ладони. С них сорвались шаровые молнии и полетели в Латифу. Герцог, оказавшийся меж двух огней, взвыл, рухнул на корточки и закрыл голову.

Я прилипла спиной к стене, распласталась по ней, вместо того чтобы идти к Яру, как он велел. Я будто снова перенеслась на несколько дней назад, когда смотрела, как граф Дейтон убивает моего брата, и ничего не сделала, чтобы помешать.

– Яр...

Теперь он отражал удары Латифы, но она умело парировала его атаки: джинны были примерно равны по силе.

– Ви, иди ко мне!

Я понимала, что Яр ничего не может сделать под ударами Латифы, однако впала в ступор. Он снова отвлекся на меня и пропустил заклинание. Зашипел сквозь зубы.

Сердце колотилось о ребра. Яра не убить. Ведь не убить? А у девушки-джинна нет выбора: герцог имеет над ней неограниченную власть. Вот почему Яр так оберегает свое настоящее имя!

Я слышала лишь бешеный стук собственного сердца в ушах и не видела никого, кроме двух джиннов, прекрасных и ужасающих в своей мощи.

Резкий толчок в плечо стал для меня полной неожиданностью. Я упала на четвереньки, ссадив колени и ладони, и еще не успела обернуться, как меня снова толкнули, разворачивая и бросая на спину.

– Я соскучился, Ви, – сказал Адриан.

Он грубо надавил коленом на мой живот, выбил воздух, прижал к полу. Я не могла крикнуть, лишь открывала рот, как рыба, выброшенная на берег. И все же, собрав остатки сил, извернулась, сбросила его с себя. Забрыкалась, как зверь, пойманный в силки. Удары ногами пришлись в плечо подлюки, в грудь, в пах. Адриан обозвал меня грязным словом и залепил пощечину. В ушах зазвенело, на мгновение я оглохла и ослепла. Адриан воспользовался этим и вцепился в браслет.

Резкая боль пронзила запястье. Мне даже показалась, что хрустнула кость. Я закричала от страха.

На лице Адриана застыла тупая сосредоточенность, он тянул и тянул, выкручивал мою руку. А чтобы я не сопротивлялась, снова придавил меня коленом к полу. Браслет плотно сидел на запястье, но потихоньку, по чуть-чуть, сдирая кожу до кровавых ссадин, начал сползать.

– Нет... нет... Яр...

– Твоя ручная зверушка тебе больше не поможет, Ви. Ну-ну, не сопротивляйся, невестушка. Сколько можно за тобой бегать?

Я задыхалась. Меня охватило отчаяние. Но в глубине сознания трепетало странное чувство, что я о чем-то забыла. О чем-то важном.

Правой, свободной, рукой я безуспешно пыталась оттолкнуть Адриана, пока та, ослабев, не упала на измятый, закрутившийся вокруг бедер подол платья. Я почувствовала в кармане твердый продолговатый предмет и едва не вскрикнула. Какая я глупая! Все это время кувшинчик был со мной! Чтобы позвать Хафиза на помощь, достаточно вынуть пробку.

Постанывая от напряжения, стараясь не смотреть на перекошенное от злости лицо Адриана и не отвлекаться на острую боль в подреберье, я сосредоточилась на том, чтобы добраться до кувшинчика. Ткань платья мешала, превратившись в лабиринт из складок. Я чувствовала артефакт через материю: вот он, под пальцами, но одновременно недосыгаем! Я разрыдалась от обиды на такую подлянку от судьбы.

– Ну-ну, Ви, не сопротивляйся... Полежи спокойно... Скоро все закончится... – с издевательским благодушием выдохнул Адриан, склоняясь над моим лицом.

Он будто уже получил меня в свое полное распоряжение, и я лежу перед ним на брачном ложе. Видно, Адриан тоже подумал об этом, потому как криво и победно усмехнулся и, не прекращая попыток завладеть артефактом, нашел мои губы и жадно поцеловал.

Я замычала, завертела головой. Уперлась пятками в пол, стараясь скинуть гада. Это помогло – подол платья скользнул, расправляясь. Мне удалось просунуть два пальца в карман. Гладкая пробка ускользала, но в конце концов у меня получилось ее ухватить. Я дернула изо всех сил и закричала, надеясь, что Хафиз меня слышит.

– Помоги! Я желаю, чтобы ты перенес меня и Яра отсюда!

Пол расступился подо мной, я ухнула вниз. До ушей донесся негодующий вопль Адриана, осознавшего, что я снова сбежала от него.

Падение прекратилось мягко. Я не приложилась спиной о пол, как ожидала, – нет, в какой-то миг я поняла, что лежу на толстом ворсе ковра рядом с очагом в нашей комнатушке.

Рядом на колени приземлился Яр. Взъерошенный – впервые видела его гладкие темные волосы такими растрепанными – но, к счастью, невредимый.

Хафиз стоял тут же, разглядывая нас с тревогой и изумлением.

Я попыталась сесть и неловко завалилась на бок, не сдержав вскрика. Все тело болело. Я свернулась калачиком, баюкая вывихнутую руку, подтянула колени к животу.

– Что?.. – начал было Хафиз, но объяснять ничего не пришлось: мои недавние воспоминания сделались и его воспоминаниями тоже.

Джинн оборвал сам себя и сокрушенно покачал головой, повторяя свое любимое «Ах-вах!» бесчисленное количество раз. Не думала, что Хафиза можно вывести из душевного равновесия, но мой жалкий вид потряс даже его.

Но больше меня тревожило, что думает Яр. Злится из-за моего малодушия? Скорее всего! Мне всего-то и надо было – преодолеть страх и сделать несколько шагов навстречу. Я же повела себя как безголовая курица: прилипла к стене и дожидалась, пока Адриан до меня доберется. И себя подвела, и Редьярда!

Яр помотал головой, приходя в себя, посмотрел на меня, и его лицо исказилось от гнева. Я сжалась под пристальным взглядом.

– Прости... Прости меня... Не сердись...

Сильные руки легли на плечи, мягко поворачивая меня на спину. Я ожидала, что сейчас Яр встряхнет меня хорошенько, чтобы в следующий раз неповадно было так тупить, но он действовал осторожно.

– Ви, что болит? – спросил Редьярд, тихонько ощупывая плечи, руки и ребра.

– Ты не злишься?.. – прошептала я и прикусила губу, чтобы не вскрикнуть, когда Яр коснулся горящего огнем бока.

Яр витиевато выругался, причем на моем языке. Походы по трактирам не прошли бесследно!

– Я в бешенстве, – сказал он. – Жаль, не могу оторвать ублюдку руки и засунуть их ему же в глотку.

Я нервно хихикнула, представив эту картину, и тут же выгнулась дугой, когда Яр повернул браслет, скрывающий синяки и ссадины.

– Перелома ведь нет? – виновато спросила я.

Джинны не могут лечить магией, а значит, из-за моих травм наше дело приостановится на несколько дней, пока я поправляюсь. Как же некстати!

Яр ничего не ответил. Он без предупреждения разорвал на мне блузку и стянул юбку на бедра. Я ахнула, попыталась закрыться руками, но Редьярд удержал их за запястья – бережно, но крепко.

– Хафиз! – позвал он.

Тот опустился рядом на колени, теплыми пальцами ощупал ребра. Я скосила глаза, мельком увидела огромное багровое пятно, расплывающееся на животе, и, сглотнув, отвернулась. Яр погладил меня большим пальцем по запястью правой, не раненой, руки. Эта неожиданная ласка пронзила меня, добралась до самого сердца. В подреберье снова сделалось больно.

– Внутренности целы. Я принесу травы, – сказал Хафиз. – Я не целитель, но в походах готовил снадобья от воспаления и ран. Нагрей воды.

Пламя в очаге вспыхнуло ярче, в котелке, хоть он и был иллюзией, как все в этой комнате, забулькала вода. Пожилой джинн растворился в воздухе, но скоро вернулся, неся корзинку, наполненную бумажными сверками, а вовсе не охапку вырванных с корнем растений, как я себе представляла.

– Ты ограбил лекарскую лавку, – вздохнула я.

– А ты думала, я в лес пойду? – проворчал джинн. – Яр, помогай.

В воздухе разлился приятный аромат, схожий с запахом травяного чая.

– Выпей.

Редьярд поднес к моим губам чашку с горячим напитком, помог приподняться и удерживал голову, пока я делала несколько глотков. Внутри разлилось тепло, бок дергало не так сильно. Я начала погружаться в дрему, ощущая сквозь сон, что на мою раненую руку льют жидкость, отчего тупая боль отступает. Тряпица, пропитанная целебным снадобьем, легла на живот. Щекочущие струйки потекли по коже: я хихикнула, не открывая глаз.

– Надо бы подержать лекарство хотя бы пару часов, – пробормотал Хафиз. – Она скинет примочку...

Сильная рука уверенно прижала компресс к телу. А потом Яр лег рядом, прижался животом к спине, согревая. Моя макушка оказалась у

него под подбородком, внутренняя сторона бедер прижалась к его коленям. Более интимных объятий и представить невозможно. Наши тела будто слились воедино, повторяя изгибы друг друга.

Я распахнула глаза, испугавшись непривычных ощущений. Редьярд почувствовал, как напряглись мои мышцы.

– Ш-ш-ш, зайчишка, спи спокойно. – Шепот защекотал мою щеку.

Яр помолчал и лукаво добавил – я ощутила улыбку в его голосе:

– Буду до восхода солнца дотрагиваться до тебя, как хочу.

Не могу сказать, что мне полегчало после этих слов. Я заерзала.

Яр вздохнул и повторил:

– Спи спокойно.

Я ощутила на своих волосах нечто, похожее на поцелуй. Или Редьярд просто уткнулся носом в мою макушку?

– Я не враг тебе, Ви.

– Не враг... – прошептала я. – И не мой раб. Прости... что заставила... там, у дома герцога. Это было глупо и привело к большим неприятностям. План провалился, герцог видел нас, Адриан знает, что я жива... Что же нам теперь делать?

– Подумаем завтра. Тебе нужно отдохнуть, Ви.

С этим я волей-неволей согласилась и быстро уснула, согревшись в теплых объятиях джинна.

За завтраком царило молчание. Хафиз расстарался, превзойдя самого себя в искусстве кулинарных иллюзий, но никто не притронулся к яствам. Прозрачное желе с ягодами малины и ежевики покрылось капельками влаги, тонкие ломтики хлеба с паштетами, ветчиной и сыром подсыхали нетронутые, мороженое таяло, расплываясь в вазочках молочной пеной. Я пила горьковатое травяное снадобье, облегчающее боль в боку и руке. Жаль, оно не могло избавить меня от душевных страданий.

Хафиз отрывал виноградинки и вяло отправлял их в рот, Яр катал из хлебного мякиша шарики и подбрасывал их на ладони, превращая в светлячков, которые взмывали под потолок и рассаживались там, образуя мерцающие узоры. Мы молчали давно, и светлячков сделалось так много, что узоры стали напоминать созвездия на ночном небе.

Ночном небе чужой южной страны – пусть во время испытания под Аркой Возможностей я увидела яркие звезды лишь мельком, и все же я узнала их. Яр скучал по родным местам. Для него они еще живы в памяти, но войлок, когда-то покрывавший шатры, обратился в пыль, сквозь кости убитых людей проросла трава, золотые украшения переплавили – не осталось ничего, что он знал и любил.

Хафиз, Латифа и джинн, имени которого я пока не знала, раб алмазного венца, – вот и весь его народ. Теперь я понимала, почему Яр первый предложил сделку, едва услышав об узнице перстня. Он хотел защитить тех, кто ему дорог. Вырвать из рабства единственным способом – подарить забвение.

Я никогда не задумывалась о судьбе пленницы герцога. Артефакты до встречи с Яром я воспринимала как опасные игрушки – лучше любоваться издали и не трогать. Отчасти я восхищалась смелостью герцога, который не боялся своего джинна и призывал его каждый день. Гадала, какой же способ он нашел, чтобы спастись от коварства магического помощника и держать в узде, и гордилась, что хотя бы один из нас, людей, сумел обуздать мстительное и злобное существо.

Но когда вчера я увидела глаза Латифы...

Я поскорее сделала глоток отвара, будто травяная горечь могла облегчить мои терзания. Если бы Адриан в тот роковой вечер после убийства моих родителей и брата заполучил меня, сделал своей женой, я бы смотрела на мир такими же отчаянными глазами.

Я приподняла рукав и в который раз за утро принялась разглядывать браслет. Рука под ним опухла и побаливала, но кость цела, а ссадины запеклись корочкой – скоро заживут. И меня интересовали вовсе не раны, а узор, покрывающий поверхность артефакта. Это не просто орнамент: теперь я различала в нем руны древнего языка – такие же были выдавлены на пластинах монисто.

– Как он узнал ее имя? – спросила я.

Молчание, и до того висевшее в воздухе, сделалось гробовым. И все же, мне показалось, Хафиз и Яр ждали этого вопроса: они обменялись быстрыми взглядами. Ответил пожилой джинн:

– Ты правильно догадалась: имя написано на артефакте. Истинное и полное имя дает хозяину неограниченную власть над узником.

Лицо Яра потемнело как грозное облако, он стиснул губы в бессильном гневе. На него страшно было смотреть, поэтому я глядела на Хафиза.

– К счастью, в мире не осталось никого, кто мог бы прочитать имена на нашем языке. Или... почти никого. Видимо, герцог Алдон каким-то образом добыл утраченные знания.

– Он и ваши имена сумеет прочитать, если доберется до кувшина и браслета?

Редьярд скрипнул зубами – что же, вполне исчерпывающий ответ. Тема неприятна обоим джиннам, однако мне нужно разобраться, чтобы не тыкаться, как слепой котенок.

– Обещаю, что никогда не стану спрашивать ваших настоящих имен, – твердо сказала я. – Но расскажите все, что считаете возможным. Почему Яр умеет выворачивать мои желания, как ему угодно, а Латифа не может обманывать герцога?

– Потому что твоя власть надо мной не полная, – ответил Яр вместо Хафиза: он сумел совладать с чувствами и выглядел почти спокойным. – Смотри...

Он провел ладонью вниз от шеи к груди, и тонкие белые шрамы, которые я заметила еще в первую нашу встречу, сделались багровыми,

едва зажившими. Яра полосовали ножом? Никто бы не оправился от таких страшных ран...

– Тебя хотели убить? – прошептала я.

– Нет, хуже – сделать рабом. Каждая рана на моей груди – это заклятие, стреножившее меня.

В зрачках Яра вспыхнуло пламя – свидетельство его ненависти, и джинн на мгновение прикрыл веки, утихомиривая его.

– Ни у кого из ваших магов не хватило бы силы совладать со мной, но они нашли способ заставить меня самого наложить на себя заклятия... – с горечью сказал он.

Он предостерегающе поднял ладонь, предупреждая вопрос, готовый сорваться с моих губ: «Какой способ? Чем они могли тебя принудить?»

– Когда мы поняли, что силы неравны и надежды на победу над иноземными захватчиками почти не осталось, мы, защитники своих племен, договорились, что и в посмертии продолжим мстить врагам. Однако и наши недоброжелатели идиотами не были – они сделали все, чтобы полностью лишить нас власти. И потому каждый артефакт запечатан еще и магией нашего настоящего имени. От моей силы, которую прежде я ощущал полноводной рекой, остался ручеек. Захватчики хотели сделать из нас идеальных слуг, годных лишь на то, чтобы пресмыкаться перед хозяевами.

– Почему просто не убить? – выдохнула я, потрясенная коварством моих далеких предков.

– И потерять таких славных рабов? – мрачно усмехнулся Яр. – К тому же смерть стала бы слишком легким выходом. Не знаю, кому из ваших магов пришла в голову мысль создать для нас вечную тюрьму, но эта извращенная идея оказалась очень удачной. Лишить свободы и заставить служить – разве не достойная расплата за сотни отнятых жизней?

Он снова коснулся шрамов, провел кончиками пальцев по центральному, самому длинному и широкому.

– Первый удар. Я захлебывался собственной кровью, но все-таки сумел произнести то, что от меня желали услышать: «Я по своей воле отказываюсь от смертного тела и становлюсь бессмертной сущностью». Моей крови и моей магии, которой когда-то подчинялись ураганы, хватило, чтобы воплотить желаемое. Я ощутил ее как бурный

поток, подхвативший меня... Она схлынула через миг. Я терял силы. Я становился рабом.

Я схватила себя за горящие щеки. Слушать признания Яра было почти невыносимо.

– Второй удар. Я заклинал себя слушаться хозяина, в чьих руках оказался артефакт... и мечтал умереть, но не мог, потому что уже сделался бессмертным... В то время, как я накладывал на себя заклятия, почтенный мастер Аббас, чьим искусством изготовления украшений восхищались даже недруги, наносил на браслет руны. Он рыдал и старался не смотреть мне в глаза. Однако у него, как и у меня, не было выхода. Каждый удар ножом лишал меня вместе с кровью части силы и все надежнее привязывал к артефакту. Но в заклинания я незаметно вплетал толику собственной воли, оставляя за собой право толковать желания хозяина так, как мне это будет удобно. Ваши маги ничего не поняли.

На лице Яра появилась улыбка настолько жуткая, что я невольно отпрянула.

– В основном они морщились, бледнели и старались не лишиться чувств. Эти мальчишки, которым поручено было удерживать меня на месте, не привыкли к виду крови. Боевая магия убивает быстро и на расстоянии – чистая работа. А тут пришлось замарать руки. Тот, кто орудовал кинжалом, на первый взгляд казался покрепче прочих, но и он сдулся после третьего удара. Занес лезвие и замер. Руки трясутся. Слабак. Я бы довел дело до конца. Я так и хотел сказать: «Бей, стервятник!» Хотел, но наружу из распоротого горла вышел только досадный хрип. А я так надеялся выглядеть несломленным в глазах своих...

Яр прижал костяшки пальцев ко рту – и не договорил.

– Оставался последний штрих. Мастер Аббас готовился нанести на браслет символ бабочки, который навсегда запер бы мою душу в проклятом артефакте. Маг приставил острие кинжала к ребрам над сердцем и спросил, готов ли я. Готов ли? О, еще как. Я мог бы многое поведать ублюдку, рассказать, что достану его и из браслета, стоит лишь ненадолго выпустить меня наружу. Что буду мстить, куда стоит свет... Но смог лишь кивнуть.

Яр замолчал. И так понятно, чем закончился рассказ. Я порывисто вдохнула – получился то ли вдох, то ли всхлип. Я не плакала, но

сердце разрывалось от боли. Оказывается, я давно сидела, вцепившись в браслет, так что руны оставили отпечатки на моей ладони. Я отняла ее и осторожно погладила бабочку по оплавившимся крыльям.

– Хафиз?..

Пожилой джинн понял, о чем я хотела спросить. С печальным смешком он сдвинул воротник, предъявив такие же, как у Яра, побелевшие шрамы.

– Вы сами себя заточили, – потрясенно пробормотала я. – У тебя тоже не было выбора?

– Ну почему же, был, – невесело признался Хафиз. – Смерть или подобие жизни.

Джинн виновато взглянул на Редьярда, который сидел, погрузившись в безрадостные мысли.

– Я не такой сильный, как Яр, увы... Я предпочел жизнь. У каждого из нас были свои причины.

Яр бы точно предпочел смерть. Но тогда почему? Как его заставили? Мой джинн отказывался говорить об этом. Он снова занялся хлебными крошками, на этот раз создавая из них светящихся хрупких мотыльков, которые вились вокруг его головы, образуя хоровод.

Бабочки и светлячки. Играющие котята. Девичьи украшения, которые Яр видел на самом деле и запомнил.

Две испуганные девочки в шатре. Я прижимала их к себе, чувствовала, как вздрагивают плечи. Они были напуганы. Страшно напуганы. Старшая сказала: «Брат нас защитит». Брат?

Яр в это время закрывал шатер от магических пуль. Он справился. Перед моим внутренним взором до сих пор стоит его лицо, когда он открыл полог и сказал: «Я победил. Но поздно». Девочки были только иллюзией, растаявшей, едва Редьярд появился на пороге.

– Твои сестры? – едва слышно спросила я.

Яр вскинул на меня обжигающий взгляд, в котором пылала ненависть, но она тут же утихла, сменившись глубокой грустью. Он повернулся к Хафизу и кивком предложил ему рассказать то, на что у самого Редьярда не хватало душевных сил.

– Сестры, – вздохнул пожилой джинн. – Наш Яр о них сам заботился, после того как родителей убили. Сначала мать, потом отца –

он был предыдущим магом-защитником, на них в первую очередь шла охота. Тогда еще не придумали эти проклятые артефакты... Война-то шла не один год. Амине исполнилось десять, Даре – четыре. Она уже не помнила ни отца, ни мать, их ей заменил старший брат.

Яр, сузив глаза, смотрел в пол и никак не реагировал на рассказ.

– С ним долго не могли управиться, слишком уж силен был наш Яр. К сожалению, и среди моего народа нашлись предатели. Один такой выродок помог врагам. Девочки попали в плен. Им пообещали сохранить жизнь в обмен на жизнь Яра.

Так вот почему он сдался и сделал все, чего от него потребовали захватчики! И до конца старался быть смелым в глазах своих сестер.

– Они остались живы? – с надеждой спросила я.

«Да, да! Пожалуйста, скажи, что все было не напрасно!»

– Их убили у меня на глазах, когда я уже ничем не мог помешать, – ответил Яр, и его лицо исказилось жутчайшей улыбкой. – Враги посчитали, что легко обманут дикаря. И были правы.

Нет, это была не улыбка, а гримаса боли под маской язвительности.

«Жалкие потомки лицемерных лжецов! – загрохотал во мне голос Яра. – Лживое никчемное существо! Лживый род!»

Стыд за предков сдавил горло спазмом. Невыносимо думать, что пришлось пережить Яру.

Когда маленький Патрик во время своих всевозможных шалостей и проказ падал, ссаживал колени и локти, набивал шишки и старался не реветь, я, пигалица, еще толком не умеющая говорить, бежала его обнимать, потому что уже тогда была уверена: любящие объятия снимают боль. И потом, когда мы оба стали старше, знала: слова могут обмануть, объятия – никогда.

Это стало лучшей традицией нашей семьи. Грусть, печаль и обида делались неважными, такими незначительными, когда делились на четверых. Медвежьи объятия папы, ласковые и бережные – мамы, а Патрик, балбесина, каждый раз придумывал что-то необычное. То начинал меня раскачивать из стороны в сторону, будто мы оба превращались в маятник. То, сцапав за талию, кружил в воздухе. То фыркал мне в ухо, будто ежик, и щекотал щеку ресницами. После его объятий, как бы тяжело ни было на душе, я всегда начинала смеяться.

Когда кто-то из родных грустил, руки сами собой тянулись приласкать.

Я едва поняла, что произошло дальше. Прошептала что-то вроде: «Хочу тебя обнять» и обвила плечи Яра, прижалась щекой к его груди, на которой все еще змеились алые ленты шрамов.

Яр дернулся, и я, побоявшись, что делаю ему больно, – кто знает, как работает этот закон: нельзя тронуть хозяина и пальцем, – отстранилась и, поглядев ему в лицо, увидела на нем бесконечное удивление.

– «Хочу» то же самое, что и «желаю», верно? – смущенно спросила я.

И прижалась с новой силой, ощущая ладонями, шеей и щекой горячую кожу. Яр вкусно пах пряностями и горькими травами. Он замер, каждый мускул в его теле застыл. Он будто и не дышал вовсе. Руки повисли вдоль туловища, как плети. Но вот одна медленно-медленно поднялась и легла на мою спину.

– Ви... – хрипло произнес он. – Это не идет в счет сделки... Сейчас утро...

Глупый Яр. Не мог поверить в то, что я обнимаю его без всяких условий, по своей воле. Я чуть отодвинулась и близко-близко увидела его темные с оранжевой каемкой глаза. Расширенные зрачки занимали почти всю радужку: Яр в ответ глядел на меня с неопишимо ошарашенным и потрясенным видом.

– Глупый... – прошептала я. – Это просто объятия. Просто...

Я поцеловала его в щеку, ощутив непривычную гладкость, и вспомнила, что никогда не видела у Яра щетины. А если бы его убили небритым? О боги, что за тупейшие мысли. Меня оправдывало лишь то, что я сама не своя была от смятения.

Краем глаза я заметила, что Хафиз исчез, оставив нас наедине.

Яр на мгновение закусил нижнюю губу, выдав собственную растерянность. И меня почему-то обрадовало его замешательство. Вовсе ты не всемогущий джинн, бессмертная и зловещая сущность. Просто парень! Удивленный и смущенный. Тебе и лет-то на деле немного – чуть старше Патрика.

Я, теряя голову от внезапной близости и оттого, что грозный джинн сам взволнован, поцеловала его в краешек красиво очерченных темных губ.

Яр положил вторую ладонь на мою спину между лопаток, удерживая, а я взобралась к нему на колени. Сердце колотилось где-то в горле, жар наполнял грудь.

Я коснулась его губ и снова отстранилась. Наши взгляды встретились. «Что ты делаешь, Ви? Ты не должна... Ты ничего мне не должна...» – «Это просто дружеская поддержка. Ты мне не враг... Значит – друг?» Яр будто бы угадал мой ответ до последнего слова, изогнул черную бровь: «Друг?»

Я зажмурилась и подалась вперед, на ощупь нашла его губы. О поцелуях у меня было весьма смутное представление. Адриан перепугал меня своим напором, а мне хотелось нежности. Ведь настоящий поцелуй должен быть нежным?

Я провела кончиком языка по изгибу верхней губы моего джинна. Кажется, этот изгиб носит название «лук Аморуза» – мелкого божка, отправляющего стрелы в сердца людей и зажигающего их любовной страстью. Яр застонал, как от боли. Как тогда, когда удары Латифы пронзали его грудь.

– Разве это не ты должен меня целовать? – прошептала я.

– Нет, Ви... – выдохнул он. – Я ни жив, ни мертв... Я лишь тень себя прежнего. Я не должен был тебя трогать. Это была ошибка...

– Замолчи...

Яр ответил на поцелуй, кончик его языка погладил мой. Эта неожиданная – хоть я сама напрашивалась – и осторожная ласка ошпарила меня, будто кипятком. Пробрала до кончиков пальцев. В животе затрепетали бабочки. Я перепугалась нахлынувших на меня столь бурных чувств.

Вскрикнула и отшатнулась.

Упала на ковер и поспешно отползла назад на пятой точке, отталкиваясь ногами.

Яр смотрел на меня с нежностью и печалью, будто ожидал чего-то подобного.

– Яр... – сорвалось с губ. – Яр, Яр...

Словно не было в мире других слов, кроме его имени. Я не знала, что еще сказать.

– Ш-ш-ш, зайчишка, – произнес он. – Все хорошо.

По лицу скользнула тень улыбки.

– Позволь отлучиться? Я скоро вернусь.

– Конечно... – пролепетала я.

Мне самой хотелось вскочить на ноги и бежать-бежать без оглядки, лишь бы остудить горящее в груди пламя.

Яр растворился в воздухе, а я со всхлипом уткнулась лицом в ладони.

Мне нескоро удалось унять трепет в сердце. Как получилось, что дружеские объятия зашли так далеко? Я не собиралась целовать Яра, точно нет!

Голова закружилась, едва только я вспомнила вкус его губ.

«Остановись, Ви! Это путь в никуда! – Как всегда, внутренний голос отрезвил меня. – Тебе надо думать о том, как раздобыть перстень. Время убегает!»

Я с силой растерла щеки, допила остатки травяного снадобья – его горьковатый вкус смягчил пересохшее горло и привел в чувство. Когда вернется Яр, я стану вести себя как обычно, притворюсь, что ничего не было. Думаю, мы оба почувствуем облегчение. Все, что случилось, произошло от переизбытка эмоций, теперь мы успокоимся и станем вести себя разумно!

Хафиз вернулся через полчаса, Яр следом за ним. Мой джинн хотел что-то сказать, но я резко перебила, и пусть я выглядела при этом грубиянкой: нужно поставить точку. Сейчас.

– Прежний план провалился, – выпалила я. – По моей вине! Но он с самого начала был запутанным, слишком многое могло пойти не так.

– Отличный был план, – несогласно проворчал Хафиз. – Все шло как надо. До вчерашнего дня.

И он осуждающе покачал головой: «Ах-вах, хозяйюшка!»

– Мой папа всегда говорил, что не надо усложнять то, что просто! – твердо сказала я, не давая пожилому джинну сбить себя с толку.

– Что ты предлагаешь? – спросил Яр.

Признаюсь, я сама не до конца была уверена в замысле.

– Я приду к герцогу домой. Попрошу спрятать меня от Адриана. Он видел, как жених обращается с мной, и поверит, что я сбежала от него не просто так, – выговорила я на едином дыхании: задумка, такая стройная и логичная, пока существовала лишь в моей голове, облеченная в слова выглядела настоящим бредом, но отступить поздно. – Я не стану рассказывать о преступлении Дейтонов, лишь признаюсь, что не хочу быть женой виконта. Попрошу герцога стать

моим опекуном. До достижения двадцати одного года мне нужен опекун. Посую браслет в обмен на помощь. Мол, отдам позже, когда все разрешится. Я пообещаю все что угодно – ведь это делается неважным, когда я перемещусь во времени.

Речь получалась довольно сумбурной, однако джинны слушали внимательно, не перебивали, видно, понимали, что я хочу сказать.

– Адриан тоже обещал браслет. Но одно дело – журавль в небе, а другое – синица в руках: браслет-то у меня. Вы знаете, как герцог Алдон стремится его заполучить! А тут еще в придачу доход от моего имения! К тому же герцог влиятельная фигура – Адриан не посмеет с ним связываться. И маги-блустители, надеюсь, тоже поостерегутся.

– Ну хорошо, – сдержанно согласился Яр. – Что дальше? Ты попадешь в дом герцога, и что это нам даст?

Он сразу почувствовал самое слабое место моего плана.

– Мы будем за ним наблюдать и обязательно пойдем, как снять перстень! Обманем, обхитрим – придумаем что-нибудь! – Меня вдруг озарило. – Я могу прокрасться в его комнату, пока он спит, и стащить перстень с пальца. У него и подозрений не возникнет, что тихая и послушная Вивиана Арчер представляет угрозу! А еще...

Вот теперь настало время назвать истинную причину, почему я хотела попасть в дом герцога. С того момента, как я увидела глаза Латифы, я знала, что не могу бросить ее там одну.

– Латифа провела бок о бок с герцогом несколько лет, она знает его как облупленного. Вчетвером мы обязательно что-нибудь придумаем!

– Не побоишься оказаться лицом к лицу с этим человеком, Ви? – хмурясь, спросил Яр. – Он кажется трусом, но я и прежде видел таких людей – он опасен.

Он беспокоился за меня – на сердце потеплело.

– Чего мне бояться? – сказала я, хорохорясь. – Ведь вы всегда будете рядом – ты и Хафиз. И Латифа...

***

Герцог Алдан сидел на софе, я на банкетке у камина. Грела руки о чашку с горячим морсом, который мне принесла служанка, и исподтишка разглядывала герцога. Вид у него был еще более затрапезный, чем накануне: тонкие волосы венчиком встали над

головой, на щеке засох яичный желток, оставшийся там с завтрака. Если с самого детства не видишь себя в зеркале, неудивительно, что собственная внешность перестает интересовать.

Хозяин дома в свою очередь рассматривал меня и молчал. От его пристального взгляда по рукам бегали мурашки. Я бы совсем струхнула, но справа и слева от банкетки, будто невидимые стражи, застыли Яр и Хафиз.

Я уже рассказала герцогу свою историю, умолчав и переврав многие факты. Да, напали разбойники. Да, в этот вечер было объявлено о моей помолвке с Адрианом Дейтоном. Но разве родители не должны были заручиться моим согласием в таком серьезном деле? Вы ведь видели, герцог, как Адриан обращается со мной, своей невестой. Я удрала от разбойников, но мой жених ничуть не лучше них. К счастью, мой джинн помог мне скрываться все это время. Но сколько можно скитаться по чужим домам, пора вернуть свой! Я и в прошлый раз приходила за помощью, но, увы, пришлось сделаться невидимой, чтобы не попасть в руки Адриана. Мне жаль, что мы с моим джинном так напугали вас своим появлением, ваша светлость.

Мне совсем не нужно было стараться, чтобы выглядеть взволнованной, – у меня на самом деле тряслись поджилки.

– Станьте моим опекуном, – прошептала я. – Защитите от Адриана. Мне больше не к кому обратиться.

И, подумав, добавила:

– Отец всегда отзывался о вас как о достойном и честном человеке.

Вранье чистой воды! «Чудак и затворник, помешанный на артефактах. Люди его не интересуют», – вот что говорил папа. Однако надо было как-то польстить герцогу и объяснить, почему я выбрала именно его.

– Бедняжка Вивиана, – нарушил молчание герцог. – Я видел тебя однажды. Тогда ты была розовощеким младенцем, теперь же превратилась в настоящую красавицу.

Я смущенно опустила глаза.

– Нелегко тебе пришлось. Совсем одна, если не считать опасного существа – пленника этого браслета.

Так-так, герцог клюнул. Он старался не смотреть на мое запястье, где, почти полностью скрытый рукавом, поблескивал браслет, но совершенно точно думал лишь о нем.

– Он тебе больше не нужен, Ви. Ты ведь знаешь, как коварны джинны. Счастье, что твой не довел тебя до гибели в первые же дни.

О, он очень старался, мой Яр. Еще бы немного, и я болталась бы в петле!

– Отдай его мне, и я сохраню его должным образом как твой опекун и защитник.

– Браслет дорог мне как память об умершем брате. – Голос дрогнул, и на этот раз в нем не было притворства. – Но я, конечно, отдам вам браслет, как только вы станете моим опекуном, дорогой... дядюшка? Позвольте ли вы называть вас так?

Я искоса взглянула на герцога. Он выглядел немного разочарованным: еще бы, девчонка-то не захотела так просто расстаться с артефактом.

– Да-да, моя бедная девочка, называй меня дядюшкой. Очень скоро мы уладим все формальности и я стану твоим официальным

опекуном.

Герцог протянул вперед вялую руку, и я не сразу поняла, что он предлагает припасть к ней почтительным поцелуем. Омерзительно! Но мне необходимо до конца играть свою роль обездоленной сиротки. Я ткнулась сжатыми губами в тыльную сторону ладони – сухая прохладная кожа пахла воском, которым герцог натирает витрины в хранилище.

Когда я вернулась на свое место, меня трясло уже по-настоящему.

– Ви, это просто игра, – тихо сказал Яр, стоящий за моей спиной. – Представь, что мы разыгрываем спектакль. Сделай глубокий вдох. Вот... Молодец, зайчишка.

Хорошо ему говорить! Это не ему в лицо тыкали мумифицированные конечности! Подумала, но тут же устыдилась: Яру приходится куда хуже.

– Благодарю вас, дядюшка, – протолкнула я через непослушные губы.

– Пока готовятся документы, ты останешься в моем доме, Вивиана. Не волнуйся за Адриана, я этого сосунка и на порог не пущу! Но ты ведь не против, если в бумагах будет прописано, что я как твой опекун получу браслет Папилио? Он будет храниться в моей коллекции.

– Не против, – прошептала я, чувствуя себя страшно виноватой перед Яром, хотя и не собиралась на самом деле отдавать герцогу артефакт.

Хорошо хоть он ничего не знает о кувшинчике и Хафизе. Я украдкой посмотрела на оттопыривающийся карман платья.

– Позволишь взглянуть на браслет? – вкрадчиво спросил герцог.

Он уже открыто пялился на поблескивающий из-под манжеты краешек артефакта и едва ли не облизывался, будто кот, учуявший сметану.

– Н-нет... – пробормотала я.

Яр говорил, что герцог может прочитать его подлинное имя, а нам это не нужно. Будущий опекун помрачнел, я постаралась сгладить впечатление:

– Память о брате, понимаете? Это все так тяжело для меня. Но я обязательно покажу, дядюшка. Позже. А пока... не хотите ли познакомиться с моим джинном?

Яр, прости-прости! Я не видела сейчас его лица, но предполагала, что глаза моего джинна потемнели, а губы сжались.

– Он у меня смиренный, – поспешно добавила я, намекая Яру, что сейчас не время для каверз.

– Смиренный, вот как? – Герцог недоверчиво хмыкнул. – В первый раз встречаю смиренного джинна. Чем ты его так растрогала, Вивиана?

Я скромно пожала плечами, потупившись. И неожиданно для себя самой поняла, что мы с Яром прошли долгий и непростой путь. Где тот монстр, который хотел съесть меня с потрохами? Тот, кто издевался надо мной и пугал до смерти. Он больше не враг мне... Это так удивительно!

– Появись... – прошептала я.

Редьярд сбросил покров невидимости, сделал шаг вперед, сложив руки на груди. Он возвышался над герцогом мрачной тенью, приняв свой самый устрашающий вид, так что «дядюшка», занервничав, поднялся на ноги и повернул на пальце перстень.

Рядом с ним тут же воплотилась Латифа. Увидела Яра, меня, Хафиза. Побледнела. Бедняжка решила, что ей снова придется сражаться.

– Привет! – выпалила я. – Жаль, в нашу прошлую встречу произошло недоразумение! Я пришла к герцогу за помощью, и он любезно согласился стать моим опекуном!

Герцог Алдон, выслушав мою тираду, брезгливо изогнул рот.

– Какое же ты еще дитя, Вивиана. Разговариваешь с рабыней, будто с ровней. Глупышка. Неужели ты со своим невольником тоже говоришь по душам?

Он хохотнул, будто выдал нечто очень забавное.

– Тебя еще учить и учить, как я погляжу. Эти сущности... – Герцог шевельнул в воздухе пальцами, точно старался ухватить нечто эфемерное. – Эти сущности – сгустки темной магии, принявшей форму людей. Они лишены души. Управлять ими – особое искусство. Опасное искусство. Вероятно, твой браслет немного поврежден, отсюда и странное поведение твоего слуги. Смиренный, говоришь?

Я кивнула, борясь с отвращением к этому человеку. Латифа на его слова никак не отреагировала, лицо застыло, как каменное. Но я уже понимала, что это маска, защитная броня. Латифа в полной власти

человека, который не считает ее разумной, не верит, что она способна на чувства.

– А прикажи ему что-нибудь? – развеселился герцог.

Он очень оживился, когда появились джинны. Не зря папа говорил, что артефакты его единственная страсть.

– Что приказать? – замялась я.

Яр тоже замер, как истукан. Будто ему все равно. Лица я не видела, но на нем наверняка появилось бесстрастное выражение.

– Люблю разыгрывать представления! – сказала я вслух с нарочитой веселостью.

«Ну же, Яр, как ты говорил? Это просто игра?»

– Я придумал нечто интересное! – Герцог потер руки. – Такого, уверен, никто еще не видел! Прикажи ему поцеловать Латифу.

Кровь отлила от щек, сердце дернулось. Почему так больно? И отказаться нельзя: выдам себя с головой! Я уже жалела, что пришла к герцогу. Но разве я думала, что он не просто чудак, а настоящий безумец?

– Я желаю... чтобы ты... поцеловал Латифу, – выдохнула я.

Яр послушно двинулся к рабыне перстня и ни на миг не притормозил! Не оглянулся! Хотя как он мог оглянуться, не вызвав подозрений... Но все равно! Обнял Латифу за талию, притянул к себе. Она положила руки ему на плечи. Тоже не сопротивлялась! Мне сделалось жарко и душно. Отвернуться бы, не смотреть! А еще лучше – сбежать!

Они целовались всерьез и долго не выпускали друг друга из объятий.

– Достаточно! – пискнула я. – Хватит.

Губы Латифы глянцево блестели, глаза заволокло негой. Мои глаза тоже затуманились – от подступивших слез! А я-то, идиотка, спешила к ней на помощь! Не хотела бросать одну в лапах герцога!

Герцог хихикал, довольный зрелищем.

– Прелестно, прелестно. Наши рабы не дадут нам заскучать. Но это позже, позже! Ты, верно, устала с дороги. Горничная покажет тебе комнату. Располагайся и чувствуй себя как дома! Впрочем, о чем это я: отныне мой дом – твой дом. А твой... – Герцог Алдон широко улыбнулся. – А твой дом – мой дом, дорогая племянница.

– Спасибо, дядюшка, – выдавила я и, поддавшись внезапному порыву, добавила: – Пусть твоя рабыня меня отведет. У горничных и так дел по горло, зачем отвлекать! А Латифа сейчас ничем не занята.

Герцог поразмыслил мгновение и кивнул.

– Конечно. Латифа, слушайся Вивиану во всем. Она твоя главная хозяйка после меня!

Герцог предоставил в мое распоряжение гостевую спальню. Чистая, просторная и совершенно безликая комната, в которой не было ничего моего. Я со вздохом вспомнила свою уютную спальню, лишь недавно превращенную из детской в девичьи покои. Растрепанных кукол, мишек с пуговицами вместо глаз, деревянную лошадку убрали в сундук на чердаке. Я сама попросила родителей, так уж мне не терпелось поскорее влиться во взрослую жизнь, оставив позади беззаботное детство. Что же, влилась так влилась! Увижу ли я снова свою коллекцию браслетов? Хотя после всего случившегося эти побрякушки сделались мне неважны. Я бы хотела вернуть только самый первый браслет, из ракушек, напоминающий мне о Патрике, о море, о счастливом лете...

Не знаю, почему нахлынули эти мысли, пока я стояла на пороге и осматривалась.

Джинны не стали дожидаться, пока я выйду из задумчивости. Яр отправился к камину, щелкнул пальцами над сухими дровами, разжег пламя. Хафиз подошел к окну и принялся любоваться осенним садом, слегка тронутым желто-красными мазками.

Латифа приблизилась к Яру и тронула его за плечо. На ее лице сменяли друг друга осторожная радость и вина. Я чувствовала себя лишней. Да джинны и не обращали на меня ни малейшего внимания.

– Это правда ты? – тихо спросила Латифа. – Что ты здесь делаешь? Как? Я уже не чаяла тебя увидеть когда-нибудь! Прости, что вынуждена была сразиться с тобой...

Они знают друг друга! Конечно, знают! А я еще сомневалась? Правила приличия, втолкованные с детства, требовали, чтобы я ушла и оставила их наедине. Но все во мне противилось этому. Яр мой джинн! Пусть говорит при мне!

Яр провел ладонью по длинным волосам Латифы, а в следующий миг притянул ее к себе и обнял.

– Здравствуй, Лайти. Сколько лет мы не виделись?

– Хочешь сказать – столетий? – фыркнула Латифа, пытаясь пошутить.

Никто не рассмеялся в ответ на остроту. Уголок губ Яра нервно дрогнул, но не от смеха – от боли.

Яр и Латифа разглядывали друг друга. Так смотрят на близкого после долгой разлуки: проверяют, не появились ли новые морщинки, а цвет глаз – тот же, что запомнил, или светлее?

– Ты совсем не изменился, львенок, – улыбнулась Латифа. – Хотелось бы мне повстречать тебя в иных обстоятельствах, но...

Тут пленница перстня впервые осознала, что обстоятельства действительно странные и непостижимые, и они, эти обстоятельства, сейчас застыли у двери, ощущая себя пятым колесом в телеге. Латифа резко повернулась ко мне, нахмурилась. На лице не осталось и тени дружелюбия.

– Так-так, – произнесла она, медленно приближаясь ко мне.

Этим она очень напомнила Яра – та же поступь хищника, подступающего к добыче.

– Кто это у нас здесь? Почему этот котенок еще жив, оказавшись в когтях льва? Неужели ты пожалел ее, а, львенок? Неужели этот пушистый котенок смягчил непримиримое сердце?

Я так привыкла, что джиннам ничего не нужно объяснять, и теперь растерялась. Но Латифа не была моим джинном, ничего не знала о сделке, и у нее не было никаких причин относиться ко мне с теплотой. Для нее я была врагом, завоевателем, рабовладельцем, и хотя Латифа не может напрямую причинить мне вред, беспрекословно слушаться тоже не станет.

– У нас договор, – пролепетала я. – С Яром.

Я умоляюще посмотрела на моего джинна, но он молчал, на лице застыло нечитаемое выражение.

– С Яром? – Брови Латифы красиво изогнулись тонкими дугами. – О, Яр! Хорошее имя. Тебе идет, львенок. Что за договор?

Я сглотнула. Я была совершенно выбита из колеи. Все шло не так, как я представляла. Догадывался ли Яр с самого начала, кто в плену у герцога? Наверное, предполагал, если сразу предложил сделку, лишь бы выручить свою драгоценную Лайти. А теперь еще Яр ведет себя так, будто мы с ним едва терпим друг друга. Такой безразличный, холодный...

– Мы хотим вас спасти, – пробормотала я. – Тебя, Хафиза, джинна, который привязан к алмазному венцу.

– Спасти?.. – ошеломленно переспросила Латифа, забыв на время о язвительности.

– Яр хочет подарить вам забвение, – прошептала я.

– Нет-нет, благодарю покорно, – подал голос молчавший до того Хафиз. – Я решил принять участие в этой авантюре, чтобы немного развеяться: засиделся на месте. Кувшин вернете в академию магии!

Латифа прикусила губу, кивнула.

– Да... Забвение. Лучший выход, если ничего больше нельзя придумать.

– Можно! – сказал Хафиз. – Я уже намекал Яру...

– Заткнись! – рыкнул тот. – Твоих советов никто не спрашивает!

На некоторое время все замолчали.

– Рассказывайте, – вздохнула Латифа и тут же, едва я открыла рот, добавила: – Не ты! Яр, объяснишь, что происходит?

Редьярд коротко пересказал все события, случившиеся с момента, когда я получила в подарок от Пата браслет. Он старался опустить подробности, но даже краткое «Родителей и брата Вивианы убили в день ее восемнадцатилетия» заставило меня дрожать, как в лихорадке. Он поведал и про тюрьму, и про наш договор...

Брови Латифы скользнули вверх, когда она услышала об условии, поставленном Яром, а Редьярд, хоть и пытался говорить бесстрастно, едва заметно побледнел.

– Львенок, на тебя это не похоже, – только и сказала она.

– Очень подло, правда? – встряла я, кипя мстительным гневом.

Почему-то я не вспомнила, как еще только этим утром сама целовала моего джинна. Меня изнутри подтачивало обжигающее пламя ревности. Ревность. Вот как называется то чувство, что болью отдается под ребрами, туманит глаза и перехватывает дыхание.

– Чего он со мной только не делал! – не останавливалась я.

Яр воззрился на меня в немом изумлении, но я ответила ему жгучим взглядом. И пусть только попробует сказать, что это не так: мазал мои ссадины, разминал пальцы, прижимался ко мне во сне настолько крепко, что я чувствовала каждую мышцу его рельефного тела! Пусть Латифа думает о нем плохо!

Латифа передернула плечами, как от холода. Почему-то посмотрела на закрытую дверь, будто бы ожидая, что та вот-вот распахнется, впуская хозяина.

– Это мерзко, Яр. Куда честнее было бы отправить ее на эшафот, – произнесла Латифа, сверкнув глазами.

Теперь она смотрела на Яра с презрением. Меня мучила совесть. Но не сильно.

Редьярд же вперил в меня пристальный взгляд, сжал челюсти так, что кожа на скулах побелела. Могу себе представить, в какой он был ярости.

– Договаривай, – хмуро попросила Латифа.

Но Яр никак не мог справиться с обуревавшими его чувствами.

– Хафиз, твоя очередь, – процедил он.

А сам отошел к камину и встал к нам спиной, уставившись на огонь. Пожилой джинн поведал, как мы хотели использовать одержимость герцога, его страх перед собственным отражением. Как придумали странников с Востока. И как план провалился из-за того, что мы поторопили события – раньше времени явились в дом.

– Сейчас же никакого плана нет, – развел руками Хафиз, неодобрительно поглядывая в мою сторону. – Есть лишь желание держаться поближе к перстню и к тебе. И надежда, что все сложится само собой. Что ты думаешь об этом, Латифа? Ты сможешь нам помочь?

Пленница перстня покачала головой.

– Пока не знаю. Герцог не расстанется с перстнем, охраняет его как зеницу ока. Не думаю, что он бы отдал его даже за избавление от проклятия. Но мы постараемся что-нибудь придумать...

Латифа вздрогнула, не закончив фразу.

– Он зовет меня. Надо идти.

Девушка растворилась в воздухе. Мы остались в комнате втроем в звенящей тишине, нарушаемой лишь потрескиванием дров. Как мне теперь смотреть Яру в глаза?

– Хафиз, оставь нас! – раскатился по комнате голос Редьярда.

Тон не сулил ничего хорошего. Пожилой джинн без лишних разговоров растворился в воздухе, мы остались один на один с Яром. Я расправила плечи и вздернула подбородок, дожидаясь, пока Яр преодолеет расстояние между камином и мной.

– Чего он со мной только не делал? – повторил джинн мои же слова.

Он остановился в опасной близости от меня – в полушаге, так что мне пришлось задрать голову, чтобы смотреть ему в лицо. Я вновь ощущала себя хрупкой соломинкой, цыпленком, вышедшим на битву с соколом. Но и цыплята, когда путь к отступлению отрезан, начинают клеваться.

– Ты поставил это условие, чтобы запугать меня, чтобы ощутить власть надо мной. И не говори, что это не так! – крикнула я. – Если я и обманула твою драгоценную Лайти, то ненамного! Не знаю, почему ты передумал, но сначала ты хотел заставить меня страдать!

Злые слова, но честные. Гнев на лице Яра уступил место раскаянию – выходит, я не промахнулась, обвиняя его в жестокости.

– На тебя это не похоже, львенок, – передразнила я Латифу тоненьким голоском. – Мой смелый львенок. Мой прекрасный львенок! Как я скучала по тебе! Так скучала, что сразу бросилась на шею и языком пересчитала, все ли зубы на месте!

Я выпалила это и с трудом перевела дыхание. Внутри все колотилось. Да что со мной такое? Посмотрел бы на меня Патрик. Оказывается, не так уж я послушна, мила и беззащитна, как он всегда думал. Я отрастила клыки и коготки, готова царапаться и кусаться.

Яр пристально смотрел на меня сверху вниз с высоты своего роста, а я в ответ глядела на него, воинственно сложив руки на груди. Я выставила вперед носок одной ноги, будто бы наступала на джинна.

– Да ты ревнуешь, – тихо сказал он.

– Нет! – рявкнула я.

Мне самой было дико от этого нового, непривычного чувства.

– Я тебя ненавижу! – прошипела я.

И сейчас это было почти правдой. Как же все запуталось. Эмоции, прежде совершенно незнакомые, теснились в груди. Их было так много и таких разных, они рвали мое сердце в клочки. Я хотела, чтобы Яр обнял меня, прижал к себе, как прижимал ночью, и в то же время хотела прогнать его и никогда больше не видеть.

– Зачем ты мучаешь меня? – прошептала я.

Из глаз сами собой полились слезы. Что за наваждение с этим проклятым джинном? Я ощущала себя мотыльком, летящим на пламя свечи. Огонь обязательно подпалит крылышки бедному созданию, ведь он иначе не может – на то он и огонь. Но и мотылек не может улететь прочь: пламя так манит его, так манит... И ни за что не отпустит.

Яр молчал, и это было самое нестерпимое. Я чего только не наговорила, и хотела, чтобы он ответил хоть чем-то. Оправдался или съязвил, но только не отмалчивался с этим бесстрастным, нечитаемым выражением лица.

Я обвила руками его шею и потянулась губами к его губам. Я хозяйка, и, как выяснилось утром, я могу первая дотрагиваться до него. Яр не поддался и осторожно снял мои руки, сжал ладони в горсти.

– Нет, Ви, – твердо сказал он.

Я вырвалась и в негодовании толкнула его в грудь.

– Нет? Нет?! Это из-за Латифы? Да ответь же ты, деревянный чурбан! У деревяшки и то чувств больше, чем у тебя!

На мгновение я пробила его броню. Лицо Яра сделалось печальным. Конечно, не обо мне он жалел, а о своей ненаглядной Лайти, которая так близко и с которой он не может быть вместе.

Мне сделалось очень горько... И я совершила очередную глупость, которой не горжусь.

– Я желаю, чтобы ты вернулся в заточение! – крикнула я.

Яр поднял руку на первых словах, пытаясь меня остановить. Но я и не подумала притормозить.

Вот так. Знай свое место, раб... Слушайся хозяйку... Теперь он никогда, никогда меня не простит! Заливаясь слезами, я бросилась на постель, закуталась в покрывало и долго рыдала, никак не могла утешиться. Столько навалилось! Как это перенести?

Я плакала, потом уснула, утомившись. Разбудила меня Латифа, легонько коснувшись плеча.

– Герцог приглашает тебя отужинать с ним в малой гостиной, – сказала она. – Где Яр?

– В преисподней, – буркнула я, шмыгнув опухшим носом. – В браслете, где ему еще быть!

– Понятно.

Что же, Латифа тоже отлично умеет демонстрировать безразличие. Их, магов-защитников, где-то этому учат, что ли? Или это гордость свободного народа заставляет их прятать чувства под семью замками?

Герцог Алдон ждал меня за накрытым столом. За его спиной стоял лакей в парадной ливрее и белых перчатках, с бутылкой вина. Другой лакей отодвинул стул, помог мне устроиться. Я ожидала, что Латифа сядет с нами, но она заняла место у правого плеча хозяина, опустив руки и склонив голову, ожидая приказаний.

У меня комок встал в горле. Перепелки в соусе призывно пахли, нежная томленая говядина сочилась соком, а овощи выглядели свежими, будто только с грядки, но аппетит пропал.

Впрочем, чему я удивляюсь. Герцог сразу дал понять, что не считает рабыню перстня разумным созданием.

– Угощайся, дорогая Вивиана, – радушно пригласил он, приняв мое замешательство за стеснительность. – Я отвык от общества и надеюсь, что ты меня простишь, если я случайно нарушу этикет. Поужинаем по-семейному, по-простому.

– Конечно, дядюшка...

Лакей незамедлительно наполнил мой бокал вином – хорошо, что рядом стоял стакан с чистой водой. Положил на тарелку всего понемногу, почтительно замер рядом, готовый услужить.

– Где твой смиренный джинн? – хохотнул герцог, выделив слово «смирный».

У меня холодок пробежал по рукам – не хотел ведь он продолжить за ужином веселые «развлечения»?

– В браслете.

– И это правильно. Ни к чему их баловать. Да, Латифа?

– Да.

Герцог не видел, но я заметила, как Латифа вскинула взгляд на хозяина и какой непримиримой ненавистью сверкнули ее глаза.

Неожиданно из воздуха соткался Хафиз, я вздрогнула и вцепилась в бокал, забыв, что пожилого джинна никто, кроме меня и Латифы, не видит.

– Где Яр? – спросил он.

Да вы сговорились, что ли? И так тошно! Я демонстративно потеряла браслет, Хафиз выпучил глаза, потом кивнул.

– Какие новости, дорогой дядюшка? – начала я светскую беседу, надеясь отвлечься от перекрещивающихся на мне пристальных взглядов Латифы и Хафиза. – Что творится в королевстве? Скрываясь, я могла пропустить что-то важное.

– Ты знаешь, я и сам не любитель посещать приемы, – пробормотал герцог, набивая рот едой. – Твоих родных похоронили со всеми почестями, если ты об этом переживаешь. Дейтоны и Фарли как ваши ближайшие соседи и друзья семьи все сделали. Сам король Карл приезжал попрощаться. Провел в имении больше суток. Возможно, прикидывал варианты, как поступить с Лунной Розой, если наследница... то есть ты, дорогая племянница, не найдешься.

Я собиралась пить воду, однако сама не поняла, как осушила бокал с вином. Лакей незамедлительно наполнил его снова.

– Но теперь-то все в порядке. В ближайшее время мы вместе пойдем к королю, я представлю тебя и подпишу бумаги на опеку.

Герцог говорил и жевал, брызги летели во все стороны из незакрывающегося рта, пачкали лацканы и без того замусоленного халата. Хозяин дома не удосужился переодеться к ужину.

– Никто не верил, что мальчишка станет отличным правителем, – продолжал он. – Только тс-с-с, моя девочка, я тебе ничего не говорил. В последнее время малыш Карл умнеет на глазах. Правда, злые языки утверждают, что это скорее заслуга его сенешаля.

Я никогда не интересовалась политикой и про сенешаля слышала краем уха, когда отец и Патрик обсуждали новости. Когда Карл был ребенком, королевством от его лица правил совет пяти родов – представителей самых именитых аристократических фамилий. Когда Карл вырос, совет, что неудивительно, не пожелал распрощаться с властью. Карл в открытое противостояние не вступал, но завел себе персонального советника, назначил его на должность сенешаля. И этот сенешаль вроде как дает дельные наставления. Не знаю, где Карл его нашел. Родители все геральдические книги перерыли в поисках рода Айман, но так ничего и не разыскали. Значит, сенешаль Карла приехал из-за границы. Его за это еще больше невзлюбили: чужак, наглец, задурил мальчишке голову.

– Отрадно слышать, – процедила я сквозь зубы.

Что если именно Айман однажды нашептал Карлу роковые слова? «Отомсти Киллиану Арчеру, не спускай обиду. Он не хотел, чтобы ты

занял трон!»

Я постаралась увести разговор от опасной темы. Какая осень будет в этом году? Много ли урожая ожидают собрать?

Герцог, владелец обширных угодий, оживился. Полчаса он расписывал, сколько дохода ему принесли земли в прошлом году и сколько он надеется получить в этом. Мы закончили с основными блюдами, перешли к десерту. Я отметила, что герцог зажмурился, когда подносил чашку с травяным чаем ко рту, чтобы случайно не встретиться с собственным отражением на поверхности напитка. Поможет ли нам в будущем страх герцога? Теперь я сомневалась.

К завершению трапезы за окном стемнело. Герцог разморенно откинулся на спинку стула, лакеи сдерживали зевок, утомленные долгим стоянием на ногах, и только Латифа не шевелилась, будто была сделана из цельного куска мрамора.

Стоит признать, что Лайти была удивительно красива – высокая, статная, с огромными глазами, с копной волос, с нежным, но в то же время волевым лицом. Полная противоположность мне. Конечно, Яр и не взглянул бы на меня после нее... Я с грустью покосилась на браслет.

Хозяин дома вытер кончики пальцев о полы халата и, лениво потянувшись, схватил Латифу за руку, прижал ее узкую ладонь к жирным губам.

Какая неожиданная нежность к рабыне! Я заерзала, сделалось неловко, точно я наблюдала что-то стыдное.

Латифа никак не отреагировала, но я все же заметила, как на мгновение сбилось ее дыхание, тень пробежала по лицу.

– Не смущайся, дорогая племянница, – хохотнул герцог, радуясь, что ему удалось меня сконфузить. – Ты должна привыкать смотреть на своего раба как на славную вещицу. Латифа Дания Заира – красивая игрушка. Ее предназначение – радость ее хозяина. Да, моя девочка?

Он потрепал Латифу по щеке, будто породистую собаку.

– Да, – сказала она совершенно неживым голосом, взгляд погас.

Латифа завернула свою душу в непроницаемую броню, спрятала от похотливых лап герцога. Но тело она спрятать не могла. Мерзавец не считает это насилием.

У меня от негодования затряслись руки.

– Дорогой дядюшка, – выдохнула я, изо всех сил удерживая на лице милую улыбку. – Отпустите Латифу сегодня со мной. Я хочу, чтобы она показала мне ваш прекрасный дом. А потом она расскажет мне на ночь одну из великолепных волшебных сказок. Говорят, джинны знают их много-много. Мне так одиноко и грустно, дорогой дядюшка!

Я невинно захлопала глазами, надеясь, что игра удалась. Герцог нехотя выпустил руку Латифы, махнул, мол, иди.

– Бедняжка ты моя, – кисло сказал он. – Надеюсь, к завтрашнему дню ты привыкнешь к новому дому.

Герцог, кряхтя, поднялся с места и, пожелав мне доброй ночи, удалился в свои покои. Латифа осталась стоять там, где стояла. Хафиз тоже не произнес ни звука с тех пор, как понял, что Яр в браслете.

– Так ты покажешь мне дом? – нарушила тишину я.

Мой голос выдернул Латифу из глубокой задумчивости, она даже потерла висок. Без улыбки сказала:

– Идем.

Хафиз, бурча что-то под нос, потащился за нами следом.

На самом деле мне было совсем не интересно бродить по пустынным коридорам имения. Богатый дом пришел в легкое запустение – не из-за нехватки средств, а по причине затворничества хозяина. Его мало заботило, отдраены ли полы, всюду ли вытерта пыль, а слуги, чувствуя безразличие герцога, выполняли работу спустя рукава, лишь первый этаж содержался в относительном порядке.

– Здесь располагается библиотека, – сказала Латифа, отворяя тяжелую дубовую дверь в помещение, где в воздухе витал запах кожаных переплетов и сладковатый аромат старой бумаги.

Она добросовестно выполняла поручение – показывала особняк, но за все время нашей прогулки не произнесла лишнего слова: «Здесь располагается оранжерея. Это лестница в подвал, внизу винный погреб. Желаете посмотреть? Это выход на террасу».

В конце концов у меня скулы свело от ее вежливой холодности. Поняла ли Латифа, что я избавила ее от ночи с герцогом? Или посчитала это счастливым стечением обстоятельств? Я не просила благодарности, но эта учтивая отстраненность была невыносима. Латифа должна стать моим союзником, а она видит во мне лишь рабовладелицу. Особенно после того, как я отправила Яра в браслет.

Я решительно зашла в библиотеку, надеясь, что здесь, как и в моем доме, оборудовано место для чтения, и не ошиблась: здесь стояли диван, кресла, низкий стол. Можно поговорить без посторонних ушей. Магические светильники, уловив движение, зажглись сами собой.

– Присядем?

Я опустилась на одно из кресел и тут же поняла, что зря: я почти утонула в нем. Незначительная фигура, пытающаяся изображать хозяйку. Я ожидала увидеть усмешку на лице Латифы, но она была все

так же молчалива и задумчива. Только Хафиз с удовольствием развалился на диване: этот джинн умел получать удовольствие от жизни в любых обстоятельствах.

– О чем ты хочешь поговорить? – прямо спросила Латифа. – Хочешь услышать слова благодарности? Да только сегодняшняя ночь ничего не решит. Таких ночей осталось много позади, и впереди их ждет немало.

Выходит, она догадалась. И, несомненно, права: мое сегодняшнее заступничество не вызовет ее из рабства.

– Ах-вах, – проворчал Хафиз, – Нельзя отчаиваться. Придумаем что-нибудь. Эта птичка на вид невеличка, но упорства и целеустремленности ей не занимать.

– Я хочу сегодня ночью попытаться снять со спящего герцога перстень. – Я решила ковать железо, пока горячо, и оправдать лестные слова пожилого джинна обо мне. – Ты только покажи мне его покои!

– Он очень чутко спит, – покачала головой Латифа. – Не выйдет.

– И все же! Попытка не пытка.

Лайти погрузилась в размышления, Хафиз достал из воздуха трубочку и меланхолично попыхивал ею, выпуская струйки иллюзорного дыма.

– Одна не ходи, – произнесла наконец Латифа. – Пусть Яр будет рядом.

Яр... В грудь будто воткнули раскаленный нож, разом разбередив все душевные раны. Увижу джинна – и снова нахлынут противоречивые чувства. А как ему в глаза смотреть после всего? Я снова обошлась с ним, как с рабом, и ведь не объяснишь, что это он взял мое сердце в плен. Что за наваждение!

Латифа поняла мое замешательство по-своему.

– Я не прошу его простить, – сказала она. – Он обошелся с тобой отвратительно. Поддался ненависти. Это никак его не оправдывает, конечно. Раньше он таким не был...

– А каким он был? – не утерпела я.

Вот зачем я спросила? Какое мне дело до прошлого этих двоих?

Латифа печально улыбнулась.

– Каким? Смешливым, добрым. Я впервые увидела Яра на... В вашем языке нет подходящего слова. Пусть будет собрание. На собрании магов-защитников. У каждого племени их один-два. Мы

встречались раз в год, делились опытом, тренировались вместе. Мы с Яром были еще детьми, приехали со своими отцами. Дар редко передается женщинам, все ждали, что он проснется у моего старшего брата, но магия досталась мне. Отцу ничего не оставалось, как смириться и начать тренировки. Яр выглядел забавным, нескладным. Длинные руки и ноги, тоненькие, как у жеребенка, как у всех мальчишек в этом возрасте. Ему было четырнадцать, мне шестнадцать.

Я невольно присмотрелась к Латифе. Она старше? На самом деле Лайти выглядела моложе Яра, казалось, что ей чуть больше двадцати. Она заметила мое любопытство и вздохнула:

– Меня убили раньше. С тех пор, как я стала узницей перстня, я не постарела и на день.

Вот оно что... Значит, Яр, еще оставаясь живым, мог знать, что Латифу превратили в джинна, слышал про перстень.

– Это было беззаботное время. Война уже началась, но еще не развернулась в полную силу. Мы все верили в успех. Яр проявлял выдающиеся способности, ему сулили великое будущее...

Латифа прикусила губу, погрузившись в воспоминания. Должно быть, перед ее внутренним взором сейчас мелькали картины безоблачной юности, когда они с Яром были полны сил и надежд.

– Мы стали друзьями. С утра до ночи вместе. Встречали в степи рассветы. Пробовали свои силы во всем. Яр как-то заставил зацвести выжженное засухой поле. Так и вижу волнующиеся под ветром зеленые волны травы, усеянные маленькими сиреневыми цветами. Отец отругал его, думая, что Яр выжал магию до капли, а тот рассмеялся, поднял руки к небу и заставил облака пролиться на нас ливнем.

– Такой сильный... – прошептала я.

– Очень!

Меня больно оцарапало это «стали друзьями», но оставалось лишь смириться. У Латифы куда больше прав на Яра: они столько времени знают друг друга.

– Как-то раз его лошадь, Римель, сломала ногу, угодив копытом в яму суслика. Мы не обладаем целительской магией, и лучшим решением стало бы избавить животное от страданий. Заклинание, мгновенная вспышка – Римель ничего бы не почувствовала. Но Яр наотрез отказался. Возился с ней, сам накладывал лубки и в конце

концов вылечил... В последний раз мы виделись, когда ему исполнилось шестнадцать, а мне восемнадцать. Мы росли, но по-прежнему оставались лишь друзьями. Я уже была помолвлена с моим Самиром.

Сказать, что я опешила после этого признания, значит ничего не сказать. По-моему, я забыла, как дышать, поэтому мое придушенное «Что?» больше напоминало хрип, чем нормальную человеческую речь.

– Ты про поцелуй? – усмехнулась Латифа. – Я учила этого дураля целоваться в нашу последнюю встречу. Он переживал, что опростоволосится, когда дело дойдет до настоящих поцелуев. Я к тому моменту, ну знаешь, оказалась более опытна. Было забавно. И тогда, и сейчас. Что же, теперь он мастерством заткнул меня за пояс.

– Ничего себе у вас игры... – выдавила я. – Так вы просто друзья?

– Друзья, – кивнула Лайти, но опустила взгляд: ее что-то мучило. – Однако после того, что ты рассказала... Я не думала, что Яр может опуститься до такой гнусности... Он совсем другой человек, ненависть ослепила его.

Хафиз все время, пока мы беседовали, молчал, лукаво жмурил глаза, будто большой хитрый кот. Но тут заговорил:

– Ах-вах, мерзавец, так терзал нашу девочку!

Латифа вскинула на меня взгляд, полный сочувствия и грусти. Я не выдержала.

– Он ничего плохого мне не сделал, – выпалила я. – Он хотел, да. Наверное, думал, что сможет. А сам... Теперь лишний раз и не коснется, хотя договор есть договор.

Карие глаза Лайти озарились внутренним светом. Могу представить, какой груз свалился с ее души.

Я сидела в своей комнате и разглядывала браслет. Отослала Хафиза и попросила Латифу оставить меня одну. Притушила светильники, оставив лишь ночник, – пусть слуги думают, что я легла спать. В приглушенном мерцании браслет вспыхивал золотистыми искрами. Я очертила пальцем линию крыльев бабочки. Вздохнула. Надо решиться и поговорить с Яром.

Однако я отчаянно трусила. Я повела себя как избалованная графская дочь, закатила скандал. Стыдно! А еще хуже оттого, что, увидев Яра, я снова попаду в ту же самую ловушку из эмоций и сомнений.

Латифа относится к нему как к другу, но ведь это не значит, что и Яр испытывает к ней такие же чувства. Вдруг с его стороны все сложнее?

И ладно бы только это. Мне мучила вина за то, что я вообще переживаю о таких низменных вещах. Артефакты – это сейчас главное!

Латифа показала мне покои герцога – на втором этаже. Здесь же находится и моя спальня, только в левом крыле здания. «Не ходи одна», – сказала Лайти.

– Яр, – сказала я браслету. – Мне так страшно. Я уже, кажется, совсем забыла, как это – жить без страха. Да и воровка из меня никудышная, ты сам знаешь. Но ведь надо что-то делать?

Хафиз расхваливал меня перед Латифой, но я-то понимала, что он преувеличивает мои заслуги. В академию магии я попала благодаря Яру, кувшинчик умыкнула в последний момент, да и то чудом, план Хафиза испортила. Надо было немножко подождать, и герцог сам бы приплыл к нам в руки. Неужели я совсем ни на что не гожусь?

– Я только посмотрю, – сказала я вслух, хотя Яр, находясь в заточении, ничего не слышал и не осознавал.

Все равно снять перстень с руки герцога смогу только я – живая девушка. Никто из джиннов на это не способен. И вряд ли мне чем-то поможет, если Яр будет стоять рядом, грозно сузив глаза. Он на меня наверняка ух как зол!

Не давая себе времени на размышления – начну раздумывать, и остатки решительности улетучатся, – я отправилась на разведку.

Прогуляюсь по коридору, постою рядом с дверью – о чем волноваться? Я могу и не заходить в комнату герцога, пока пригляжусь.

Сумрак коридора чуть разбавляло тусклое сияние редких светильников. Было очень тихо: слуги давно отправились спать.

Дверь в спальню герцога оказалась не заперта, в узкую щель прорывался свет. Хозяин дома не спит? Да нет же – храпит так, что слышно снаружи. Видно, боится темноты. Он всего на свете боится, зато чувствует себя таким молодцом, когда дело касается Латифы. Еще бы, приручил грозного джинна, превратил в игрушку! Трус!

– Дядюшка? – позвала я не слишком тихо и не слишком громко: надо проверить, насколько глубоко он уснул.

Поскреблась в косяк. Если выйдет – придумаю причину, зачем я явилась посреди ночи.

Герцог Алдон всхрапнул чуть громче, скрипнула кровать под грузным телом, но, повернувшись на другой бок, он тут же продолжил выдавать носом рулады.

Я толкнула дверь – она бесшумно отворилась, оставив щель достаточно широкую, чтобы я смогла зайти.

Надо рискнуть. Сама судьба ведет меня.

В спальне висел тяжелый запах мужского парфюма, но и он не мог перебить вони винных паров, источаемых дядюшкой. У постели лежали две пустые бутылки из-под вина. Я не ошиблась в выводах: герцог любитель горячительных напитков, пары бокалов за ужином ему не хватило. Это мне на руку: как бы чутко ни спал хозяин дома, его сейчас и пушкой не разбудишь – вон как храпит.

Герцог лежал поверх покрывала, полы халата распахнулись, представив взору впалую грудь. Рука с перстнем покоилась на груди, будто бы герцог и во сне продолжал прижимать свой самый ценный артефакт к сердцу. Рот приоткрыт, из уголка губ тянется ниточка слюны. Я приблизилась, борясь с отвращением.

Если только получится снять перстень, я ни на мгновение не задержусь в этом доме. Тут же позову Хафиза или, что далеко ходить, Латифу и попрошу перенести нас в безопасное место. Выпущу Яра из

браслета и скажу ему: «Полюбуйся-ка, ты все пропустил! Лайти теперь с нами!»

Яркая картина будущего успеха вскружила голову. Я улыбнулась, представив себе вытянутое лицо Яра: «Как, зайчишка справилась без меня?» Мне так хотелось ему доказать, что я чего-нибудь да стою!

А перстень – вот он, сам просится в руки. Герцог еще и пальцы растопырил, будто бы специально для того, чтобы мне ловчее было стащить артефакт. Может, не такой уж я никчемный взломщик?

Я схватила ободок перстня – он сидел неплотно, чтобы артефакт легко можно было повернуть на пальце. Потянула, и он сдвинулся. Совсем не сложно! И тут герцог перестал храпеть.

Я уставилась на него, он – заплывшими, мутными глазами – на меня. Проснулся! Оставалась доля мгновения, чтобы принять решение. Я схватила герцога за руку и, склонившись, припала жарким поцелуем к тыльной стороне ладони.

– Я пришла, чтобы еще раз поблагодарить вас за доброту! – воскликнула я. – Никак не могла уснуть. Все думала-думала, где бы я сейчас была, если бы не дядюшка! Простите, если разбудила!

Герцог Алдон пожевал губами, приходя в себя. Взгляд сделался осмысленным и заинтересованным. Он сжал в ответ мою ладонь, крепко, словно в тисках.

– Ничего, дорогая племянница. Не спится, значит?

Он лукаво улыбнулся.

– Можешь прилечь рядом со мной, утешу, поглажу. Ты ведь для этого сюда шла?

О боги, этот похотливый, трусливый, помятый жизнью и опухший от вина мужчина действительно считает, что неотразим, и я пришла ночью в спальню, сраженная его обаянием?

А что он еще мог подумать? Хорошо, что не раскусил мои истинные мотивы!

– Я... – пролепетала я. – Нет-нет...

– Не стесняйся. Это естественный порыв здорового молодого тела, здесь нечего смущаться, – протянул герцог.

– Вы ведь мой опекун! – ахнула я.

– Еще нет. Да если бы и так – кто узнает!

– Вы неправильно меня поняли!

– Да? – Он растянул губы в улыбке и, приподнявшись, поволок меня к себе.

Еще немного – и я рухну на его чахлую грудь.

– Появись! – крикнула я, призывая Яра.

В тот же миг волна силы отбросила меня от герцога, да так, что я чуть не полетела кубарем, едва устояла на ногах. Между мной и кроватью встал, сложив руки на груди и расправив плечи, мой джинн.

Встал так, что с первого взгляда стало понятно: его не сдвинуть. Старинные стены, окружающие Лунную Розу и стоящие вот уже сотни лет, и то казались менее прочными по сравнению с упрямым и молчаливым заступничеством Яра.

– Вивиана выразилась ясно. Вы неправильно ее поняли, – сказал он.

Голос звучал спокойно, но в нем, как под тонким слоем черного пепла, тлели раскаленные угли – лучше лишний раз не беспокоить уснувшее пламя.

Герцог Алдон забарахтался, пытаясь сесть выше на примятых подушках. Тронул было перстень, чтобы вызвать Латифу, но передумал. Наигранно захихикал: присутствие джинна заставляло его нервничать.

– Да это ты меня неправильно поняла, моя девочка. Не держи зла на дядюшку.

– Конечно! Это просто недоразумение! – с облегчением воскликнула я.

Еще не хватало настроить герцога против себя. Нет, пока перстень на его руке, я должна изображать покорность и послушание.

– Мы уходим. Спокойной ночи.

Яр обернулся. Впервые после нашей отвратительной ссоры я посмотрела в его глаза. Посмотрела и струхнула еще хуже герцога. Обычно темная радужка раскалилась точно железо в горне, языки пламени вот-вот вырвутся наружу и испепелят меня. Губы так плотно сжаты, что выглядят двумя ниточками.

– Мне идти самому или ты снова отправишь меня отдохнуть в браслет? О хозяйка? – ядовито поинтересовался Яр, а несведущему человеку вполне могло показаться, что он разговаривает почтительно.

Я не стала ничего отвечать: побоялась, что голос сорвется на писк. Повернулась и вышла. Не оборачивалась до самой спальни, прекрасно

зная, что Яр идет следом.

Остановилась в центре комнаты, собрала решительность в кулак, резко повернулась и... отпрыгнула, потому что Яр, этот несносный джинн, стоял за спиной и едва ли не дышал мне в затылок.

Я прижала руку к груди, умиряя сердце, пустившееся в галоп. Яр молчал, снова спрятав все чувства за непроницаемой маской. С таким же выражением лица Латифа стояла у стола во время ужина: «Я выполню любой приказ, но мою душу ты не получишь...»

Неужели Яр думает так же обо мне? Взбалмошная, избалованная девчонка. Графинюшка, что с нее взять, только перетерпеть ее капризы.

Невыносимо...

Я подошла и уткнулась лбом в его плечо.

– Любых извинений будет недостаточно, – прошептала я. – И все же... Прости. Не знаю, что со мной творится. Я не должна чувствовать то, что чувствую, и не знаю, как это вышло.

И правда – как? И в какой момент все изменилось? Я ненавидела джинна – жгуче, до дрожи. Когда ненависть обернулась любовью?

Нет, это не любовь. Я не искушена в подобных чувствах, хотя читала в книгах, что так бывает. Однако бывает с другими – с героинями романтических историй, не со мной. Волны жара внизу живота, огненные искры в крови, голова кругом от его запаха, от вкуса его губ. Наваждение. Страсть. Желание.

Вот и теперь, стоило вдохнуть аромат пряностей, как пересохло во рту. Я поняла, что стою, скомкав в горсти край черного одеяния Яра, чтобы он не посмел отстраниться.

Я заставила себя разжать пальцы, отодвинулась, сердито вытерла глаза.

– Ты меня заколдовал, – спокойно сказала я. – Теперь все ясно. Это магия. Зря я тебя перед Латифой оправдывала – ты все так и задумал. Мучить меня. Очень изощренно, что сказать. Гордишься собой?

– Так ты прощения просишь или обвиняешь меня? – тихо спросил он. – Ты уж определись.

И вдруг мой джинн притянул меня за плечи, обнял, наклонился и прижался щекой к макушке. В каждом его движении сквозила нежность, отчего я оторопела больше, чем если бы он отругал меня.

– Грозный зайчишка... Нет, ты не зайчишка – страшна в гневе, – с улыбкой в голосе продолжил он, пока я, замерев в его объятиях, судорожно размышляла, на каком свете нахожусь: может, померла ненароком и это предсмертный бред? – Котенок с острыми коготками.

Яр осторожно погладил меня по волосам, растрепавшимся после ночного приключения, и с усилием оторвался от меня. Без его рук сразу сделалось зябко. Я обхватила себя за плечи и вскинула растерянный взгляд.

– Яр... – прошептала я. – Я ничего не понимаю.

– Идем, – сказал он.

И, взяв за запястье, повел в сторону кровати. Я перепугалась до дрожи в ногах, но все же пошла. Яр сел и притянул меня к себе, поставил между колен, взял обе ладони в свои.

– Хочу смотреть в твои глаза, Ви.

Теперь мы действительно оказались почти лицом к лицу, я даже могла чуть-чуть поглядывать на него свысока.

– И все? – выдохнула я.

– И поговорить.

– Говори...

– Я тебя не околдовывал, Ви, и не хотел, чтобы ты страдала... – Яр оборвал себя, тряхнул головой. – Нет, сначала хотел. А потом... Попал в ту же самую ловушку, которую приготовил тебе. Если тебе станет от этого легче... Я чувствую то же самое, Ви.

Меня всю колотило.

– Желание? – прошептала я.

Яр поднял мою ладонь и положил ее себе на щеку. Мой джинн пристально разглядывал меня и будто ласкал взглядом. Какая горячая у него кожа. Какие длинные темные ресницы. А губы так и хочется поцеловать.

Я тихонько вытащила вторую руку из его пальцев, но, не дав Яру опомниться, запустила пятерню в его гладкие черные волосы, перебирая пряди.

– Так что же тогда... – произнесла тихо-тихо. – Вот она я...

По лицу Яра скользнула тень. Он зажмурился, отгородился от меня.

– Нет, Ви. Нет. Я ведь уже говорил. Я лишь тень себя прежнего. Я ни жив ни мертв. Я не стану тем, кто испортит тебе жизнь. Ты вернешь

себе семью и будущее, а я получу забвение.

Забвение! Вот ведь упрямый! Далось ему это забвение!

– Ладно, – сказала я преувеличенно бодро, пусть сердце ныло от боли. – Но хотя бы один первый и последний поцелуй я могу у тебя попросить? Пожелать?

– Приказать? – Яр иронично выгнул бровь.

– Да, если будешь упрямитесь, – улыбнулась я, мол, шучу-шучу, и наклонилась к самым его губам. – Я прошу. Только прошу. Поцелуй меня.

Яр глухо застонал. Его разрывало на части той же неодолимой силой, которая влекла меня. Мы оба не могли больше бороться.

Он погрузил пальцы в мои волосы, бережно и в то же время страстно привлек меня к себе. Мы потеряли равновесие. Яр откинулся на постель, я упала на него сверху, охватила ногами его узкие бедра – бесстыдно и жарко. Мои волосы укрыли нас, как полог шатра, а наши губы, встретившись, повели разговор на одном им понятном языке. Оказывается, ему не нужно учиться – тело знает само. Какой же вкусный поцелуй. Как он сладок, как прян, как хочется пить его бесконечно.

Я припала к Яру, мы будто срослись, слились воедино. Но хотелось стать еще ближе, чтобы никакой преграды не оставалось между нами.

– Убери одежду... – выдохнула я, с трудом оторвавшись от его губ.

Яр ничего не ответил, перевернул меня на спину, оказавшись сверху. Пылкие и неистовые поцелуи становились все более бережными, пока не превратились в легкие, почти невесомые касания губ, сбегавшие на щеки, лоб и виски. Я застонала от разочарования.

– Нет... Яр... Нет...

Но он, тяжело дыша, перекатился на бок, переплел свои пальцы с моими. Мы лежали, глядя друг на друга, растеряв слова и мысли.

За завтраком помятый хозяин дома, хмурый с похмелья, и словом не обмолвился о ночном происшествии. Я мысленно молила всех богов: пусть герцог подумает, будто мой визит привиделся ему в пьяном угаре!

– Можно Латифа побудет сегодня со мной? – осторожно спросила я, когда герцог, взбодрившись после горячего чая, смотрел по сторонам не так мрачно.

– Да-да, – отмахнулся он. – Понимаю, что девушке твоего возраста нужна горничная и компаньонка в одном лице. Зачем тогда еще магические слуги, если нельзя ими пользоваться.

Он усмехнулся.

– Я-то в обществе Латифы нуждаюсь не так часто.

В моих смелых мечтах я тут же запустила в этого самодовольного индюка сахарницей. В реальности же лишь почтительно кивнула. Ничего, недолго тебе осталось издеваться над пленницей!

Нашим штабом стала библиотека. Герцог, занятый своими делами, не следил за мной. Все утро, по словам Латифы, он проведет в хранилище, где будет перебирать и перекладывать артефакты с места на место. Я сразу вспомнила про бессмертного колдуна из детской сказки, что чах над золотом. Так же и герцог Алдон не мог долго прожить без своих сокровищ.

– После обеда он выпьет бутылку вина, – сказала Латифа. – После ужина перед сном еще две. В хорошие дни...

Я не стала спрашивать у нее, что происходит в плохие.

Мы вчетвером расселись вокруг стола в библиотеке, и я рассказала о неудачной вылазке в спальню хозяина дома, умолчав, правда, о подробностях.

– Он проснулся, хотя казалось, что спит крепко. Пришлось изворачиваться. Я наплела ему с три короба о том ...

– Поверил? – удивилась Латифа.

Мы быстро переглянулись с Яром. Надеюсь, никто не заметил, что мои щеки сделались пунцовыми.

– Ага.

– Сама мысль – украсть перстень, пока герцог спит, – неплохая, – задумчиво произнес Яр. – Зря ты поторопилась, Ви. Но и сейчас еще не поздно. Будущий опекун ни в чем тебя не подозревает, – ты сама пришла к нему в дом, пообещала браслет за помощь, так зачем бы тебе красть перстень.

Ага, не подозревает... Я мысленно вздохнула. Подозревает. Да только в другом!.. Мужчины!

– Он чутко спит, – напомнила Латифа. – Даже после нескольких бутылок вина.

– Есть другие средства, – сказал Яр.

Но Лайти и теперь покачала головой.

– Сильнодействующее снотворное вроде макового молочка? Даже если нам удастся его достать, герцог защитил себя от воздействия любых ядов. В его коллекции есть артефакт – Чистая Слеза. Выглядит как прозрачный кристалл. Каждые пять дней он опускает его в стакан с водой, выпивает снадобье, и все – организм переработает любую отраву. Он потому еще и не сгорел от пьянства, хоть три бутылки выпьет, хоть пять – на утро здоровехонек.

– Печально... – протянула я. – У него артефакты на все случаи жизни!

– Мы не будем забирать перстень, – хитро прищурился Хафиз, молчавший все это время.

– Что? – хором воскликнули мы, донельзя удивленные таким поворотом.

Латифа часто заморгала: она изумилась сильнее всех. Яр, не глядя, нашел руку Лайти и пожал, успокаивая. «Они друзья, они друзья, – мысленно напомнила я себе. – Только друзья!»

– Пока не будем! – продолжил пожилой джинн. – Представьте, что начнется, когда герцог лишится своего драгоценного артефакта, а вместе с ним и «племянницы», которую, как змею, пригрел на груди. Вивиану и так разыскивают, а теперь утроят усилия.

– Но что же нам делать? – воскликнула я.

– Подождать! Помните, что герцог вчера сказал за ужином?

Он чего только не наговорил! О том, что король посетил Лунную Розу, о его сенешале. О будущих доходах с земель. Я пожалала плечами.

– «В ближайшее время мы вместе пойдем к королю, я представлю тебя и подпишу бумаги на опекунство», – в точности повторил Хафиз

слова герцога.

Он времени зря не терял – слушал и запоминал.

– К королю! – воскликнула я, озаренная догадкой. – Нам туда и надо!

– Конечно, хозяйюшка! Догадалась, вот и молодец. Гораздо безопаснее появиться во дворце под защитой герцога, готового принять тебя под свое крыло. А там и до перстня доберемся, и до алмазного венца.

Мы все вчетвером, приободрившись, придвинулись друг к другу, сблизили головы.

– С Чистой Слезой я разберусь, – улыбнулся пожилой джинн. – Ничего сложного. Заменю обычной стекляшкой – герцог не заметит подделки. А к тому моменту, как мы отправимся на прием к Карлу, действие снадобья закончится. Когда нам будет нужно, дядюшка выпьет чайку из полезных и вкусных трав.

– Чайку? – удивилась я.

– Чайку, – довольно покивал Хафиз. – Тоньше надо действовать, чтобы и комар носа не подточил. А какие травки раздобыть – я вам скажу. Список длинный, но и времени еще достаточно.

Я так воспрянула духом, что едва не подпрыгивала на кресле. Яр же без лишних слов положил перед джинном лист бумаги и перо:

– Пиши!

Большинство ингредиентов из длинного списка, составленного Хафизом, я знала: валериана, цветы липы, чабрец, боярышник. Кто же их не знает? Но попадались и незнакомые названия вроде сонноцвета или миролистника. Судя по хитрому прищурю джинна, именно они и окажут главное действие.

– Сон герцога будет крепок и сладок, – пообещал Хафиз. – Не только перстень можно будет снять – палец отрезать. Ничего не почувствует! Но и самый одаренный целитель не заподозрит, что его отравили. Осторожность прежде всего. Вот только в поисках сонноцвета придется заглянуть не в одну лавку...

– Сегодня же займусь, – сказал Яр.

– Возьми меня с собой! – воскликнула я.

Яр покачал головой.

– Да я ведь не по улицам собираюсь ходить, Ви. Одна нога здесь – другая там.

– Время есть. – Я просительно взглянула на моего джинна. – Можно и прогуляться! Не хочу оставаться один на один с герцогом, с тобой я в безопасности. Ты придумаешь, как меня замаскировать так, чтобы никто не узнал.

Латифа посмотрела на меня с легкой улыбкой.

– Львенок, прогуляйтесь. Я уже придумала для Ви образ – родная мама бы не узнала. Доверишься мне, Вивиана?

– Шрамы через все лицо? – с опаской спросила я. – Жуткие язвы?

Лайти задорно рассмеялась.

– Лучше!

Из черного входа усадьбы, которым пользуются только слуги, вышла симпатичная горничная, явно собираясь отправиться за покупками, – не зря она захватила с собой корзину. Поверх форменного платья теплая накидка оранжевого цвета, которая очень идет к ее буйным рыжим кудряшкам. Стоило снять ленту с волос, и они упругими пружинами разлетелись во все стороны. Лицо усыпано частыми веснушками, крупными, будто крупинки. Глаза зеленые и яркие.

Прохожие, встретившие девушку на своем пути, запомнят только эти веснушки да кудряшки, и, может быть, еще броскую накидку. Никому и в голову не придет искать сходство между рыжей служанкой и пропавшей графиней Арчер.

Яр, который снова принял излюбленный образ наемника, шел рядом. Со стороны мы казались обычной парочкой: парень в свой выходной выбрался к возлюбленной, служащей в богатом доме. Та отпросилась у старшей горничной, чтобы сходить в лавку, а заодно повидаться с ухажером.

Следует признать, Латифа придумала отличную маскировку.

Через несколько десятков метров я взяла Яра под руку и передала ему пустую пока корзинку. Мысленно хихикнула, представив, как мы смотримся со стороны. Суровый наемник с каменным лицом, в одной руке корзина, чья ручка кокетливо перевязана розовой лентой, к другой руке пристроилась рыжая девчонка. К чести Яра стоит сказать, что он безропотно стерпел оба финта, лишь уголок губ дрогнул в усмешке:

– Удобно?

– Ага.

– Отлично. Значит, ищем ближайшую лекарскую лавку.

В первой же встреченной нами лавке, где продавали травы, зелья, снадобья и притирания, мы заполнили корзину бумажными фунтиками с необходимыми ингредиентами. Не хватало только сонноцвета. Аптекарь в ответ на расспросы задумчиво покачал головой.

– Точно я вам не скажу, где стоит искать. Растение редкое, собирают его в начале весны, когда зацветает, вот к осени запасы и подошли к концу. Я бы на вашем месте поспрашивал на окраинах города. Средство недешевое, мало у кого есть возможность купить.

Мы решили отправиться в район, где еще совсем недавно играли роль странников с Востока. Яр знал там все ходы-выходы и нужных людей. Да и торговый тракт неподалеку – половина товаров оседала в ближайших лавках.

Я уговорила Яра прогуляться пешком: хоть путь и неблизкий, погода стояла ясная, солнечная, жаль упускать хороший день.

– А назад ты нас перенесешь!

– Джинн – очень удобное средство передвижения, – с серьезным видом покивал Яр, и мы оба, не выдержав, улыбнулись.

Мы неторопливо шагали по улочкам, залитым светом, и я невольно вспомнила свои ощущения, когда меня вышвырнули за ворота тюрьмы. Я жалась к стенам домов, стремясь стать незаметной. Я была испугана и ужасно одинока, несмотря на то что джинн находился неподалеку. Как же я его ненавидела! И боялась! Но вот прошло совсем немного времени, и я держу его под руку и радуюсь, что он рядом со мной.

– Ты бы понравился Патрику, – сказала я. – Если бы вы познакомились, могли бы стать друзьями.

– Сомневаюсь. Наследник графского рода и... Таких, как я, принято называть варвар, дикарь. Простолюдин – самое мягкое. Ничего не забыл?

Вот Яр! Специально напоминает мне, что мы никак не можем быть парой. Не в этой жизни... Я не дала испортить себе настроение.

– Ты плохо знаешь Патрика, он совсем не такой! Он никогда не судил о человеке по его статусу, по внешней оболочке. – Я помолчала и добавила: – И я тоже.

Из распахнутых настежь дверей кофейни долетел умопомрачительный аромат горячей сдобы. Я невольно принялась: к тому времени мы шли больше часа, и после завтрака, во время которого у меня кусок в горло не лез, я успела проголодаться.

– Зайдем? – предложил Яр.

– А как же сонноцвет?

– Полчаса ничего не решит.

Мы расположились за столиком у окна, выходящего на улицу. Вдоль дороги прогуливались нарядно одетые горожане – не торопились, ведь сегодня выходной. Радовались теплоте денечку.

Яр поставил передо мной блюдо с крошечными пирожными – маленькими, на один укус. Каких только не было: корзиночки, эклеры, тарталетки.

– Я лопну! – запротестовала я.

– Я помогу.

Мой джинн отправил в рот сразу два. Я с возмущенным воплем придвинула к себе тарелку.

– Стой! Как буду лопаться – я тебе скажу!

Яр рассмеялся.

– Я шучу. Я обойдусь.

Он откинулся на спинку стула и, жмурясь от света, с интересом начал разглядывать улицу, противоположный дом, где на балконе цвели бальзамины, мальчишку лет пяти, который тащил за собой железный пруттик, будто специально вознамерившись произвести как можно больше шума.

А я смотрела на Яра. С каждым днем в нем все больше просыпалось желание жить. У человека, который хочет лишь забвения, не может быть той жажды в глазах, с какой он изучает новый для него мир.

Что он раньше видел, когда его вызывали из браслета? Краешек жизни. Как сад за окном моей спальни в день моего рождения. Он радовался даже золотистой соломинке, найденной на полу вонючей тюремной камеры.

Вот только рабство для него хуже смерти. Он выбирает забвение.

А я... Даже думать не хочу об исполнении этой части договора! И не стану, пока мы не соберем все артефакты.

– Яр, – тихо окликнула я его. – Расскажи толком, как джинну исполнить собственное желание? Из объяснений Хафиза я не все поняла.

Куда подевалась моя смелость? Ночью я не смущалась страстных поцелуев, а сейчас не знала, куда деть взгляд. Принялась выстраивать пирожные по краю тарелки, лишь бы не смотреть на Яра.

Яр оторвался от созерцания улицы и подался вперед.

– Ты о том подслушанном разговоре? Будто бы невинность юной девушки может подарить джинну исполнение его желания? – спросил он, не щадя мою скромность. – Никто не знает, так ли это на самом деле: пока ни у кого не было возможности проверить.

– Но Хафиз сказал...

Яр потянулся взять меня за руку, вспомнил, что не может сделать этого при свете дня, и примостил ладонь рядом с моими беспокойными пальцами, перепачканными в креме. Я сама подсунула их под его теплую ладонь. Джинн погладил меня, будто котенка по шерстке, и я замерла, разомлев от ласки.

– Хафиз мечтает покинуть кувшин и снова сделаться живым человеком. Вряд ли это возможно, он выдает желаемое за действительное, я никогда в это не верил. Такие легенды рождаются сами собой, чтобы не так страшно было умирать. Эта появилась, когда захватчики придумали способ превращать нас в рабов. Я тогда был еще свободен... Ну что же ты не ешь пирожные, Ви? – прервался он. – И чай остывает.

Я торопливо надкусила эклер и кивнула Яру, мол, продолжай.

– Говорят, самый первый из нас, великий Ваис Данияр, умирая, потратил часть магии, чтобы оставить остальным надежду. Но Хафиз запомнил или никогда не знал о самом важном условии. Юная девушка должна любить джинна. Любить по-настоящему, самоотверженно, сильно, тогда это чувство разобьет любые оковы. А потерянная невинность – всего лишь маленькая добровольная жертва. Кровь всегда обладала магическими свойствами.

Я как раз делала глоток чая и подавилась на этих словах, закашлялась. Я была сконфужена донельзя, но Яра смутить было совсем не просто.

– Что такое, котенок? Тебя пугает кровь? – Он наклонился ниже, к самому моему виску, защекотал теплым дыханием. – Вот видишь. Ты не готова.

– Готова, – прошептала я.

Яр грустно улыбнулся и потянул за рыжую пружинку локона.

– Я не возьму. Я говорил, но повторю еще раз.

– Ты ведь можешь стать свободным! Ты, Хафиз, Латифа. Только пожелай!

– Нет, Ви. Если даже это правда и Ваис Данияр на самом деле сумел оставить нам выход... Ты меня не любишь, Вивиана.

– Я...

«Люблю!» – хотела сказать я и не смогла. Я страстно желала Яра, но любила ли?..

– Вот видишь, – повторил Яр.

В его темных глазах, в самой глубине, мелькнула и растворилась печаль. Он быстро справился с собой, стащил еще одно пирожное и отодвинулся, размял плечи. Подлил мне из медного чайника горячего напитка.

– Выпей горячего, Ви. Ты вся дрожишь.

***

На западной окраине развернулась осенняя ярмарка. Крики зазывал у шатров бродячих артистов тонули в многоголосом хоре толпы, пришедшей поглазеть на иноземные диковинки, послушать рассказы купцов о дальних странах, поторговаться с лавочниками.

– Я никогда не бывала на ярмарке, – призналась я. – Родители запрещали, считали, что детям там делать нечего. Патрик их, конечно, не слушал и, когда мы осенью приезжали в столицу, сбегал посмотреть на артистов. Приносил мне яблоки в карамели... Что если мы зайдем в лекарскую лавку, а на обратном пути заглянем сюда?

Тут же сделалось совестно.

– Хотя нет. Какая ярмарка! О чем я только думаю...

– Заглянем, – сказал Яр. – Почему нет? Все равно по дороге.

Удача наконец повернулась к нам лицом, и в ближайшей аптекарской лавке обнаружился небольшой запас сонноцвета. Яр расплатился камешками, подобранными по дороге.

– Мы воры, – вздохнула я, когда мы вышли за порог. – Это ужасно... Сейчас особенно стыдно, ведь хозяин, бедолага, из сил выбивается, чтобы держать дело на плаву. Ты видел, как он обрадовался, когда мы купили дорогое средство?

Зачем я это говорю Яру? Он только счастлив насолить потомкам лжецов.

– Не переживай, Ви, – ответил джинн. – Мы заплатили не только камнями: я зачаровал лавку, в ближайший месяц от посетителей отбоя не будет.

– Правда? – обрадовалась я.

– Нет, конечно. Коварная ложь. Джинн я или кто? – сварливо проворчал Яр – сам, видно, удивлялся, как это его угораздило проявить заботу о лавочнике.

Выполнив главное поручение, мы влились в толкучку осенней ярмарки. Чего здесь только не было! На деревянных столах – россыпи фруктов и овощей, слегка помятых, но зато и отдавали их за гроши. Прилавки с недорогими украшениями, платками и поясами. Торговали и пряниками, и медом, и мукой, и зерном. Шапками и шальями. В дальнем конце, у спуска к тракту, устроен был закуток, где мычали коровы, блеяли овцы и мекали козы. В воздухе висел острый запах жареного мяса, картошки и жженного сахара – разогнать ароматы не под силу даже ветру. Всюду шныряли вездесущие мальчишки, предлагая купить у них за монетку яблоко и грушу – или же просто так дать медяшку, если не жалко. У крытых шатров плясали акробаты в обтягивающих ярких трико – как им только не холодно! Факиры выпускали изо рта огонь в опасной близости от людского моря, но никто не двигался с места. Зеваки восхищенно ахали, несмотря на то что у самых смелых слегка подпалились усы и брови.

– О, Яр, ты так тоже можешь! – Я вспомнила огненную иллюзию в музее академии. – И даже лучше!

– Предлагаешь подзаработать? – хмыкнул Яр.

– А ведь можно было бы! Нет... Я не к тому, сейчас нет нужды. Но если бы ты стал свободным!..

– Вивиана! – рявкнул мой джинн, да так, что на нас стали оборачиваться.

– Ой, смотри, кажется, здесь скоро будет кулачный бой! – сказала я как ни в чем не бывало: ну не спорить же с этим упрямым снова и снова.

Отец еще и потому не хотел отпускать меня на ярмарочные гуляния, а на побегу Патрика смотрел сквозь пальцы – из-за традиции кулачных боев. Это зрелище не для юных дев!

Парни и мужчины, посетители ярмарки, разделялись на две команды, раздевались до пояса и шли врукопашную – размяться,

показать удаль и силу. Некоторые приходили сюда специально, чтобы почесать кулаки, а после боя выпить пива с недавними соперниками.

Распорядители боев вбивали в землю колышки и привязывали веревки, чтобы отгородить часть площадки. Стражники отгоняли любопытных ребятишек. Парни, дожидаясь веселья, расстегивали кафтаны и стягивали рубашки.

Я устремилась туда, где собирались зрители. В этот раз я обязательно полюбуюсь кулачным боем, никто меня не отговорит. Но Яр и не собирался отговаривать, встал рядом и заинтересованно спросил:

– Зачем они будут драться?

Я пожала плечами.

– Силу девать некуда. Ну и спустить пар.

– Спустить пар... – медленно повторил джинн. – Хм. Можно не сдерживаться?

– Магию применять нельзя! – испугалась я.

Яр принялся расстегивать куртку. Лицо его загорелось предвкушением. Похожее выражение я видела на лице Патрика, когда он задумывал очередную проделку.

– И убивать никого тоже нельзя! – добавила я на всякий случай. – Только драться.

– Отлично. Я понял. Без магии, без убийств.

Почему мне так не понравился восторг в его голосе? Яр пытался его скрыть, но получалось плохо.

Яр отдал мне куртку, стянул через голову рубашку. Я впервые увидела Яра обнаженным по пояс. В одежде он мог показаться худощавым, но сейчас особенно хорошо было заметно, как прекрасно он сложен. Поджарый, мускулистый, даже тонкие полоски шрамов на бронзово-смуглой коже нисколько не портили красивое тело.

Я сглотнула, на миг позабыв слова, но тут же снова забеспокоилась:

– Серьезно, никакой магии! За битвой обязательно наблюдает кто-то из боевых магов.

Я вытянула шею и попыталась разглядеть в многоликой пестрой толпе яркое пятно красной косынки, но людей вокруг было слишком много.

– При малейшем подозрении сплетает поисковое заклинание, и нарушителя с позором удаляют. Бывало, таких обманщиков забрасывали яйцами и помидорами.

Я представила, как в грудь моего гордого и своенравного джинна ударяется яйцо, и поежилась. Нет, я не столько за Яра переживала, сколько за горемыку, который на такое отважится.

– Ви, я и в первый раз все прекрасно понял.

Ни разу не видела на лице Яра такой широкой улыбки. Мужчины!

Между тем участники начали разделяться на команды.

– Эй, парень, иди к нам! – звали Яра сразу с нескольких сторон, безошибочно разглядев опытного и бывалого бойца.

– Правила очень простые, – торопливо заговорила я, потому что джинн уже готов был сорваться с места. – Две команды идут с противоположных концов площадки стенка на стенку. Какая команда первая доберется до противоположного края и коснется натянутой веревки – та и победила. Даже если кто-то один прорвется и добежит – это считается. Так что смотри, будет свалка!

Я пыталась образумить Яра, но все мои предупреждения только больше его раззадоривали. Никогда мне не понять мужчин. И ладно бы победителя ждал достойный приз, так нет же: почешут кулаки и

самоуверенность и разойдутся, унося как знаки особой доблести расквашенные носы и разбитые брови.

Площадку со всех сторон обступили зеваки, но Яр грудью проложил дорогу, поставил меня у ограждения.

– Жди здесь и никуда не уходи.

– Удачи, Яр! – запоздало крикнула я ему в спину.

И зачем волнуюсь? Джинну не грозят сломанный нос и выбитые зубы.

Распорядитель боев прохаживался в центре площадки, у линии, прочерченной прямо на земле. Ждал, когда участники займут место с той или другой стороны. Мужчины подбадривали друг друга криками, били по плечам, подначивали соперников и красовались перед девушками.

– Эй, рыжуня! – крикнул незнакомый светловолосый парнишка: я не сразу поняла, что он обращается ко мне. – Если стану победителем, подарить поцелуй?

Яр в тот момент обсуждавший что-то со здоровенным детиной, покрытым уродливыми шрамами, встрепенулся и пронзил смельчака взглядом.

– Без зубов неудобно целоваться будет! – рявкнул он.

Вокруг одобрительно засвистели, дружественно огрели Яра по спине. Блондинчик ступешевался и отступил в задние ряды. Я покраснела от смущения и радости. Получается, Яр приревновал?

– Сходите! – закричал распорядитель.

Впереди строя шли Яр и тот громила злодейской наружности. Рядом с ними плечом к плечу – самые высокие и сильные игроки. Шли неторопливо, присматривались, выбирали, кому первому в физиономию прилетит кулак. Зрители замерли, затаив дыхание. Я давно хотела посмотреть на ярмарочный бой, но тут струхнула и то зажмуривалась, то снова заставляла себя открыть глаза.

Ряды сближались. Вот их разделяет десяток шагов. Пять... Три...

– А-а-а! – заорали зрители в едином порыве, когда первые удары обрушились на головы.

Закричала и я. Кричала и подпрыгивала на месте, сжав кулаки у груди.

– Яр! Яр! Давай! Бей! Покажи им! – воинственно восклицала я, чем заслужила одобрительный взгляд однорукого старика,

примостившегося под боком.

Яр подтвердил свое сходство с опасным хищником, он сейчас особенно напоминал гибкого, сильного, жилистого зверя. Я все думала, кого же, и поняла – кого-то из семейства кошачьих. Гепарда? Пантеру? Кого-то из них. Не зря Латифа прозвала его львом.

Он наносил точные удары по чужим носам и челюстям. Я жмурилась и ойкала. Зрелище одновременно отталкивало и манило. Ух, мощь! Сам Яр долгое время успешно отклонялся от летящих ему в лицо кулаков и постепенно продвигался вперед. Команде соперников это не понравилось. Два здоровяка переглянулись и одновременно поперли на Яра.

– Яр! Берегись!

Он вырубил первого, но удар второго достиг цели. Из рассеченной брови Яра хлынула кровь, а он будто и не заметил, досадливо отер лицо ладонью, стряхнул алые капли.

Почему он ранен? Он ведь джинн! Сердце тревожно забилося.

– Яр... – прошептала я.

Старикан толкнул меня обрубком руки.

– Что скисла, девица? Ничего с твоим милком не случится!

В это время верзила, напарник Яра, отлетел назад. Буквально отлетел, будто невидимая сила подняла его в воздух и протащила пару метров, прежде чем обрушиться на землю, приложив несчастного лопатками так, что тот потерял сознание.

– Магия! – заорали со всех сторон. – Колдовство!

Бой остановился. Толпа расступилась перед боевым магом, все это время наблюдавшим за игрой. Теперь и я смогла как следует рассмотреть мужчину в красной косынке.

– Мастер Эрмин! – воскликнула я вслух, не сдержавшись.

Он стоял с противоположной стороны площадки и, конечно, не узнал бы в рыжей девице свою ученицу. Главное, не глазеть на сурового мага и сделать безразличное лицо.

Яр его тоже заметил, качнул головой: «Все хорошо, стой спокойно». Будто я без него не знала.

– Так-так! – Голос мастера Эрмина прогремел над ярмарочными рядами и без всякого усиливающего заклинания. – Кто у нас тут нарушает? Амулеты использует! Сейчас мы на тебя полюбуемся, голубчик!

Он щелкнул пальцами. Как будто чуть слышно, а в ушах зазвенело. Надо мной словно натянулась и лопнула со звоном тонкая пленка.

Вот неприятность: мастер Эрмин, сам того не желая, сорвал мою маскировку – вместо рыжих локонов по плечам рассыпались светлые пряди.

– Ой...

К счастью, взгляды зевак были обращены на бойцов: одного из участников окутала зеленая дымка, выдавая нарушителя с головой. На меня никто не смотрел.

Кроме мастера Эрмина.

Тот-то пялился прямо на меня своими серыми, холодными, будто стальные шарики, глазами.

– Ты! – произнесли его губы.

Узнал! Наверняка меня все маги академии без устали разыскивают! А кувшинчик с Хафизом со мной, в кармане.

Хафиз! Да что я за тугодум такой! Надо срочно позвать джинна!

Рука скользнула в карман, я дернула пробку, но та сидела как влитая, не поддавалась. Мастер Эрмин с усмешкой наблюдал, как я вожусь с кувшинчиком. Конечно, это он, больше некому, наложил запирающее заклятие!

Ни в коем случае нельзя, чтобы у меня отобрали кувшинчик. Иначе все усилия пойдут прахом!

– Ви, беги! – рявкнул Яр.

Странно, что заклинания не запеленали меня в обездвиживающий кокон. Нет, руки и ноги действовали. И тогда я поняла: магия мастера Эрмина скрестилась с магией Яра – ни одна не могла взять верх.

Пока я свободна, а значит, должна бежать. Бежать со всех ног! Затеряться среди лавок, прилавков, балаганов! Отсидеться! Яр меня найдет.

Я подалась назад, но за спиной живой стеной стояли люди – не пройти. Яр уже выбирался из толпы участников навстречу мне, но и мастер Эрмин, снеся могучим торсом ограждение, не утруждаясь тем, чтобы перешагнуть его, бежал через площадку. Он расталкивал бойцов, точно сорвавшийся с привязи дикий бык. И сплетал заклинания одно за другим, я ощущала их по наэлектризованному воздуху – даже волоски на теле встали дыбом.

Я штопором ввинтилась в толпу, прикрыв голову руками, – и правильно, на меня со всех сторон посыпались тычки. Кто-то дернул за волосы, выдрал клочок. Я упала на четвереньки, но не прекратила движение. Какое-то время я, очевидно, была похожа на причудливого зверька, бегущего на четырех лапах. Спасибо, никто не додумался дать пинка – на том бы бегство и закончилось, а я распласталась бы в грязи уже на пузе.

Я пробилась сквозь живую стену и, подхватив длинную юбку, со всех ног бросилась наутек.

Ноги несли меня в сторону торговых рядов. Я не оглядывалась, чтобы не терять драгоценные мгновения, и могла только надеяться, что мне удалось оторваться от преследователя.

Какое катастрофическое невезение! Любой другой боевой маг едва ли узнал бы меня, но нам встретился мастер Эрмин.

Я бежала между прилавков с овощами, и неожиданно оказалась в тупике: торговый ряд заканчивался лавкой, перегородившей дорогу. У стола, заваленного рыбьими тушками, толпились покупатели. Я заозиралась, хватая ртом воздух. Делать нечего: назад нельзя, только вперед! Я нырнула под прилавок и, не обращая внимания на удивленные возгласы, поползла по земле, прямо по раскисшим рыбьим потрохам и плавникам, которые кололи ладони.

Выскочила с другой стороны, обогнула лавку и прижалась к хлипкой стене, наскоро сколоченной из досок. В закоулок, куда я выбралась, выходили задние глухие части ярмарочных строений. Валялись кучи мусора. Безлюдно, пусто. Даже гул толпы долетал приглушенно. Останусь здесь, отдышусь, дождусь Яра.

Я подергала пробку кувшинчика, но она по-прежнему сидела плотно.

Зашаталась и захрустела стена. Кто-то невероятно сильный подвинул деревянный навес, освобождая проход. В образовавшийся проем протиснулся мастер Эрмин. Он даже не запыхался от быстрого бега. Неудивительно, если он каждый день гоняет студентов по своему изуверскому полигону!

Я двинулась вдоль стены, цепляясь платьем за шершавое дерево. Бежать поздно. Мастер Эрмин неторопливо приближался. Его лицо при первой встрече казалось суровым. Но что я, оказывается, знала о суровости этого боевого мага! Он смотрел так, будто готовился сожрать меня живьем и вместе с потрохами.

Мастер Эрмин протянул руку.

– Давай! – И указал подбородком на оттопыривающийся карман. – Ну же. Иначе заберу сам. Мерзавка.

Я всхлипнула и покачала головой.

– Нет. Не отдам. Вам придется свернуть мне шею, чтобы забрать артефакт!

Мне удалось удивить эту гору мускулов: мастер Эрмин даже приостановился, но ненадолго. Яр, где же ты?!

И, словно услышав мой немой призыв, в проход, образовавшийся между стоявшими впритык лавками, ворвался Яр.

Мастер Эрмин ударил ладонью по воздуху, посылая в джинна поток силы, который, вероятно, должен был отбросить его назад, а то и свалить с ног. Но Яр пошевелил пальцами и поглотил летящую в него магию.

Маги встали друг напротив друга, набычившись, оценивая силы. Лицо Яра было залито кровью из рассеченной брови.

Новое заклинание – и джинн снова без труда нейтрализовал его.

– Ну же, бей! – рявкнул мастер Эрмин. – Покажи, на что способен!

Яр сжал губы в тонкую полоску. Он, джинн, не мог причинять тяжелые увечья магией и нападать на людей, мог только защищаться. Патовая ситуация!

Редьярд сузил глаза, прикидывая, как половчее броситься на мастера Эрмина. Боевой маг превосходил его размахом плеч и размером кулаков, но и Яр доказал, что дерется отлично.

Мастер Эрмин раскрыл объятия, довольно ухмыляясь.

– Значит, так? Без магии? Давненько я не разминал косточки!

Они сцепились, замелькали кулаки. Дрались молча. До моего слуха долетало лишь тяжелое дыхание и резкие выдохи, когда удар достигал цели.

Я пропустила миг, когда оба очутились на земле. Они катались, пытаясь скрутить противника. То один, то другой оказывался сверху.

Я огляделась, выискивая что-нибудь тяжелое – доску или камень, чтобы огреть мастера Эрмина по голове! Хватит быть безвольным зайчишкой, Ви!

Я увидела увесистый булыжник и уже потянулась к нему, когда могучая рука обхватила меня за талию, вздымая в воздух, а другая стиснула горло. Пока не сильно, но достаточно одного движения, чтобы шея хрустнула, как у цыпленка.

Яр, перепачканный в грязи и крови, с растрепанными волосами, поднял обе ладони, показывая мирные намерения.

– Не трогай ее!

– Значит, так, – прогрохотал голос боевого мага. – Сейчас ты, паршивка, отдаешь мне артефакт, а потом я веду тебя к ректору. Пусть решает, что с тобой делать дальше.

Мастер Эрмин убрал ладонь от моего горла, выставил перед собой, предлагая передать ему кувшин. По моим щекам катились слезы. Отчаяние накрывало с головой.

– Нет... – прошептала я. – Нет, пожалуйста...

В глазах Яра я увидела отражение собственного бессилия и расплакалась еще горше.

– Да что происходит! – рявкнул мастер Эрмин.

Я уловила в его голосе нотки растерянности. Он – вояка и отличный исполнитель приказов, но вовсе не негодяй. Мои слезы его озадачили.

– Кто я, по-вашему? – прошептала я.

Мастер Эрмин заглянул сбоку, присмотрелся к лицу.

– Негодяйка и мошенница, которая обманом проникла в академию, чтобы украсть ценный артефакт!

Я облизнула губы. Стоит ли довериться этому человеку? Но какие у меня варианты?

– Посмотрите внимательнее. Меня ищут, и не только маги. Мальчишки-вестники трубят обо мне на каждом перекрестке!

Мастер Эрмин издал невнятный звук, хватка на талии ослабла, и я наконец смогла встать на ноги.

– Папа, мама, Патрик... – повторил он мои же слова, которые я снова и снова шептала, проходя полосу препятствий. – Ты пропавшая наследница рода Арчер!

– Да!

Я закивала и, пользуясь временным замешательством мага, повернулась, чтобы поймать его взгляд.

– Я графиня Вивиана Арчер! И кувшинчик с джинном мне нужен, чтобы спасти мою семью! Мастер Эрмин, умоляю, выслушайте! От вашего решения зависит несколько человеческих жизней!

Мастер Эрмин выпустил меня из захвата, но взял за предплечье, чтобы не вздумала бежать.

– Хорошо. Выслушаю. – Он кивнул на Яра. – А это твой телохранитель? Маг?

– Джинн... – вздохнула я. – Это мой джинн. Вы его знаете, но только как Питера.

Яр криво усмехнулся и на миг вернул себе облик светловолосого студента.

– Проклятие! – ошалело выдал мастер Эрмин. – Джинн! Никогда не имел с ними дела.

Мы выбрались из закоулка, пошли рядом, будто добрые знакомые. На самом деле мастер Эрмин, хоть и не держал меня больше за руку, бдительно следил, чтобы я не сбежала. Да я и не собиралась: все равно поймают, но тогда я потеряю шанс объясниться.

Яр привел нас в приличный вид: с платья исчезли следы грязи, а к нему вернулась рубаша и стеганка. Удобно управлять иллюзиями. А вот корзину с настоящими ингредиентами было жаль: она осталась лежать рядом с площадкой для кулачного боя, наверняка бумажные кулечки или растащили, или растоптали.

– Я без труда достану новые, – шепнул Яр, когда я спохватилась о пропаже.

Мы сели под навесом, вокруг бочки, заменявшей стол в забегаловке, построенной на время ярмарки. Боевой маг попросил принести воды, скоро перед нами появился запотевший прохладный кувшин. Пока я жадно пила, мастер Эрмин терпеливо ждал.

– Я слушаю, – сурово сказал он, когда я наконец отодвинула чашку.

– Это случилось в день моего рождения... – медленно начала я.

Как же тяжело! Как больно берeditь незажившие раны!

– Патрик подарил мне браслет, – сказала я, и слезы снова хлынули из глаз. – Браслет с джинном.

Я задрала рукав и продемонстрировала золотой артефакт. Постепенно, слово за слово, пересказала события дня и подошла к трагическому финалу. Мастер Эрмин хмурился, не перебивал, но когда я сделала паузу, собираясь с силами, спросил:

– Как разбойники попали в ваш дом? Почему ты прячешься от своего жениха? Ты что-то недоговариваешь.

Я прикусила губу. Мастер Эрмин кажется порядочным человеком, но как рассказать ему о заговоре ближайших соседей и самого короля против рода Арчер? Не склонит ли это чашу весов не в нашу сторону?

– Позвольте мне не отвечать на эти вопросы. Но я клятвенно заверяю вас, что, как только я соберу артефакты и перемещусь назад во времени, чтобы спасти свою семью, кувшинчик вернется в академию

магии, будто и не исчезал. Никто не будет знать о том, что случилось, потому что этого никогда не произойдет. Мне просто нужно немного времени! Два месяца. Вы всегда сможете меня найти в доме герцога Алдона, я спряталась у него. Видите, я ничего не скрываю и не обманываю!

Мастер Эрмин испытующе посмотрел на меня. Не знаю, могут ли маги распознать ложь, но в конце концов он кивнул.

– Хорошо. Два месяца. Однако, чтобы ты никуда от меня не скрылась, я дам тебе свое кольцо и всегда буду знать, где ты находишься. Носи его не снимая. Если снимешь – это станет для меня сигналом, чтобы я пришел за артефактом.

Мастер Эрмин стащил с мизинца тонкое колечко из светлого металла и протянул мне. Оно и на большой палец оказалось велико, придется следить, чтобы не свалилось раньше времени.

– Спасибо вам... – прошептала я.

Маг качнул головой, будто сам себе удивлялся.

– Не знаю, зачем я это делаю. Если бы не видел, как ты проходишь полосу препятствий, не поверил бы ни одному слову, но ты, похоже, действительно убеждена, что сможешь их спасти.

Он смерил недоверчивым взглядом Яра.

– Точно уверена, что этот тип не водит тебя за нос? Я сам дел с джиннами не имел, но не раз слышал об их коварстве.

– Я в нем не сомневаюсь, – тихо сказала я.

– Ну-ну... Только учти, воробей, если кто-то из наших, из Красных Косынок, найдет тебя снова, я ничем не смогу помочь. Будь осторожна.

С этими словами мастер Эрмин поднялся на ноги и, не прощаясь, растворился в толпе.

Только теперь я смогла выдохнуть. Выпила еще воды: от пережитого потрясения меня колотило.

– Протяни руку, – попросил Яр. – Уменьшу кольцо.

Руки ходили ходуном, хорошо, что это не помешало моему джинну сделать колечко мастера Эрмина на пару размеров меньше. Я любовалась на сосредоточенное лицо Яра. Кровь больше не текла, и бровь теперь перечеркивала заживающая полоска шрама.

– Мне жаль, что ты так и не добрался до противоположного края площадки. Ты бы точно победил! Но почему тебя ранили? Разве

джиннов можно ранить?

Яр непроизвольно потрогал рассеченную бровь.

– Ерунда. Это побочный эффект пребывания вне браслета: чем дольше я на свободе, тем больше, если можно так сказать, очеловечиваюсь. Но это временно.

Я ахнула и потянулась к шраму, кончиками пальцев осторожно погладила по щеке.

– Так тебе больно! Но ведь убить тебя нельзя, нет?

– Нет, Ви. – Он улыбнулся краешками губ в ответ на мою тревогу. – Даже смертельные раны затянутся. Я разве что буду ненадолго выбит из строя... Вернемся, Ви? Лучше не оставаться на ярмарке. Мастер Эрмин может быть здесь не единственным боевым магом.

Потянулись дни. За вторым – третий, а там и четвертый. Похожие один на другой, тревожные и бессмысленные дни.

Герцог Алдон уверил меня, что давно записался на прием к королю, указав причиной аудиенции «личное дело». Назови он мое имя – имя пропавшей и счастливо найденной графини Арчер, – нас вызвали бы во дворец в тот же день и час, но, когда я поделилась соображениями с Яром и Хафизом, оба сказали, что лучше не торопиться.

– На нашей стороне будет эффект неожиданности и растерянный Карл, который не успеет подготовиться к такому повороту судьбы, – рассуждал пожилой джинн.

– И от растерянности прикажет меня добить, – проворчала я.

От одной мысли о будущем визите к Карлу у меня крутило живот.

– Нет, Вивиана. Король сам себя связал общественным мнением – все в столице, до последнего горожанина, знают о несчастной юной наследнице. Вести о твоём чудесном спасении разнесутся очень скоро. Тем более что теперь ты под опекой герцога. Если мы заявимся неожиданно, Карл и Дейтонам не успеет сообщить. Разве они нужны нам на аудиенции?

– Точно нет!

– К тому же, хоть я и подменил кристалл-артефакт, необходимо время, чтобы действие Чистой Слезы на организм закончилось.

Джинны правы: лучше не торопить события, но как же тяжело ждать!

Одно радовало: Яр снова собрал травы для сонного зелья, Хафиз сварил его ночью на кухне, пока слуги спали. Утром я подслушала разговор кухарки с горничной. Бедная женщина была уверена, что в дом являлись неупокоенные души злодеев, мол, в преисподней вечный холод, а они пришли погреться у очага.

Теперь во втором кармане я все время носила плоский стеклянный флакон с темно-коричневой жидкостью. Скорее бы наступил тот час, когда я смогу использовать ее по назначению.

Общество герцога я с трудом выносила. Заносчивый, высокомерный, напыщенный индюк, уверенный в своем уме и привлекательности! Но каждый день, едва заканчивался ужин и герцог просил принести ему еще одну бутылку вина, я, мило улыбаясь, звала «дядюшку» посидеть со мной в гостиной у камина. Я делала это ради Латифы. Я пообещала себе: пока мы не освободим Лайти, жирные пальцы моего «драгоценного» опекуна ее больше не коснутся.

Герцог пил вино – бокал за бокалом. Хмелел, снова трезвел и без усталости молот языком, рассказывая, как добывал экспонаты для коллекции. Как подкупал, как обманывал, как ловко обвел вокруг пальца несчастную вдову, отдавшую сокровище за бесценок, и о прочих своих подвигах. Я кивала, поддакивала и улыбалась. Улыбка на моем лице больше напоминала оскал, но герцог был близорук.

– Твоему браслету будет уютно в моей коллекции, – благодушно вещал герцог, откупоривая очередную бутылку вина. – Я подготовил для него отдельную витрину.

– Какая прелесть, дядюшка, – автоматически согласилась я.

Обычно я выбирала один из вариантов ответа, чтобы не слишком вслушиваться в пьяное бормотание: «Какая прелесть!», «О, это замечательно!» и «Как интересно!»

– Ты так хорошо меня понимаешь, моя девочка! – растрогался хозяин дома. – Ни разу еще я не встречал такого неподдельного интереса к моей страсти. Вот что значит – коллекционер коллекционера всегда поймет! Ты просто обязана показать мне все свои браслеты и рассказать о каждом.

– О, это заме...

Нет, эта фразочка не подходит, Ви, взбодрись!

– Когда мое имение вернется ко мне, я обязательно вам все покажу и расскажу!

Выглядеть в моих глазах значимой персоной герцогу нравилось даже больше, чем уводить Латифу в свою спальню. Бедный «дядюшка» был уверен, что я искренне им восхищаюсь.

К счастью, кроме кислых вечеров в гостиной, были еще дни в компании Лайти, Яра и Хафиза.

Латифа никогда не спрашивала, зачем я мучаю себя общением с гадким «дядюшкой»: она, хоть и не говорила прямо, догадалась, что я в меру своих слабых возможностей пытаюсь выручить ее. И

расплачивалась чем могла – историями о далекой восточной стране, о свободном и гордом народе, о высоких травах, волнующихся под ветром, будто зеленое море, о быстроногих скакунах. Лайти оказалась отличной рассказчицей.

Я будто бы прожила еще одну жизнь – от момента, когда у маленькой Лайти открылся магический дар и по этому поводу в семье устроили праздник, до часа, когда острый кинжал навсегда остановил ее вольнолюбивое сердце. Я и плакала, и смеялась. И все же в этих историях было больше светлого, чем грустного, даже Яр несколько раз улыбался. А то они на пару начинали вспоминать дни юности.

– Помнишь, львенок, как я учила тебя боевым заклятиям? Ты был такой сильный маг, но совершенный неумеха!

– Кто неумеха? Я? – искренне возмутился Яр. – Да я всегда был умеха!

– Ха! А ну давай, кто быстрее сложит изначальные символы!

Заклинания Яра и Латифы, так же как заклинания наших магов, сплетались из основных жестов. Неопытные маги всегда колдовали руками. Я вспомнила, как мы с Патриком носились друг за другом по лестницам нашего имения, выкручивая пальцы и выкрикивая на все лады: «Замри! Замолкни!»

Предложение Латифы вызвало у Яра снисходительный взгляд умудренного опытом боевого мага.

– Проиграешь, – усмехнулся он.

– Я? Спорим!

Они вытянули вперед кулаки.

– На счет три!

Замелькали пальцы – только и успевай смотреть. Лично я с трудом могла уследить, но Лайти рассмеялась и развела руками:

– Ладно, ты победил, умеха!

– Лайти, научи меня! – попросила я.

Сама не поняла, зачем мне это нужно: магии у меня нет и не предвидится, знания окажутся бесполезны, а потом догадалась:

– Патрику бы это понравилось...

Латифу не пришлось просить дважды: ей нравилось учить, а мне – учиться. Мы весело проводили время за бессмысленными занятиями, в конце концов и Яр не выдержал – присоединился.

– Тяни палец! – в два голоса напоминали они. – Да не безымянный – средний! К запястью! Так-так! Соединяй мизинец и большой!

– У меня сейчас кости треснут! – огрызалась я.

– Тяжело в ученье – легко в бою! – подбадривала меня Лайти.

Самый сладкий и волнительный час суток наступал ночью, когда я отправлялась в спальню. Условие договора не отменить, а значит, Яр, желая того или не желая, обязан меня коснуться. Больше никаких поцелуев, но мы переплетали пальцы, и джинн сидел у моей постели, ожидая, пока я усну. Однажды, почти погрузившись в дрему, я услышала тихую колыбельную на незнакомом, но понятном мне языке.

Пел ли Яр ее специально для меня или вспомнил о погибших сестрах и грустил?

*Спи, спи... В голубой степи,
Под звездами светлыми печали нет.
Спи, спи... В объятьях мягкой ночи
Ясной луны льется чистый свет.
Спи, спи... Ветер шумит,
Конь мой ржет, в дорогу зовет.
Спи, спи... Как придет рассвет,
Снова в дорогу путь поведет.*

Нельзя, чтобы твой долгий путь привел тебя к забвению, мой прекрасный джинн. Я этого не допущу!

...Так прошли пять дней, а утром шестого дня посыльный принес распоряжение из дворца. Карл ожидал герцога Алдона.

– Сегодня? – воскликнула я, когда герцог, развернув конверт, сообщил мне новость.

Я так ждала этой минуты, а теперь была страшно напугана.

– Я... не готова... – прошептала, запинаясь.

Герцог же выглядел довольным.

– О чем переживать? Скоро ты сможешь вернуться к спокойной, нормальной жизни. А может, будущее принесет еще один приятный сюрприз.

Герцог Алдон подмигнул мне, вероятно, думая подбодрить, но только еще сильнее разволновал. Приятных сюрпризов я не ждала, будет отлично, если обойдется вовсе без неожиданностей.

Впервые за несколько дней хозяин дома сменил засаленный халат на рубашку, сюртук и брюки, зачесал редкие волосы и приказал лакею начисто выбрить его.

– Тебе лучше облачиться в скромное платье темных цветов, закрыть руки и шею, – дал он мне совет. – Пусть все видят, что юная девушка осталась совсем одна в этом мире и скорбит по семье.

Мне вовсе не нужно было надевать траурный наряд, чтобы помнить о своих любимых родителях и брате: я о них и на миг не забывала, но герцог в чем-то прав.

Хорошо, теперь не нужно обращаться к модистке, ходить на примерки и ждать, пока сошьют платье. Мы с Латифой продумали фасон, а Яр воплотил его: темно-синий бархат без вышивки, без украшений, только воротник и манжеты отделаны тонкими полосками белого кружева. Волосы зачесаны назад, так что не выбивается ни один локон, собраны в высокий пучок.

К шести вечера карета ждала у парадного крыльца. Герцог помог сесть – протянул ладонь, чтобы я смогла опереться, и задержал мою руку в своей дольше, чем положено. Видно, неуклюже пытался придать уверенности.

Латифу он отправил в перстень перед отъездом. Я с трудом удержалась, чтобы не остановить герцога. Мне так хотелось, чтобы Лайти была рядом во время аудиенции. «Она рядом! – сказала я себе. –

Скоро мы ее вытащим!» Зато Яр и Хафиз не отойдут ни на шаг, их буду видеть только я, но разве этого мало?

Поездку по столичным улицам я почти не запомнила, хоть и глядела бездумно в прикрытое шторкой окно. Вот распахнулись кованые ворота, мы проследовали на широкую подъездную аллею. Еще буквально пара минут – и кучер натянул поводья, останавливая повозку у мраморного крыльца.

Я наблюдала за происходящим точно сквозь прозрачное стекло, притупляющее краски, звуки и запахи. Герцог придерживал меня под руку, лакей, наряженный в золотую ливрею, чопорно вышагивал впереди, указывая дорогу. Приближенные короля, живущие во дворце, сначала не обращали внимания на незнакомую девушку, но чем дальше мы продвигались по коридорам и лестницам, тем заинтересованнее становились взгляды.

– Это она? Или нет? – долетали шепотки. – С герцогом? Что происходит? Как?

Меня узнали. К добру или к худу? Я не могла отделаться от мысли, что решение явиться в это осиное гнездо напрямик в руки Карла стало большой ошибкой.

Карл принимал просителей в малом тронном зале, превращая аудиенции в представления: приглашал свиту, которая возгласами, ахами и охами выражала восхищение мудростью правителя. Об этом рассказывал отец. Он старался избегать приемов во дворце, но иногда приходилось там бывать.

Слуги слаженно потянули створки дверей, пропуская нас в тронный зал. Я ступила на ковровую дорожку, она вела к основанию трона, стоящего на возвышении. Со всех сторон ко мне устремились жадные, любопытные взгляды: слухи распространились по королевскому дворцу быстрее сквозняка, и все, чьих ушей они достигли, поспешили полюбоваться на графиню Арчер, чудом оставшуюся в живых.

На негнущихся ногах я пошла ближе и ближе к человеку, виновному в смерти моих родных.

Даже не знаю, кого я ненавидела сильнее – ублюдка Адриана или Карла. Злость придавала мне смелости, я задрала подбородок и посмотрела в глаза королю.

Карл старше меня на три года, но выглядел он щуплым подростком, по ошибке посаженным на трон. Капризный мальчишка с тонкими губами и острым подбородком. Венец на лбу перекосялся. Горностаевая мантия соскользнула с тощего плеча, когда Карл подался мне навстречу, даже оперся руками на резные подлокотники, будто собирался встать, чтобы поприветствовать гостью. Смотрел так, будто увидел привидение. На мгновение самообладание ему изменило, и сквозь маску холодности проступил страх.

Но смятение длилось недолго. Карл плюхнулся назад и всплеснул руками:

– Какое счастье! Я не хотел верить, что прекрасный цветок поместья Лунная Роза преждевременно увял, молился о вашем здоровье, леди Вивиана, и мои мольбы были услышаны светлыми богами! Дорогой лорд Айман, вы уверяли меня, что юная графиня жива, просили набраться терпения и, как всегда, оказались правы.

Король обращался к высокому худощавому человеку, застывшему позади трона молчаливой тенью. Я только теперь обратила на него внимание. Лорд Айман, значит? Тот самый сенешаль?

Мужчина был немолод, почти старик – совсем седой. Однако спину держал прямо, смотрел строго из-под кустистых бровей. Сенешаль был одет в неброские серые одежды, отчего еще больше приобретал сходство с тенью. Он разомкнул губы и резко произнес:

– Хвала небесам.

Что-то в облике сенешаля меня смущало, казалось неправильным. Что-то в чертах лица? Фигуре? Или дело в короле?

Рядом со мной, невидимые остальным, возникли Яр и Хафиз. Оба переводили взгляд с Карла на его сенешаля и обратно.

– Хафиз, его венец... Это то, о чем я думаю? – спросил Яр.

Присмотрелась к королевскому венцу и я. Золотой, массивный, а крупные бриллианты явно были добавлены к украшению позже. Артефакт – вот что это такое!

А значит, сенешаль короля вовсе не человек.

Будто бы в ответ на мои сомнения, лорд Айман чуть повернулся в сторону Яра и едва заметно склонил голову.

Мое сердце ухнуло в пропасть. Снять перстень с руки герцога казалось сложной задачей, а уж стащить с головы самого Карла алмазный венец – так и вовсе невыполнимо.

– Кто ты? Я тебя не узнаю! – сказал Яр сенешалю.

Яра слышала только я, Хафиз да этот лорд Айман, который не был лордом и даже не был живым человеком. Как получилось, что он стал советником короля? Немыслимо.

Джинн проигнорировал вопрос. Он слегка наклонился к Карлу и прошептал что-то. Король встрепнулся и кивнул.

– Надеюсь, дорогая Вивиана и сопровождающий ее герцог Алдон сегодня останутся ночевать во дворце. Я хочу во всех подробностях услышать историю чудесного спасения!

По залу пробежал разочарованный вздох: всем было любопытно узнать мою историю, но Карл хотел поговорить наедине.

Наши глаза встретились. И пусть на лице короля сияла улыбка, взгляд оставался холоден. Он сообщал: «Я знаю, что ты знаешь! Только попробуй открыть рот. Я решу, стоит ли тебя оставлять в живых, после разговора».

Я выдавила улыбку и кивнула. Все так запуталось, что я не представляла, как быть дальше.

– Вам предоставят покои. Располагайтесь, отдыхайте, почувствуйте себя как дома. А пока я сообщу радостную новость виконту Дейтону. Несчастный жених себе места не находит от волнения, почти потерял надежду. Надеюсь, к утру он прибудет во дворец, чтобы воссоединиться со своей невестой.

Я в ужасе уставилась на герцога Алдона, который все это время молчал, будто язык проглотил. А ведь он обещал мне защиту и помощь. Не могу ведь я сама за себя просить!

К счастью, герцог опомнился и, откашлявшись, выступил вперед.

– Ваше величество, мой просвещенный король, светоч во тьме невежества! Вы ведь не отдадите юное создание против воли человеку, которого она не любит? – воскликнул он.

Хитро и ловко польстил королю. Да еще при свидетелях. Теперь Карлу будет не так просто настаивать на моем замужестве.

– Не любишь, дитя? – медоточивым голосом поинтересовался правитель.

И при этом сверлил меня глазами, мол, только посмей пойти наперекор! Но мне терять было нечего.

– Не люблю! – громко ответила я.

Свита ахнула. Люди все прибывали в тронный зал: никто не хотел пропустить представление.

Глаза Карла сверкнули. Сенешаль снова наклонился, нашептывая совет.

– В любом случае ты должна встретиться с женихом, чтобы разорвать помолвку, – сказал король уже спокойнее. – Может быть, до завтра ты передумаешь. Юность так непредсказуема.

– Не передумаю! – упрямо сказала я.

– Тихо, Ви, тихо, все хорошо, – услышала я голос Яра. – Не зли его. Притворись, что согласна подумать. Тяни время.

Яр прав: сейчас многое стоит на кону. Ночь во дворце нам на руку: можно одним махом добыть оба артефакта. Опоить и герцога, и короля.

Я открыла рот, но герцог Алдон меня опередил.

– Виконт Дейтон недостоин этого сокровища!

«Знаю, о каком сокровище ты говоришь, дядюшка. Не обо мне, а о драгоценном артефакте, который так мечтаешь заполучить!»

– Я готов взять на себя заботы о будущем графини Арчер.

– Да? Как интересно! – Карл изобразил веселое любопытство, однако глаза метали злые молнии. – Каким образом?

– Герцог станет моим опекуном, – прошептала я, но мое бормотание заглушил уверенный голос герцога Алдона:

– Во время пребывания графини Арчер в моем доме мы оба поняли, что обрели родственные души! Нас тянет друг к другу духовно и телесно... Я при свидетелях прошу у милой Вивианы руки и сердца!

Слова герцога утонули в восхищенных криках толпы. Зрелище выдалось на славу!

Я оцепенела, не веря тому, что слышу. Уставилась на Яра, он на меня. Наверное, со стороны это смотрелось так, будто графиня Арчер на радостях тронулась рассудком и, не мигая, глядит в пустоту.

– Неважно, – спустя долгое-долгое мгновение протолкнул Яр сквозь сжатые зубы. – Это неважно, Ви. Сегодня ночью все решится.

Так вот на какой сюрприз намекал герцог. Он принял мое притворство за искренний интерес к его обрюзгшей особе. А что он

еще мог подумать? Являюсь в спальню посреди ночи, млею от скучнейших и невнятных пьяных рассказней.

На лице Карла отразилось замешательство: герцогу удалось удивить даже короля.

– Ты согласна, Вивиана?

Я в ужасе посмотрела на герцога. На помятую физиономию, на редкие волосенки, на толстые, сладострастные губы.

Не к месту вспомнилась сказка о крошечной девочке, родившейся в цветке. Не успела она выйти в свет, как со всех сторон поспешили с предложениями замужества отвратительные женихи: жабы, жуки и кроты. Бедняжка и замуж-то не хотела! Вот и я сейчас чувствовала себя героиней той сказки.

– Я согласна... – выдохнула я.

«Сегодня ночью все решится!» – напомнила я себе слова Яра.

Карла перекосило, зал взорвался воплями и аплодисментами. Герцог пробубнил под нос что-то вроде: «Моя драгоценная девочка!» и прижал к влажным губам мою руку.

Мир вокруг кружился, будто в калейдоскопе. Я видела ясно только лицо Яра, а он смотрел на герцога. Пусть мы оба знали, что это игра и притворство, но во взгляде джинна разгоралась ненависть.

– Как это неожиданно и прекрасно! – возвысил голос король, и подданные затихли.

Все время, пока в тронном зале царило ликование, лорд Айман нашептывал Карлу на ухо, тот кивал и успокаивался на глазах.

– Приглашение остается в силе, я все еще хочу услышать рассказ о чудесном спасении! Вам уже подготовили комнаты.

Карл махнул рукой, и тот же лакей в золотой ливрее возник как из-под земли, приглашая следовать за ним.

– У меня голова кругом... – прошептала я, усевшись на краешек кровати.

Хафиз и Яр по привычке расположились, скрестив ноги, на полу. Хорошо, что нам с герцогом хотя бы предоставили разные спальни, а то ведь мстительный Карл мог поселить новоявленных жениха с невестой в одной. Мне кажется, он раскусил мой блеф, только никак не мог взять в толк, зачем мне нужно притворяться.

Мои джинны напряженно обдумывали случившееся, даже Хафизу изменила его обычная невозмутимость. Осталось немного времени до приватной встречи с его величеством, надо решить, что делать дальше.

– Кто он, Хафиз? – хмуро спросил Яр. – Этот Айман.

Похоже, его сильнее всего заботила эта мысль.

– Он изменил внешность, – покачал головой пожилой джинн. – И не хочет, чтобы мы его узнали.

– Почему? – вклинилась я.

Сидеть в одиночку на кровати мне не нравилось, я переместилась на пол и там, сама не знаю как, прижалась к Яру, прислонилась к его плечу, а он обнял меня и, пока Хафиз говорил, поцеловал в макушку.

Пожилой джинн, как обычно, когда ему требовалось подумать, достал из воздуха трубочку и закурил ароматную смесь.

– На это может быть масса причин, но сдается мне, нашему соплеменнику нравится давать советы самому королю. Не мальчишка руководит им, а он мальчишкой. Он получил власть и вряд ли захочет с ней расстаться.

У меня сердце разболелось от этих слов.

– Но ведь нам нужны все четверо, чтобы перенестись назад во времени? Если мы не уговорим Аймана – ничего не получится?

– Кто сказал, что мы станем его уговаривать? – усмехнулся Яр. – Ему придется тебя слушаться, когда он станет твоим джинном.

Яр выделил слово «твоим», но затея от этого не стала казаться менее безумной. Как мы добудем венец? Опоим Карла? Огреем его по голове? В центре дворца, кишашего стражниками, и рядом с явно

недружественно настроенным джинном, который будет следить за каждым нашим движением?

– Я боюсь... – прошептала я.

Яр переплел свои пальцы с моими, от тепла его руки стало чуточку легче, а ее твердость и мне придала сил.

– Хочешь уйти прямо сейчас, Ви? – тихо спросил он. – Может, еще появится шанс. Потом.

Мне правда хотелось прямо сейчас раствориться в воздухе, перенестись в маленький домик на окраине города, разжечь огонь в камине, заварить чай... Так заманчиво. И так малодушно...

– Не будет второго шанса, Яр, – ответила я. – Едва ли мы снова когда-нибудь сумеем собрать всех в одном месте. А время уходит. Сейчас или никогда. И я не брошу Лайти с герцогом!

Произнесла вслух и ясно поняла: назад пути нет. И страх отступил. В конце концов, сбежать мы всегда успеем!

– Как будем действовать? Продумаем план?

Я поглядела на Яра, поглядела на Хафиза. Хафиз задумчиво выпустил колечко дыма изо рта.

– С некоторых пор я заметил, что любой наш план, каким бы действенным он ни казался, терпит сокрушительное фиаско. Предлагаю действовать по обстановке. Может быть, нам пригодится снотворное зелье.

Он хитро сощурился.

– А может, старая добрая дубина.

Я не выдержала и фыркнула.

– Лжелорд Айман ведет свою игру и будет настороже. Но нас двое против него одного, – продолжил Хафиз.

– А я против Карла, – вздрогнула я.

– Тебе нужно тянуть время, Ви. Соглашайся со всем, притворяйся наивной дурочкой, которая согласна на все, лишь бы выжить. И больше не смотри на него так, словно надеешься испепелить взглядом.

– Но я надеюсь, – буркнула я. – Жаль, это невозможно.

– Для того, чтобы смотреть испепеляющим взглядом, у тебя есть я! – улыбнулся Яр, пытаясь меня развеселить.

Получилось – я хихикнула. Может быть, утром мы будем вдалеке от дворца? В безопасности? Со всеми артефактами?

В дверь постучали, и вошел лакей с подносом, на котором стояли блюда с корзиночками, заполненными паштетами и икрой, сухими хлебцами с кусочками сыра и ветчины, печеньем и орешками.

– Его величество предполагает, что леди Арчер захочет перекусить в ожидании личной аудиенции, – возвестил слуга, водрузив поднос на стол.

Если он и удивился, увидев меня, сидящую на полу, вида не подал. Перекусить и правда не помешает: от переживаний разыгрался аппетит. И к тому же лучше хрустеть печеньем, чем грызть ногти от волнения.

Еда оказалась вкусной, однако очень уж соленой, а чайник со взваром или хотя бы воду мне не удосужились принести. Мама бы отругала слуг за подобную нерадивость.

Хафиз, конечно, сотворил вкусный, горячий и ароматный чай, но, сколько бы я его ни выпила, жажда не проходила. Иллюзия – она и есть иллюзия.

– Я поищу воды, – сказал Яр, поднимаясь на ноги, но я схватила его за руку и усадила на место.

– Ерунда, правда. На личной аудиенции точно будут напитки. Потерплю. Не уходи!

«Не уходи!» – прозвучало отчаянно, будто мольба. Сама не ожидала.

– Я не уйду, Ви. Буду с тобой, зайчишка.

Почему после этих слов сердце зашло в плохом предчувствии и так больно сжалось? В подсознании эхом откликнулся голос старшего брата в последний вечер, когда я видела его живым: «Я всегда буду с тобой, стрекозка...»

– Яр, все ведь сложится хорошо, да? Мы победим, перехитрим Карла, украдем венец! Должна ведь удача хотя бы сейчас нам улыбнуться? Ведь это так несправедливо! Это нечестно, что только негодяи получают все, что хотят!

– Конечно, Ви.

Он не смотрел мне в глаза.

Через час пришел слуга от короля, пригласивший следовать за ним. В коридоре ожидал герцог, предложил мне руку – пришлось опереться.

– Моя дорогая невестушка, видишь, все прошло хорошо, даже лучше, чем ты думала, – хрипло проворковал герцог, оглаживая мою ладонь, лежащую на сгибе его локтя. – Завтра же можно заключить брак на бумаге, зачем тянуть! А прием устроим позже.

Ужас. У меня челюсти свело от одной мысли, что, как только я подпишу документы, герцог будет в полном праве требовать от меня исполнения супружеского долга. Оставалось надеяться, что утром я буду далеко и от королевского дворца, и от «жениха».

Слуга проводил нас на четвертый этаж дворца, куда доступ давался немногим: здесь располагались личные покои Карла, его оранжерея, комната для совещаний и небольшая библиотека, совмещенная с кабинетом, куда нас и привели. У двери дежурила стража в полном облачении, с кинжалами у пояса. Король серьезно подготовился к встрече. Собирается сражаться с девчонкой и стариком?

Мы с герцогом зашли в комнату, неярко освещенную лампадами. Карл сидел у круглого стола, рядом с ним, прямой как палка, застыл в кресле его сенешаль. Я невольно покосилась в сторону, где, невидимые глазу короля, стояли Яр и Хафиз. Джинн из венца коротко взглянул на незваных гостей, но ничего не сказал и никак не отреагировал.

Мой папа очень любил играть в карточную игру, где главным условием было уметь держать лицо и не выдать своих чувств. Обычно победителем становился тот, кто лучше всех владел собой. Я не просто так вспомнила про папино увлечение: по-моему, сейчас все мы – я, король, джинны – стали участниками подобной игры. Кто первый себя выдаст? У кого первого сдадут нервы?

И только герцог Алдон ничего не знал. Счастливчик. Он совсем не волновался. На правах жениха отодвинул кресло, помогая мне устроиться, сел сам. На столе стоял графин с холодным ягодным морсом и четыре наполненных стакана.

Король сделал приглашающий жест.

– Я отпустил слуг. Обойдемся без церемоний. Представим, что мы старые добрые друзья. – Карл обозначил улыбку на лице.

Пить хотелось страшно, и, похоже, не мне одной. Мы с герцогом одновременно осушили стаканы – напиток чуть горчиал, видно, из-за брусники.

– Я бы просил ваше величество обратить внимание на лакеев, поставленных мне в услужение, – сказал герцог, откинувшись на спинку кресла и ослабляя пышный бант-галстук на шее. – Принесли закуски, но не вспомнили о напитках.

Похоже, он единственный, кому удалось расслабиться. Я утолила жажду и замерла, мысли метались. Карл и его сенешаль переглянулись. Явно с умыслом, но я не представляла, каким именно.

В библиотеке воцарилось молчание. Чтобы не смотреть на лицо короля, я делала вид, что заинтересовалась книжными полками, разглядывала корешки изданий. Вот письменный стол, за которым работает Карл. Тут же, в ячейках, лежали кристаллы, с какими мальчишки из корпуса вестников расхаживали по городу, зачитывая королевские указы. На такой кристалл король может записать личное обращение к народу. Мы в самом сердце дворца или, точнее, в его мозге. Сюда приглашают либо тех, кому безоговорочно доверяют, либо тех, кого не планируют оставить в живых...

Хафиз тоже подошел к столу, тронул кристалл, тот пошатнулся в ячейке. Я заерзала, украдкой кинула на пожилого джинна осуждающий взгляд: не время отвлекаться!

Я глубоко вдохнула, как перед прыжком в пропасть. Мой ход.

– Мой король, благодарю за уделенное нам время. Вы хотели услышать мою историю... – начала я, судорожно перебирая в голове факты, которые могу произнести вслух.

– Заткнись, – резко перебил меня Карл.

Все благодушие слетело с него, как не бывало. Я оказалась не готова к такому неожиданному переходу, оцепенела. Да и герцог недоуменно заморгал.

– Мой король, что вы себе... – начал он, но сенешаль короля щелкнул пальцами, и герцог вцепился в горло, с его губ больше не сорвалось ни звука: джинн наложил заклятие безмолвия.

Карл наклонился вперед, впиваясь глазами в мое лицо.

– Все кончено, Вивиана. Не будем ходить вокруг да около. Прикажи своим джиннам проявиться.

Я поглядела на Яра, кивнула: пока не время вступать в открытое противостояние, сбежать всегда успеем. Только эта мысль еще держала меня на плаву и не давала скатиться в отчаяние. Герцог выпучил глаза, когда увидел пожилого джинна: с Хафизом он знаком не был.

– Очень приятно наконец-то вас увидеть. – Карл дурашливо поклонился мрачному Яру. – Раб браслета. Раб кувшина. Разрешите представить вам моего слугу – Фархана Бафра Джазима Повелителя Ветра.

Лорд Айман изменился: волосы потемнели, хотя в них до сих пор угадывались седые пряди, кожа сделалась смуглой, лицо приобрело восточные черты.

– Вы знаете его настоящее имя! – ахнула я. – Так вот почему...

– Не поэтому, дитя, – усмехнулся раб венца. – Я сам назвал имя своему господину, дабы доказать чистоту своих намерений и уверить в своей преданности.

Карл с презрительной ухмылкой наблюдал, как я меняюсь в лице. Яр прошипел под нос: «Предатель», но Фархан и бровью не повел.

– Удивлена, графинюшка? Именно благодаря моему слуге я сумел доказать всем, что Карл – не глупый мальчишка, на мнение которого можно наплевать! Мои недоброжелатели желали превратить меня в марионетку и дергать за ниточки! А кое-кто, вроде твоего отца, этого гнусного заговорщика, так и вовсе хотел оставить меня без трона. Мне сразу надо было расправиться с твоей неблагонадежной семейкой, да я тогда был слишком молод и недальновиден. Фархан объяснил мне, как я был неправ.

От ужаса у меня заledenели кончики пальцев. Вот он, истинный облик Карла: злой, мстительный, властолюбивый правитель, который пойдет на все, лишь бы у него не отняли власть.

Яр встал рядом со мной, положил руку на плечо, тихонько сжал, без слов давая понять, что он рядом и он меня спасет, если ситуация зайдет слишком далеко.

Герцог побелел как мел, замотал головой. Как бы его удар не хватил от таких известий! Он не дурак и понимает, что после таких откровений вряд ли останется в живых.

– Зачем вы все это мне говорите? – протолкнула я сквозь онемевшие губы.

– Зачем? – Карл сделал вид, что задумался, а потом расхохотался. – Может быть, хочу, чтобы ты оценила мой великолепный план. А то стараешься, ночей не спишь, продумываешь каждую деталь, а рассказать-то и некому. Так что хочешь ты того или нет, но придется вам с герцогом стать единственными свидетелями.

Герцог замычал и отрицательно замотал головой, но Карл и внимания не обратил на его пантомиму.

– Мой дорогой Фархан объяснил мне, что один джинн – хорошо, но если у меня в услужении окажутся четыре джинна, то моей власти не будет предела. Он рассказал о силе настоящего имени, так что мне можно не опасаться коварства с их стороны. В знак доброй воли он открыл мне свое, попросив взамен лишь возможность относительной свободы. Почему нет? Я пошел на эту маленькую уступку, и получил мудрого советника.

Глаза Карла горели от восторга – видно, давно его распирало поделиться хоть с кем-то, а как в таком признаешься!

– Я решил собрать все артефакты, о местонахождении которых знал. Кувшин в академии магии я мог заполучить в любой момент, достаточно приказать. Перстень у герцога надеялся перекупить, хоть он и трясется над своей коллекцией, но ведь не идиот, чтобы противиться королю.

Герцог энергично закивал.

– Как раз когда я занялся поисками, выяснилось, что браслет Папилио с самым злобным и коварным джинном купил Патрик Арчер в подарок своей сестре на совершеннолетие. Можно было просто заставить графа Киллиана Арчера отдать мне браслет, но... Звезды, как говорится, сошлись. Я давно размышлял о мести этому гнилому семейству и рад был поводу.

Яр снова осторожно сжал мое плечо, утешая. Мой самый «злобный и коварный» джинн... Мой самый чудесный, понимающий и самоотверженный.

– Дейтоны и Фарли давно строчили доносы, надеясь оттяпать кусок земли, так что граф Дейтон сразу согласился на мой план. Они законно получают имение, женив Адриана на Вивиане, а я избавляюсь от заговорщиков и получаю браслет. Великолепно!

– Адриан, видно, не понял вашего плана! – едко высказала я. –
Браслет-то чуть не уплыл в руки герцога. Адриан обещал его в уплату,
если Сфера Судьбы поможет меня отыскать.

Карл отмахнулся:

– С моего позволения. Потом я заполучил бы оба артефакта.

Король оперся руками на столешницу и поднялся в полный рост.

– Итак, переходим к самому интересному! – сказал он.

– Сейчас ты, Вивиана, отдашь мне браслет и кувшин, герцог отдаст перстень. Конечно, ни о каком возмещении ущерба речь уже не идет, но взамен я обещаю оставить вам, дорогой герцог Алдон, жизнь. Это немало.

Карл говорил так спокойно, будто не сомневался в успехе.

– Само собой, о браке с графиней Арчер вы можете забыть, я обещал ее виконту Дейтону и намерен сдержать обещание. Он прибудет утром, а пока Вивиана воспользуется моим гостеприимством под присмотром стражи.

Король выглядел очень довольным, разве что руки не потирал от радости.

– А главное – все останутся живы. Цените мою доброту!

Мы с Яром переглянулись. «Надо уходить, Ви, – говорил его взгляд. – Мы не сдаемся. Мы еще попробуем позже».

Меня ожидает жизнь в скитаниях, но я сохраню свободу, и Яр будет рядом со мной. Кто знает, что будет завтра! Время еще есть! Немного, но есть.

Я чуть-чуть наклонила голову, давая моему джинну знак, что согласна. Указала взглядом на герцога, надеясь, что Яр поймет, что его тоже нужно забрать с собой. Вокруг сгустилась тьма...

А когда рассеялась, оказалось, что я все так же сижу в кресле в личной библиотеке Карла. Король хохотал.

– Сюрприз-и-из, – протянул он противным тоненьким голосом. – Благодарю, Фархан, ты снова не подвел. Ты еще не поняла, глупышка, что тебя опоили специальным зельем?

– Барьерник... – процедил Хафиз.

– Барьерник! – подхватил Карл и захолопал в ладоши. – А этот джинн не дурак! Есть такая травка, которая мешает телепортации. Как видим, в случае с джиннами тоже сработало!

– Яр... – выдохнула я, в отчаянии цепляясь за его руку: вот теперь мне сделалось по-настоящему жутко.

Яр попытался снова. И снова. Я проваливалась в черноту и выныривала из нее, но оставалась на месте. Карл терпеливо ждал,

насмешливо поглядывая на меня.

– Не надоело? – спросил он после четвертой попытки. – Вивиана, имей мужество признать поражение и не вынуждай меня применить силу.

Он протянул руку.

– Снимай браслет.

Я вскочила на ноги, прижала запястье к груди и накрыла ладонью. Отдать браслет? И вместе с ним человека, который мне так дорог? Фархан прочитает королю его истинное имя, и мой гордый Яр станет бесправным рабом капризного мальчишки!

– Нет! – крикнула я. – Вам придется отрезать мне руку, чтобы его заполучить!

Карла мой ответ не смутил.

– Что же, я предлагал по-хорошему... – и крикнул, возвысив голос: – Стража!

В комнату вбежали стражники. Два, четыре... Еще один встал у двери, перегородив проем.

На бесконечно долгое мгновение в сумрачной библиотеке повисла тишина. Мы все стояли на ногах. Поднялся даже герцог, белый точно снег, он держался за сердце. Карл ухмылялся. Хафиз щурил глаза. Фархан и Яр напряглись, как хищники, перед броском.

– Ви, беги! Уводи герцога! – рявкнул Яр.

И тут же, без предупреждения, ударил магией в грудь сенешаля.

– Хафиз, бери его на себя! Я отвлеку стражников! Ви! Уходите! Мы догоним!

Куда уходить? Какое-то безумие! Но я лишь кивнула, подскочила к герцогу Алдону и схватила его за руку.

– Пойдемте со мной, – ласково, словно обращаясь к ребенку, позвала его. – Все хорошо.

Герцог, тяжело дыша и пошатываясь, побрел, опираясь на мою руку. Яр схватился со стражниками врукопашную. Хоть они и получали жалованье в золоте, сытая и безопасная жизнь сделала их неповоротливыми и трусливыми. Яр был опасным и сильным львом среди отары овец.

Рослый стражник, что заслонял проход, охнул, схватился за живот и скрючившись рухнул на пол. Я тащила за собой герцога, на пороге мельком обернулась на визг. Карл прятался за спину своего сенешаля и

верещал, как девчонка. Хафиз сражался с Фарханом. Один из стражников цапнул меня за плечо, но я – откуда только силы взялись – ударила его пяткой по голени и боднула согнувшегося пополам мужчину головой в нос.

Мы выскочили в коридор. Куда бежать? Я вспомнила, как Патрик во время нападения потащил меня на половину слуг, где затеряться проще. Во дворце кроме парадных лестниц существуют черные, для лакеев и горничных. Найти такую не составит труда.

– Быстрее, быстрее, – шептала я, на пределе возможного таща за собой задыхающегося герцога.

Не герцог мне был нужен, а его перстень. Наша Лайти! Но он-то думал, что я спасаю его – своего жениха. И постанывая ковылял следом, не жаловался. По его лицу градом струился пот.

Мы завернули за угол, и тут случилось непредвиденное...

За поворотом мы нос к носу столкнулись с собственными отражениями в огромном, от пола до потолка, зеркале.

Герцог слабо вскрикнул. Трясущаяся рука коснулась гладкой поверхности. Он впервые за десятилетия видел себя настоящего, и это зрелище его потрясло.

– Старик... – прошептал он.

Его ноги подкосились, и герцог тяжело рухнул на спину.

– Сердце...

Я бросилась рядом на колени, попыталась приподнять, но разве же мне сдвинуть такую тушу?

– Пожалуйста! Надо идти!

Герцог перевел на меня гаснущий взгляд.

– Моя девочка...

Он стянул перстень и вложил в мою ладонь.

– Тебе... А этому – хрен!

Герцог скрутил из трясущихся пальцев дулю и ткнул ею в ту сторону, откуда мы пришли.

– Выкуси... – удовлетворенно выдохнул он.

Рука упала. Герцог запрокинул голову, глаза его закатились.

Я с трудом заставила себя встать. Не могла поверить, что все случилось на самом деле. Ощутила покалывание в ладони и вспомнила про перстень! Я так сильно его сжимала, что грани отпечатались на коже.

Поскорее надела на палец.
– Латифа, появись!

Латифа соткалась из воздуха, шагнула вперед и застыла, глядя на тело герцога.

– Лайти, он...

– Я знаю, – прервала она меня. – Уже все знаю. Бежим!

Теперь, когда герцог не висел на мне балластом, открылось второе дыхание. Рядом со мной бежала легконогая Лайти. Когда впереди замаячил стражник, она щелкнула пальцами, и тот отвернулся. Не пошевелился и тогда, когда мы пронеслись прямо у него под носом.

– Отвела глаза, – объяснила Латифа на ходу.

Мы наконец нашли узкую лестницу, которую использовали слуги, и стали торопливо спускаться. Яр и Хафиз пока не появлялись, я начинала волноваться.

Горничная с распущенными волосами – видно, готовилась ко сну – зачем-то сунулась на лестницу и уставилась на нас. Две бегущие девушки не вызвали у нее опасений, а глаза загорелись любопытством. По платью и прическе она определила мое знатное происхождение и поспешно поклонилась.

– Заблудились, леди?

– Нет... Да! Подскажи, можно ли как-то выбраться из дворца не через парадный вход?

– Так да! До самого низа, на кухни. В первом зале-то хлеб пекут, пироги, во втором – мясо разделявают, жаркое, супы готовят, а в третьем...

– Быстрее! – взмолилась я. – Нам нужно в кухни?

– Ага! В четвертом зале выход в кладовые, а оттуда коридор прямо за стену. Если нам кому в город надо, так и ходим.

– Спасибо!

Горничная снова поклонилась, но, видно, ее так разбирал интерес, что она не сдержалась:

– А что случилось, леди? Вьюшка нам сказал, что из телепорта вышли Красные Косынки. Злые, как сто чертей. Рыскают по дворцу и кого-то ищут. Не вас?

– Не нас! – отрезала Лайти.

Красные Косынки! Боевые маги! Вот это совсем плохо. Они подчиняются королю и, в отличие от обленившихся стражников, тренируются каждый день. На их стороне магия и физическая сила. А на нашей только отчаяние...

Но есть и хорошая новость: три артефакта у меня, и нас еще не поймали! Будем бороться до последнего!

Мы вбежали в жарко натопленный зал кухни, где вкусно пахло печеным хлебом и кисло – подходящим тестом. На отдраенных до блеска столах стояли кадушки, накрытые полотенцами. У стены дремал мальчишка-поваренок, приставленный к очагу, чтобы следить за огнем. Он заморгал было, просыпаясь от шума, но Лайти провела в воздухе ладонью, и поваренок, сладко зевнув, снова уснул.

Я тяжело дышала, запыхавшись от бега, и Латифа приостановилась, давая мне минутку, чтобы прийти в себя. Я погладила браслет. Как там Яр? Почему он все еще не рядом со мной? Может, стоит его позвать.

Лайти покачала головой, словно услышала мои мысли:

– Он придет, как только сможет. Идем.

Мне слышались отдаленное эхо приказов и грохот тяжелых сапог на лестнице. Надеюсь, только в моем испуганном воображении! Не может быть, чтобы король поднял на ноги всю академию! Но Лайти тоже прислушалась, задрав голову.

– Надо уходить!

Воздух рядом со мной задрожал, как горячее марево у камина, и, не успев я в ужасе отпрянуть, из пустоты шагнул Яр.

Шагнул и пошатнулся. Из раны на голове струилась кровь, темное пятно расплывалось и на сером рукаве рубашки.

– Яр!

Я бросилась к моему джинну, обняла, прижалась к груди, пачкая платье алым. От Яра пахло разгоряченным в бою мужским телом, кровью и пряными травами. Кто посмел бы сказать мне сейчас, что он не живой, не настоящий – всего лишь сгусток темной материи?

Яр бережно провел ладонью по моим волосам.

– Все хорошо, Ви!

– Ты ранен!

– Мелочи. Меня нельзя убить, ты ведь знаешь.

Я чуть отодвинулась, но только для того, чтобы поднять голову и посмотреть на Яра. А он неотрывно смотрел на меня, будто хотел всю меня вместить в свой взгляд, спрятать, защитить.

Латифа не торопила, тихонько стояла рядом, прикусив губу. Краем глаза я заметила еще движение: появился Хафиз.

– Уходим!

– погоди, – негромко осадила его Лайти. – Дай им секунду.

– Я люблю тебя, – сказала я моему несносному, ужасному, коварному джину.

И мне сейчас было все равно, что меня слышат и Хафиз, и Латифа, что моя жизнь и моя свобода висят на волоске. Произнести вслух эти слова и знать, что Яр меня услышал, казалось самым важным на свете.

– Правда, люблю!

– Я знаю, Ви, – грустно улыбнулся он. – Я тоже тебя люблю, зайчишка.

– И больше никаких разговоров о забвении! – сурово, чтобы сдержать набежавшие слезы, выговорила я.

Если только нам удастся сбежать из дворца, мы обязательно придумаем новый план! План, в котором и Яр, и Хафиз с Лайти получают свободу, и мы вместе решим, как вернуть мою семью. Проклятое «если»!..

– Бежим!

Яр схватил меня за руку, как когда-то Патрик, и потянул за собой.

Горничная не обманула: в последнем зале я сразу увидела неказистую дверцу в противоположной стене. Вероятно, ту самую, за которой скрывался коридор для слуг.

Да только мы и добежать не успели, как дверь толкнули изнутри и в кухню один за другим зашли трое боевых магов. Ни одного из них я не знала в лицо, а может, не узнавала сейчас, когда они смотрели на меня так бесстрастно и зло – на беглую преступницу, впавшую в немилость у самого короля.

Красные Косынки рассредоточились вдоль стен, принялись сплетать заклятия. Нити силы аккуратно, но непреодолимо запутывали меня в кокон. Яр и Латифа рвали их, освобождая меня, но это было все равно что бороться с потоком, черпая его чайными ложками. Хафиз пытался, не используя напрямую магию, выпустить против боевиков

ножи, хранящиеся на кухне, но боевой маг только отмахнулся, как от мух – на пол со звоном упали скрученные в спираль железки.

Из прохода, по которому мы прибежали, вышли еще четверо Красных Косынок, следом за ними выкатились распаренные, все в мыле стражники, а последним – Фархан.

Сквозь пелену слез я не сразу разглядела, что один из боевиков – мастер Эрмин. Он едва посмотрел на меня, сжал челюсти. Он ничем нам не поможет...

– Все кончено, – сухо бросил сенешаль короля. – Вивиана, отдавай артефакты.

– Нет!

Фархан поднял руку, и стражник метнул кинжал в Яра. Тот схватился за пробитую грудь, по пальцам потекли струйки крови. Яр, сцепив зубы, вытащил кинжал и отбросил к стене.

– Нет! – воскликнула я. – Не надо!

– Отдавай артефакты. Отступить некуда. Ты можешь упрямитесь, но каждая минута промедления обернется болью для твоих рабов.

– Моих друзей! – закричала я. – Здесь только один раб – ты!

Слезы текли по щекам. Дыхание перехватывало. Но выхода действительно не было. Мы в ловушке.

– Ненавижу, – прошептала я. – Предатель! Ты предал память своего народа, продался королю!

На лице Фархана не дрогнул ни один мускул: он сделал свой выбор.

Я всхлипнула, борясь с подступающими рыданиями. Неужели больше не осталось надежды и мерзавцы снова победили? Почему, ну почему все так несправедливо?

Я посмотрела на моего любимого джинна.

– Прости...

– Все хорошо, Ви.

Яр приблизился и осторожно стер слезы с моих щек, его взгляд скользил по моему лицу, лаская, запоминая каждую черточку. Подушечка большого пальца очертила контур моих губ. Яр наклонился и коснулся поцелуем краешка рта.

– Я не буду думать о забвении, я стану думать о тебе...

Я прижалась щекой к расстегнутому вороту его рубашки, чувствуя, как под кожей на шее бьется теплая венка.

Потом обернулась и вскинула подбородок: никто не увидит моего отчаяния, буду смелой ради Яра.

– Какую комнату мне приготовили? – Я обращалась к мастеру Эрмину, единственному человеку, на которого я могла глядеть без омерзения. – Отведите меня туда, и тогда я отдам артефакты.

Я выкраивала для себя и Яра еще несколько минут вместе. Так мало. И так много...

Когда мы медленно шли по лестницам и коридорам дворца под конвоем Красных Косынок, я сжимала его руку. Рядом молчаливо двигались Хафиз и Латифа.

Мне отвели комнату неподалеку от личных покоев короля. Карл не вышел полюбоваться на добычу, но ему наверняка доложили об удачном завершении охоты. Я не обманывалась, не ждала, что мстительный мальчишка оставит меня в покое: сейчас он придет в себя и явится, чтобы поиздеваться надо мной. А утром во дворец прибудет

Адриан, чтобы забрать в свое имение. И тогда моя жизнь будет разбита и уничтожена окончательно и бесповоротно.

«Я не буду думать о забвении, – храбро повторила я себе слова Яра. – Я буду думать о тебе и помнить, что ты где-то есть в этом мире...»

– Мы пришли, – бросил Фархан. – Дольше тянуть нет смысла. Артефакты.

– Мастер Эрмин! – Я отыскала в толпе Красных Косынок единственное знакомое лицо. – Я отдам вам лично в руки. В комнате. Дайте мне еще минуту! Еще минуту!

Суровый маг вышел вперед и толкнул дверь, приглашая меня зайти. Остановил взглядом устремившегося было следом за мной Фархана.

– Я вынесу артефакты, – процедил он.

И выглядел при этом так грозно, что джинн поостерегся спорить.

Я сделала несколько шагов и упала в кресло: ноги не держали. Закрыла лицо руками.

– Сейчас, сейчас...

Вытянула из кармана кувшинчик Хафиза – руки тряслись. Проститься с пожилым джинном нелегко, но с этим я справлюсь. А вот как заставить себя расстегнуть замочек на браслете?

Мастер Эрмин не торопился забирать артефакт. Он играл желваками на скулах и обдумывал что-то. Посмотрел на Латифу, на Яра. Вынул из-за пояса кинжал, который входил в обмундирование боевых магов, и протянул джинну. Яр нахмурился, не понимая, что происходит.

– Волосы, – коротко ответил мастер Эрмин, и глаза Яра озарились надеждой.

– Что?

Я ничего не понимала и совершенно запуталась, но, похоже, Яр и мастер Эрмин точно знали, что делали. Джинн собрал свои длинные гладкие волосы в хвост и отсек его одним быстрым ударом лезвия. Протянул кинжал Латифе, и она, не говоря ни слова, под корень срезала свои прекрасные густые пряди. Я ошарашенно следила за их действиями.

Мастер Эрмин положил ко мне на колени перемешанные угольно-черные и каштановые локоны.

– Я знаю, что даю тебе почти призрачную надежду.

– Я не понимаю... – жалобно прошептала я.

Яр, который выглядел теперь так забавно с торчащими во все стороны неровными вихрами, сел рядом со мной на корточки и взял мои ладони в свои.

– Ви, наши волосы – волосы магов, они еще несколько часов будут хранить силу. И эта сила, в отличие от нас, связанных клятвами, ничем не ограничена. Помнишь, чему мы тебя учили?

Когда я тренировалась, ломая пальцы под невыносимыми углами до боли в суставах и запястьях, я и не представляла, что однажды мне придется применить эти знания в настоящем бою. Но как удачно, что я не ленилась и не жалела себя!

Я закивала и в ответ сжала руки Яра.

– Я вас спасу!

Дверь приоткрылась.

– Долго еще ждать? – рявкнул Фархан.

Хорошо, что широкая спина мастера Эрмина прикрывала меня и обстриженного Яра.

– Минуту. Они прощаются, – отрезал маг и тут же негромко поторопил меня: – Все, Ви. Время.

Я до боли закусил губу, снова взяла кувшинчик.

– Хафиз...

– Постой, Ви. Еще мгновение, – остановил меня пожилой джинн и протянул мне кристалл-вестник. – Не знаю, поможет ли, но здесь записано признание Карла в том, что он готовил убийство твоей семьи.

Так вот для чего Хафиз его трогал: включил на запись. Мой дорогой Хафиз, он всегда думал на несколько шагов вперед!

– Хафиз, я желаю, чтобы ты вернулся в заточение.

Я со вздохом передала кувшин мастеру Эрмину.

Сняла перстень, нашла взглядом Латифу, она ободряюще мне улыбнулась.

– Латифа, я желаю, чтобы ты вернулась в заточение.

Перстень переместился в ладонь боевого мага.

– Яр... – Я растегнула защелку браслета, голос дрожал. – Я желаю, чтобы ты вернулся в заточение.

Браслет впервые за много дней соскользнул с моего запястья. Я чувствовала себя так, будто с меня живьем содрали кусок кожи...

– Удачи тебе, Ви, – сказал мастер Эрмин и невесело хмыкнул. –
Никогда не думал, что буду покрывать преступницу. Впервые со мной
такое.

Он стянул красную косынку и положил поверх срезанных прядей.

– Пусть ни один волос не упадет с твоей головы, – тихо произнес
он.

Несколько минут я провела в оцепенении. Перебирала темные пряди и вспоминала, как запустила пальцы в копну волос Яра, когда потянулась, чтобы поцеловать.

«Соберись, Ви! Соберись! Только на тебя вся надежда!»

Не знаю, сколько у меня осталось времени, прежде чем явится Карл, да и Адриан может не захотеть дожидаться утра. Но торопиться нельзя: пусть сначала маги покинут дворец. А стражники... С ними придется справляться самой.

Удивительно, но, едва я поняла, что терять нечего и отступить некуда, руки перестали дрожать, а душу заполнило спокойствие и сосредоточенность.

Я распустила пучок на затылке, медленно и тщательно начала вплетать темные волосы в свои, светлые. Надеюсь, я верно поняла намек мастера Эрмина и все делаю правильно. Я плела косы и напевала под нос колыбельную Яра: «Спи, спи... В голубой степи, под звездами светлыми печали нет...» Ты рядом, Яр, твоя сила и твоя любовь.

Закончив работу, я крепко повязала косынку. Некоторые светлые и темные локоны выбивались из-под нее, но в основном они были надежно спрятаны.

Я поднялась на негнущиеся ноги и прислушалась к себе. Появились ли необычные ощущения? Трудно судить: сегодняшний день сам по себе оказался кладезем разнообразных эмоций. Меня бросало то в жар, то в холод, голова кружилась. От переизбытка чувств или оттого, что тело привыкало к необычной для себя магии?

Надо попробовать, потренироваться, использовать какое-нибудь заклинание. Я огляделась, примериваясь. Кресло выглядело тяжелым, неподъемным, физической силой мне его не сдвинуть. Что если?..

– Проход!

Я ударила по воздуху ребром ладони. Простое заклинание – одно из первых, которые я выучила. Я собиралась убрать кресло с дороги или хотя бы сдвинуть, если хватит сил.

С кончиков пальцев сорвалась прозрачная волна и легко, будто горячий нож сливочное масло, разрежала массивное кресло пополам.

– Ого...

Обе половинки кресла какое-то время балансировали, каждая на двух изогнутых ножках, а потом с грохотом сложились вовнутрь. Вот этот шум совсем некстати!

Я резко обернулась к двери, не сомневаясь: Карл выставил охрану и стражники непременно заинтересуются, чем таким занята хрупкая пленница, что даже пол трясется.

Заскрежетал ключ в замке.

– Чего тут?..

– Замри! – заорала я.

Перестаралась: двухметровый здоровяк не просто застыл столбом, как ожидалось, он вытянулся в струнку и рухнул на пол всем своим немаленьким весом с грациозностью бревна. Всеми костями загредел. Я аж зажмурилась.

Его напарник не стал лезть на рожон. Догадавшись, что творится что-то необъяснимое, он поторопился закрыть дверь. Загрохотали тяжелые подошвы сапог: смельчак убегал по коридору. Еще не хватало, чтобы привел подкрепление!

– Отопрись!

Ручка двери осталась в моей руке, а следом и сама дверь покосилась на просевших петлях. Я выскочила за порог и увидела удаляющуюся спину.

– Замри!

Стражник был далеко, и я не рассчитывала на успех, но мужчина изогнулся назад, будто его догнала летящая стрела, и, окостенев, рухнул на пол.

Вот теперь я, привыкнув, начала чувствовать магию: она ощущалась как прохладный пузырящийся поток свежей воды, бегущий по венам. Немного щекотно и вполне приятно.

– Ладно, Карл, – прошептала я. – Надеюсь, ты соскучился по мне?

У покоев короля дежурили четверо стражников и один боевой маг. Если со стражниками я расправилась за мгновения и скоро все четверо аккуратными штабелями разлеглись вдоль стен там же, где стояли, молодой маг успел удивиться и бросить в меня огнешаром. Я на автомате выставила защиту – спасибо Яру, тренировавшему со мной

щит бесчисленное количество раз. Тогда это была игра, мы веселились. Яр то накидывался из-за угла, то резко вскакивал с места, то вдруг в середине незаконченной фразы направлял в меня опасное заклятие, которое тут же сам развеивал, как только я складывала пальцы в защитном жесте.

– Эй! – возмущалась я. – А если не успею!

Когда мне не удавалось поставить щит – заклятие жалилось. Терпимо, но достаточно, чтобы в следующий раз потрудиться как следует.

– Что за?.. – произнес изумленный маг, прежде чем его глаза закатились и он присоединился к своим боевым товарищам.

Запертая на несколько замков дверь меня не остановила, а лишь насмешила: от толчка она сорвалась с петель и проехала по гладкому полу напрямик к ногам Карла. Тот, услышав звуки боя, вскочил с кресла – и это единственное, что он успел сделать.

– Фархан! – заверещал король, присев на корточки.

Но сенешаль был связан общим для всех джиннов правилом: он не мог причинить вреда человеку. А я ему вред причинить могла! Да еще как! Именно этим и собиралась заняться.

Пять огненных стрел одна за другой прошили тощую грудь мерзавца, откинули к стене, подальше от Карла. Я подошла к перепуганному гадкому мальчишке и сдернула с его головы покосившийся венец.

– Не убивай! – жалко пискнул его величество. – Умоляю!

Пока я шла к покоям короля, я боялась только одного: Карл наденет артефакты и мне придется сражаться против моих дорогих друзей. Но мне невероятно повезло: кувшинчик, перстень и браслет лежали на круглом столике. Там же лежала лупа. Видимо, Карл вместе со своим сенешалем разбирали руны, стараясь прочитать настоящие имена джиннов: без этого король поостерегся использовать артефакты.

Я быстро застегнула браслет на запястье, вернула кувшинчик Хафиза в карман платья, нацепила перстень поверх кольца, которое мне дал мастер Эрмин, – лишь тогда перстень оказался впору, венец продолжала сжимать в руке: слишком уж ненадежно он держался на лбу. Только теперь шумно выдохнула. Сколько времени я задерживала дыхание?

– Появитесь! – крикнула я.

Мы собрались вокруг короля, который съездившись сидел на полу и смотрел на нас взглядом побитой собачонки, напрудившей лужу.

– Пороть тебя некому! – сказал Хафиз вслух то, что давно вертелось у меня на языке.

Дверь в покои короля заняла подобающее ей место, стражников Яр и Хафиз затащили в спальню, чтобы они не привлекли ненужного внимания. Приложила я их неплохо: пожилой джинн, осмотрев бедолаг, несколько раз восхищенно воскликнул: «Ах-вах!» и пришел к выводу, что очнутся они не раньше утра.

Однако расслабляться не следует. Теперь, когда все четыре артефакта в моих руках, пора приводить в действие план, к которому мы шли так долго. Какая-то неправильность на первый взгляд стройного замысла колола и мешала, точно камешек, попавший в сапог, но я не могла взять в толк, что мне не дает покоя. Может, я ожидаю подвоха от бывшего сенешаля? Однако Фархан Бадр Джазим вел себя смирно, сидел на банкетке у стены и ждал приказаний.

Карл пару раз взывал к нему с просьбой о помощи, но джинн, еще несколько минут назад надменный и грозный, прятал глаза от короля. Теперь я его хозяйка и знаю его истинное имя – захочу, заставлю взять розги, стянуть с Карла штаны и проучить как следует. Я хмыкнула, представив эту картину. Если бы только это помогло исправить скверный характер капризного мальчишки!

Я вытащила из кармана флакон с темно-коричневой жидкостью, вынула пробку, поднесла к носу: отвар пах горькими травами. Вот и пригодится наше зелье.

– Пей! – приказала я Карлу, протянув ему бутылочку.

Король уснет крепким сном, а мы с джиннами займемся делом: ни к чему нам отвлекаться на Карла и следить, чтобы не сбежал.

– Не надо! – захныкал Карл и, распластавшись на полу, потянулся к моим ногам явно с целью обнять туфли и припасть к ним губами. – Умоляю! Вивиана! Ты ведь добрая, славная девушка! Проси чего хочешь! Хочешь, Адриан Дейтон и его отец сгниют в темнице? И все семейство Фарли вместе с ними? Или?..

Карл приподнял голову и взгляделся в мое лицо, пытаясь разгадать, какую цену за его жизнь я посчитаю приемлемой.

– Или, хочешь, я подвергну его пыткам? Жестоким пыткам? Железными клещами оторву ту часть его тела, что смела посягать на тебя?

Король полз к моим ногам, а я отступала, как от ядовитой змеи.

– Это зелье... – начала я, не выдержав жалкого зрелища.

Собиралась признаться, что зелье не принесет ему вреда, но Хафиз меня опередил:

– погоди, Ви. Кристалл-вестник у тебя с собой?

– Конечно.

Спасибо Яру, изготовившему такие вместительные карманы: кристалл не потерялся во время бега. Я отдала его пожилому джинну.

– Признание, записанное здесь, твоя страховка. Мало кому из верхушки света понравится, как Карл самовольно расправляется с неудобными ему древними родами...

Хафиз присел рядом с Карлом на корточки и провел пальцем по одной из граней камня, активируя его на запись.

– Но чем больше признаний – тем лучше. Правда, мальчик? Что еще ты можешь нам рассказать? И сядь уже как человек. Ты не пресмыкающееся, чтобы ползать на пузе.

Карл, всхлипывая и вытирая сопли, перебрался в кресло.

– Я расскажу все, что хотите!

И король, думая, что спасает свою жизнь, подробно и обстоятельно – благо память у молодого правителя была отличной – поведал о том, как планировал постепенно избавиться от всех членов совета, подстраивая покушения и несчастные случаи. Даже я, не ожидая от Карла ничего хорошего, поразила его коварству. Прав был папа, тысячу раз прав, когда не хотел сажать на престол этого мерзавца. Уже тогда он видел в его душе ростки будущего зла.

– Отлично! – сказал Хафиз, отключив запись.

Джинн вернул мне кристалл и подал знак, чтобы я дала ему флакон с зельем. Карл затрясся, попытался было встать, но ноги его не послушались, и король тяжело рухнул обратно на сиденье.

– Это снотворное. Мы приготовили его для герцога, чтобы снять с него, спящего, перстень. А пригодилось для другого. Пей, Карл, – сказала я.

– Нет, н-нет! Я тебе не верю.

Яр вытащил из ножен одного из стражников кинжал и приставил его к горлу Карла.

– А это неважно. Можешь не верить. Но либо ты пьешь отвар, либо этот кинжал еще вернее отправит тебя на тот свет. Выбирай.

Карл с перепугу забыл, что джинн не может причинить вреда человеку. Он быстро закивал, решив, что с зельем по крайней мере покинет этот мир без мук. Рыдая в голос и проклиная «злосердечную» Вивиану, он сделал несколько глотков. Икнул.

– Чувствую, смерть подступает... Дыхание ее...

Не договорив, он запрокинул голову на спинку кресла и захрапел.

– Ну наконец-то! – воскликнула Латифа. – Держалась из последних сил, думала, сама его придушу!

– Итак... – произнес Яр спустя несколько мгновений тишины. – Ви, ты готова?

Готова ли я? Столько испытаний, отчаяния и надежды, и вот я стою в центре королевской спальни, сжимая в руках артефакты, но не знаю, готова ли...

– Как это будет?

Яр приблизился и взял мои руки в свои таким знакомым, родным жестом. Кровь все еще сочилась из его ран, хоть он и старался не показывать вида, что ему больно. С обрезанными под корень волосами, в порванной, испачканной кровью рубашке... Мой любимый.

– Ты должна выбрать день и время, в какое ты хочешь вернуться. Переместится не твое тело, а твое сознание. Ты станешь сама собой – Вивианой Арчер, поэтому не появится двух Ви, насчет этого не волнуйся.

– Двух Ви будет слишком много для этого мира, – пробурчала я, пытаюсь пошутить, и Яр широко улыбнулся.

– Это точно. В этом мире есть только одна, единственная и неподражаемая зайчишка Ви.

Я тоже хихикнула, но в сердце теснилось беспокойство.

– Что дальше?

– Проще всего переместить сознание, но небольшой предмет, такой как кристалл, тоже можно отправить вместе с тобой. Ты должна будешь как можно крепче сжать его в ладони.

– И кольцо! – сказала я. – Кольцо мастера Эрмина. Думаю, оно может мне пригодиться!

– И кольцо, – согласился Яр. – Его оставь на пальце.

Внезапно я догадалась, какая неправильность нашего замечательного плана не давала мне покоя все это время.

– А вы? – воскликнула я. – Браслет? Латифа, Хафиз? А этот гад?

Я вперила палец в грудь Фархана, который встрепенулся, будто тоже обрел надежду.

– Когда я вернусь назад в прошлое, что будет с вами? Ты, Яр, хотя бы окажешься в моей спальне! Но как же Лайти? Как же Хафиз? А Фархан снова сделается советником при короле и будет смущать его разум?

Хафиз развел руками, мол, такова жизнь. Латифа молчала и грустно улыбалась.

– Ничего, – сказала она. – Ты будешь знать, где меня искать. Я подожду. У меня в запасе много времени.

– Нет, так нельзя!

Я взглядела в лицо Яра, надеясь отыскать скрытый ответ. Я хотела верить, что ошибаюсь! Но мой джинн едва заметно качнул головой.

– Увы, Ви... Артефакты ты не сможешь пронести с собой. Если бы мы выбрали забвение – все стало бы проще. Я бы объяснил тебе, как уничтожить артефакты, и та же мощная сила, что отправит тебя в прошлое, расплавила бы наши тюрьмы и освободила нас...

– Это не свобода, – прошептала я, борясь со слезами. – Ты обещал! Обещал, Яр!

Он обнял меня, наклонился и негромко произнес:

– Я сказал: *если бы* выбрали забвение. Я выбираю тебя, Ви. Я люблю тебя.

– Я люблю тебя... – эхом подхватила я.

И в тот же миг поняла, что мне надо будет сделать, когда я вернусь в прошлое. Чуть отклонилась, так что очутилась нос к носу с Яром.

– Поцелуй же меня, мой несносный джинн.

Зажмурилась, ожидая, когда его теплые губы накроют мой рот. Я тут же захмелела от его пряного и сладкого поцелуя. Мы пили друг

друга, так жадно, как путник после долгой дороги припадает к колодезной воде.

– Моя Ви... – выдохнул Яр, с трудом оторвавшись от меня. – Ви... Послушай еще, это важно. Когда ты вернешься, рядом с тобой окажусь не совсем я. Тот Яр, которого ты призовешь из браслета, будет зол на весь мир и захочет тебе навредить.

– Ой... Ты навсегда останешься таким?

– Нет, память обо всем, что мы прошли вместе, вернется через какое-то время, но на это может уйти несколько часов или дней. Будь осторожна.

Я вспомнила Яра, в чьих глазах горел огонь ненависти, и поежилась.

– Не бойся, Ви. Ты найдешь на него управу. Заставь его подчиняться тебе во всем.

– Но как?

Заставить того Яра подчиняться было примерно так же легко, как сдвинуть взглядом гору...

– Очень просто. Силой моего настоящего имени.

– Что?! Яр...

– Ш-ш-ш, зайчишка. Кому, как не тебе, я могу доверить мое настоящее имя! Слушай и запоминай. Арслан Вакар Дари Пламя Сердца.

– Арслан... – произнесла я, пробуя имя на вкус, будто изысканное лакомство.

И рассмеялась, догадавшись:

– Лев! Так вот почему...

И Яр. Арслан. Рассмеялся тоже.

– Запомнила? Или еще раз повторить?

Я покачала головой: нет, не нужно. Каждая буква его настоящего имени огненными рунами горела на сердце. Разве я смогу забыть?

Яр кивнул: «Пора». Он, Хафиз, Латифа и мрачный Фархан, участвующий против воли, окружили меня кольцом. Джинны еще ничего не успели предпринять, но внутри круга сгустилась грозная сила, от которой слегка щипало кожу и волоски вставали дыбом, как во время грозы. Артефакты нагрелись.

– Ты можешь пожелать забвения только для одного из нас, – сказал Яр, посмотрев на бывшего сенешаля короля. – Тогда он больше не сможет смущать разум Карла.

Фархан побледнел. Желание свободы и власти не довело советника короля до добра. Трудный выбор! Если я предам мерзавца забвению, в будущем это избавит меня от многих проблем. Но... Кто я такая, чтобы казнить или миловать? Это герцог считал джиннов сгустками темной материи без души и разума, а я знала, что они такие же люди.

– Нет. Я никому не стану желать забвения.

– Ви, подумай еще раз! – не выдержал Хафиз. – Опасно оставлять такого врага за спиной. Он рано или поздно вспомнит все, что здесь происходило. Мы все вспомним.

– Очень на это рассчитываю!

Я обвела взглядом друзей: Латифу, растерянно прикусившую губу, сумрачного Яра, Хафиза, приподнявшего брови. Самым изумленным выглядел бывший сенешаль, потрясенный известием, что я сохраню ему жизнь.

– Просто доверьтесь мне!

– Хорошо, Ви, – ответил за всех Яр. – Вижу, ты знаешь, что делаешь.

– Спасибо!

Моя искренняя решительность убедила Яра. Когда я успела обрести эту внутреннюю силу? Когда из испуганной и слабой девочки превратилась в бойца? Нет ответа. Беспомощность уходила от меня по капле. С изнеженной графинюшки, какой я была, словно живьем сдирали кожу. Больно и страшно. Но та, что заплела в волосы темные пряди и вышла один на один против целого мира, потому что на всем свете больше некому было ей помочь, уже не была маленькой и робкой Ви.

– Я готова.

Джинны медленно двинулись по часовой стрелке. Очертания стен и мебели за их спинами размывались, погружались в темноту, пока не осталось ничего, кроме крошечного круга света, в котором стояла я.

– Я хочу вернуться в утро своего восемнадцатилетия. Сразу после пробуждения! – торопливо сказала я.

Можно было перенестись и на несколько дней раньше, но я не хотела рисковать: пусть браслет точно будет у Патрика.

Яр кивнул, не размыкая рта. Губы всех джиннов были плотно сжаты, и в воздухе гудело низкое мелодичное: «М-м-м-м...», словно одна-единственная нота. От этого звука моя душа дрожала и рвалась наружу, я ощущала это всем своим существом. Фигуры джиннов превратились в расплывчатые тени с красными угольками на месте глаз.

За гранью круга разрасталась мгла, поднималась над человеческими силуэтами волной с неровными краями. Она угрожающе зависла надо мной, подрагивая, точно живая.

«Не бойся... Не бойся...» – коснулся разума неслышимый шепот.

Темнота хлынула, словно вода, захлестывая меня с головой, и увлекла в водоворот. Я вскрикнула, забарахталась, инстинктивно пытаюсь выбраться. Темнота залила глаза, нос, потекла в рот. Я захлебнулась и растворилась в ней...

...Чтобы в следующее мгновение очутиться в собственной постели, в спальне, наполненной светом утреннего солнца.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Я жива, я дышу! Голова кружилась, слабость такая, что затылок от подушки не оторвать. Руки плохо

слушались, были как чужие, однако я с усилием приподняла одну, другую. Пошевелила пальцами перед глазами. Мои ладони. Ноготки аккуратно подпилены, а не обкусаны. Розовые мягкие подушечки – ни следа мозолей. Я чувствовала гладкость шелковых простыней, ворсинки пледа, мягкость ткани тонкой хлопковой сорочки.

– Получилось? – прошептала я и испугалась звука собственного голоса: так хрипло он звучал.

Я рывком села на постели и осмотрелась. Сознание плыло, как после тяжелого сна, но все случившееся не приснилось: на среднем пальце левой руки посверкивало тонкое колечко мастера Эрмина, рядом с подушкой лежал кристалл. А вот артефакты исчезли. Яр предупреждал, что так будет, и все же в солнечном сплетении угнездилась тревожная пустота: без браслета на руке я чувствовала себя голой.

Браслет! Я отыскала взглядом место на полке, где лежал подарок Патрика, но подушечка, на которую брат собственноручно водрузил артефакт, пустовала. Я вскрикнула.

«Спокойно, спокойно! – урезонила я колотящееся сердце. – Пат просто не успел мне его подарить. Еще слишком рано. Интересно, который час?»

Я соскочила с кровати и облачилась в легкий халатик. Впереди долгий и трудный день, каждый час на счету! Первым делом нужно отыскать брата и попросить свой подарок. Вот он удивится! Маленькая сестренка прежде не выказывала такого нетерпения.

Мой Патрик...

Ноги вдруг сделалась ватными. Я вынуждена была опуститься на ковер, пережидая слабость. Он правда жив? И родители? Все они – живы? Еще не поздно?

– Еще не поздно? – беззвучно шевельнулись губы, и из глаз потекли прозрачные слезы, вымывая из души черную боль. – Я успела...

Однако нельзя расслабляться, пока не наступит утро следующего дня. Враги сильны и жестоки, переиграть их будет непросто.

В дверь постучали.

– Стрекозка? – услышала я звучный баритон любимого старшего брата. – Ты проснулась? Знаю, что проснулась. Я принес тебе подарок.

Я распахнула дверь и бросилась Патрику на шею, прижалась изо всех сил. Не выдержала и разревелась, оставляя мокрые следы на ткани модного сюртука. Мой брат из плоти и крови, живой, настоящий стоял передо мной. Я уже забыла, как пахнет Патрик: цветочным мылом и терпким древесным ароматом туалетной воды – подарка мамы.

– Что случилось, Ви? – моментально спросил он, не ожидая, конечно, что сестра встретит его на пороге комнаты слезами. – Ведь что-то случилось, я чувствую.

– Что-то случилось, – всхлипнула я.

Бесполезно обманывать Патрика, притворившись, что я увидела страшный сон или переживаю из-за сломанного ногтя: брат хорошо меня знает и тут же раскусит ложь.

Пат приподнял мое заплаканное лицо за подбородок и ласково вытер слезы:

– Ты можешь рассказать мне все.

Я так и собиралась поступить, но позже. Сначала нужно сделать кое-что важное.

– Ты куда-то уходишь? – вспомнила я.

– Просто прогуляться, – махнул он рукой. – Ничего серьезного. Подумаю о бренности бытия.

Наверное, я сильно побледнела, потому что брат торопливо добавил в обычной своей шутливой манере:

– И о том, что придется смириться с решением родителей насчет поступления в Университет. Так уж и быть – на юридический факультет, если с магией не задалось.

Узнаю любимого брата. Эх, Патрик, вот ты удивишься, когда узнаешь о моих злоключениях. И, может, капельку позавидуешь – очень на это рассчитываю, – как только поймешь, что я сама колдовала!

– Но, если я тебе нужен для разговора, я останусь и дождусь, когда ты готова будешь поговорить, – закончил он.

– Дождись, пожалуйста, – прошептала я и, приподнявшись на цыпочки, поцеловала брата в гладковыбритую щеку.

Патрик опустил пятерню на мою макушку и взлохматил и без того взъерошенные после сна волосы.

– Эй!

– Стрекозка, ты меня так огорошила слезами, что я забыл о главном! Думаю, мы скоро решим проблему оторванного кружева на подоле или несвоевременно вскочившего прыщика, хотя... – Брат демонстративно пригляделся к моему лбу. – Он так мал, что я его не замечаю. Но сейчас позволь поздравить тебя с началом взрослой жизни. Впереди все самое интересное!

– Да уж... – пробормотала я. – Ты и представить себе не можешь.

– А-а, я, кажется, понял! – воскликнул Патрик. – Ты боишься! Боишься, что выросла и впереди неизвестность.

Ах, Пат, если бы ты знал, насколько ты близок сейчас к верному ответу! Я действительно боюсь. Боюсь до дрожи в коленях ближайшего будущего. Я все тебе расскажу очень скоро, но всему свое время.

– Где мой подарок?

Пат снова расцвел в улыбке. Он подготовил сюрприз и собирался насладиться моим изумлением.

– Угадай, что я тебе принес?

– Браслет. Браслет для моей коллекции. Отдай, пожалуйста.

У брата глаза полезли на лоб. Прости, Патрик, что испортила тебе игру, но у меня не осталось никаких сил ждать, пусть и лишнюю минуту!

– Ну, Ви... – расстроено сказал он, однако перестал обижаться, когда вынул из кармана артефакт и я с писком повисла у брата на шее. – Я рад, что тебе понравилось! И все же я хочу тебя предупредить...

Я согласно кивала в ответ на слова Патрика о том, что в браслете заключен коварный и злой джинн, с ним нужно быть осторожной, никогда-никогда-никогда его не призывать.

– Хорошо, хорошо!

– Ты точно меня услышала? – Брат с подозрением пригляделся к моей физиономии с пылающими щеками.

Не знаю, почему они горели: от стыда за вранье или от предвкушения встречи с Яром?

– Я сам положу браслет на полку, – не успокоился Патрик и водрузил артефакт на бархатную подушечку. – Смотри, Ви! Я ведь не пожалею о своем подарке?

– Точно нет! – Вот теперь я говорила искренне.

Брат расцеловал меня, еще раз поздравил с совершеннолетием и напомнил, что будет ждать в гостиной, когда я захочу поговорить.

Едва за Патриком закрылась дверь, я бросилась к полке, не сомневаясь ни мгновения, застегнула браслет на запястье. Набрала воздуха в легкие.

– Появись!..

Передо мной возник джинн. Пряди смоляных волос опускались ниже плеч, падали на узкое лицо. Взгляд черных глаз обжигал, радужка была окаймлена ярко-оранжевым цветом. Широкие плечи обтягивала черная ткань с серебряной и золотой вышивкой. У шеи ткань расходилась, приоткрывая голый торс.

Как же джинн испугал меня своим видом в свое первое появление! Мой Яр.

Он злобно уставился на меня: для нынешнего Яра я была незнакомкой, капризной аристократочкой, заполучившей артефакт.

Как же стерпеть и сразу не накинуться на тебя с поцелуями? Наверное, надо сначала поговорить, да?

– Что молчишь, хозяйюшка, или поджала хвост от страха? – грозно произнес Яр.

Но мне показалось, что его голос прозвучал капельку неуверенно. Джинн-то ожидал увидеть ужас на моем лице, а вовсе не глупую счастливую улыбку.

Он надвинулся на меня, заставляя отступать. Я подыграла, вспомнив нашу первую встречу. До сих пор по коже бежали жаркие мурашки, когда вспоминала, как пальцы Яра скользили в воздухе в сантиметрах от моей разгоряченной кожи.

Я прижалась к стене, зажмурилась. Яр наклонился, едва не касаясь носом ямочки под ключицей. Меня окутал аромат горьких трав и пряностей.

– М-м-м, сладкая невинная зайчишка. Ландыш и яблоки... – плотоядно выдохнул мой джинн.

«Ой, боюсь, боюсь!» – хотела ответить я, еле удержалась.

Распахнула глаза и уставилась в черные омуты с огненной каймой вокруг радужки. В них тлела ненависть. Но там, в глубине, пряталась боль. А еще глубже, под слоем пепла, жила любовь, смелость, искренность и самоотверженность.

– Сладенький джинн, – хищно улыбнулась зайчишка.

И обвила его шею руками. Клянусь всеми богами, Яр чуть было не начал вырываться. Огонь в глазах погас, а на лице проступило удивление. Потом он вспомнил, что это он меня пугает, и вернул себе суровый и надменный вид.

– Хочешь попробовать горяченького? – криво усмехнулся Яр. – А не боишься обжечься? Думаешь, заполучила игрушку для забав? Я не буду с тобой ласков. Пожалей свой нежный цветок.

Я подалась вперед и коснулась уголка рта поцелуем, невесомым, точно ветерок.

– Я не боюсь.

Еще один поцелуй, но теперь я уже ощутила мягкость теплых губ. Колени задрожали, и внизу живота налилась привычная тягучая тяжесть.

– И ты будешь нежен.

Я провела кончиком языка по губам Яра, проникла внутрь, дразня и приглашая. Он с рычанием сгрэб меня, рывком притянул к себе, вжимаясь в меня, сменяя с неистовой страстью. Хотел испугать? Нет, я чувствовала, что Яром тоже овладело желание.

Я подтянулась и обхватила ногами его бедра, а он прижал меня к стене, навалился, придерживая снизу, чтобы я не сползла, и целовал, целовал...

Полы моего халата распахнулись, только на талии соединялись тоненьким пояском. Сорочка задралась, обнажая ноги. Я запустила пальцы в смолянисто-темные пряди. Его чудесные гладкие волосы.

Мельком я уловила в высоком зеркале наши отражения – переплетенные тела. Я не могла отвести глаз от смуглокожего красавца Яра. Узоры на его черном халате переливались золотом и серебром. Он так прекрасен и грозен, будто кинжал из серебряной стали. Яр вжимал меня в стену, стоя между моими бесстыдно разведенными ногами. От этого неприличного зрелища меня охватило настолько сильное

вожделение, что я, едва не задохнувшись, протолкнула сквозь припухшие от поцелуев губы:

– Возьми меня. Возьми меня сейчас.

Надеюсь, Яр, когда к нему вернется память, не разозлится на меня за самоуправство. Будь у меня чуть больше времени, я бы подождала, пока Яр вспомнит обо мне и о нашей любви, но время утекало сквозь пальцы.

– Взять тебя? – Мой джинн сверкнул глазами. – Я смотрю, невинность теперь не слишком в цене у высокородных девиц? Они все так бесстыдны?

Он решил, что я использую его, как герцог Алдон – Латифу.

Ох, Яр, ты, верно, хотел задеть меня этими злыми словами, но не получится: устыдишься, когда память к тебе вернется!

– Смотри, зайчишка, как бы тебе не пожалеть! Будешь молить о пощаде!

Я облизнула губы и хрипло рассмеялась.

– Заставь меня умолять!

О, эта новая Вивиана меня саму пугала до дрожи, но эту Ви было не остановить: она ждала слишком долго!

Мы упали на кровать, Яр навалился сверху, прижав меня к перине, распластав по ней, поднял над головой мои руки, удерживая за запястья. Я извивалась под ним, с губ срывались короткие стоны, в которых смешались нетерпение и страсть. Но Яр не торопился. Его язык провел по мочке уха, по ложбинке шеи, спускаясь все ниже, исследуя, изучая каждый изгиб моего тела. Яр разорвал сорочку на две половинки, лоскуты сорвал и бросил на пол вслед за измятым халатиком. Освободил меня от белья.

Я прыснула, когда кончик языка защекотал пупочную впадинку, и почти сразу вскрикнула, когда Яр, раздвинув мои колени, припал к пульсирующей, чувствительной точке в самом потайном местечке моего тела.

– Ах! Нет...

– Мне прекратить? – Он приподнял голову.

– Нет!

– Умоляй!

– Умоляю... – выдохнула я. – Не прекращ... Ах...

Я забыла, что умею дышать и думать.

– Я сейчас... умру... – выдавила я через некоторое время.

– Не умрешь! – расхохотался Яр. – Хотя... Кто-то называет это маленькой сладкой смертью.

– Иди ко мне!

Любимый джинн накрыл мое тело, покрытое капельками пота, своим горячим телом. Он тоже был обнажен.

– Откуда ты свалилась на мою голову, такая жаркая, такая вкусная девочка? – прошептал он между поцелуями. – Что за наваждение? Я хотел, чтобы ты кричала от боли, а ты кричишь от удовольствия...

А вот мне придется сделать тебе немножко больно, Яр, ты уж потерпи и прости меня. Ты все поймешь позже.

Я взяла его лицо в ладони и заставила смотреть на себя. И пусть в моих словах звучала лишь нежность и любовь, он все равно дернулся, как от удара кнута.

– А теперь слушай меня, Арслан Вакар Дари Пламя Сердца. Слушай и не смей нарушить мой приказ.

Яр втянул воздух сквозь сомкнутые зубы, точно я прижгла его каленым железом. Отпрянул бы, но сила его настоящего имени держала крепче любых оков. Прости, прости меня...

– Кто тебе сказал мое имя? – выплюнул он. – Кто эта продажная тварь?!

– Ты узнаешь... Позже...

На моих ресницах против воли набухли слезы: слишком обидно видеть неприкрытую ненависть Яра. Я не выдержала.

– Я люблю тебя, Арслан Вакар Дари Пламя Сердца. Пусть сейчас тебе дико это слышать. Люблю искренне, всей душой. Ты забереешь мою невинность и загадаешь желание.

Яр слушал, сузив глаза.

– Желание? Я желаю лишь забвения.

– Нет! Ты желаешь свободы! Себе, Латифе Дании Заире Стреле Утра, Хафизу...

Я запнулась и ужаснулась: я не узнала полного имени Хафиза.

– Хафизу Ахсану Идрису Мудрому Филину? – спросил Яр.

Выражение его лица менялось будто погода во время приближения грозы: то мрачнее тучи, то словно из мглы блеснет лучик света – это когда я произнесла имя Латифы.

– Думаю, это он... И еще ты должен пожелать свободы для Фархана Бадра Джазима Повелителя Ветра.

Это имя я произнесла еле слышно. Не делаю ли я ошибки? Сейчас думать об этом не хотелось. Яр взглянул непонимающе:

– Это имя мне незнакомо.

– Познакомитесь, – пробурчала я.

В спальне, еще недавно наполненной тихими стонами и вздохами, повисло молчание.

– Может быть, я незаметно для себя самого оказался на том свете, где меня ублажает прекрасная юная и невинная дева? – спросил Яр то ли в шутку, то ли всерьез.

– Ты все еще на этом свете, – улыбнулась я. – Однако прекрасная и невинная дева полностью твоя и только твоя. И любит тебя!

Взгляд Яра в этот момент я хочу запомнить до конца своих дней.

В его поцелуе кроме страсти сквозила нежность. Огонь желания разгорелся во мне с новой силой. Страха вовсе не осталось, и когда Яр, приподнявшись на локтях, заглянул мне в лицо, будто спрашивая, согласна ли я идти до конца, не передумала ли, я несколько раз быстро кивнула.

Вскрикнула, вцепившись в плечи Яра, а он замер, пережидая, и гладил мои руки, целовал шею и запрокинутое лицо, но боль отступила очень скоро, сменившись наслаждением. Непривычные ощущения и удивительная наполненность, движения, древние, как сама жизнь. Я сама подавалась навстречу, все больше раскрываясь с каждым мгновением. Я шептала любимое имя, ловила дыхание Яра, пила его поцелуи. Летела навстречу солнцу, удерживаемая его надежными, крепкими объятиями.

Я сгорела! Какая сладкая гибель. И воскресла в руках Яра.

Открыла глаза и увидела ласковый и любящий взгляд.

– Ох, Ви... Моя настойчивая девочка... Ты все-таки добила своего.

– Ви? – Я не верила своим ушам. – Ты вспомнил? Вспомнил меня?

– Да, любимая.

И тогда я расплакалась от счастья.

Я дремала на плече Яра, а он кончиками пальцев гладил мою спину, проводил по плечу, по бедру. Я совсем не стеснялась нашей наготы, наоборот, все случившееся казалось правильным. Зачем мы так долго тянули?

– Как же спать хочется, – сонно пробормотала я.

Неудивительно: мой день начался утром в поместье герцога Алдона с известия, что король ждет нас на аудиенцию, и с той минуты я не сомкнула глаз.

– Поспи часок. – Яр тихонько поцеловал меня в макушку. – Тебе нужно отдохнуть.

Это верно, вечером мне понадобятся все мои силы и вся моя удача, чтобы переиграть врагов.

– Ладно, – сдалась я.

И провалилась в сон, едва смежив веки, но почти сразу, как мне показалось, Яр меня разбудил. Он наклонялся надо мной уже полностью одетый, в любимом своем облике вольного наемника.

– Пора, Ви.

Я улыбнулась и сладко потянулась. По телу разливалась удивительная нега. Яр любовался-любовался на мое обнаженное тело и не сдержался, лег рядом, притянул к себе и накрыл рот поцелуем.

– Что же ты делаешь со мной... Моя Ви... Моя любовь...

Мы еле-еле сумели остановиться. Ничего, у нас впереди вся жизнь, чтобы насладиться друг другом.

Я села на постели и посмотрела на браслет, который как-то потускнел и состарился. Он стал похож на сброшенный кокон, из которого вылупилась бабочка. Я тронула застежку, и браслет, раскрывшись, скатился на колени. Он стал пустым и ненужным.

Яр следил за ним настороженным взглядом, точно ждал, что освобождение временно и его скоро снова затянет в заточение.

– Попробуем? – спросила я. – Хочу тебе что-нибудь приказать, а ты сопротивляйся. Хорошо?

Яр кивнул, и я снова надела браслет. Мышцы на его руках напряглись, будто он собирался бороться за свою свободу до

последнего вздоха.

– Арслан Вакар Дари Пламя Сердца, я приказываю тебе...
Приказываю... Присесть пять раз!

Яр прислушался к себе и вдруг расхохотался, запрокинув голову.

– Ни-че-го! – отдельно произнес он.

– Сработало... – прошептала я. – На самом деле! Ты свободен, Яр!
Теперь твоя жизнь – только твоя. И этот... Как его...

– Ваис Данияр?

– Да! Он не обманул насчет потерянной невинности и исполнения желания.

Яр потянулся и поцеловал меня в кончик носа.

– Или так, или мы с тобой только что создали новую легенду.
Любовь на самом деле творит чудеса.

– А где Латифа и Хафиз? Я рассчитывала, что они придут на помощь.

– Так и будет! Но им нужно больше времени, чтобы память вернулась. Ведь им не устраивали... хм... встряски!

Мы рассмеялись. Вот поразится герцог, когда потеряет свое главное сокровище! Герцог. Я только сейчас о нем вспомнила. Не ожидала от себя, однако я обрадовалась, что сейчас, в прошлом, он жив и, если не увидит себя в отражении, протянет еще долго: теперь сердечный приступ ему не грозит. Он гадкий человек, и все же во дворце короля встал на мою сторону и отдал перстень по доброй воле.

– И все же почему ты пожелала свободы для Фархана? – спросил Яр.

Сложный вопрос.

– Понимаешь... Убить я его не могла, в кого бы я тогда превратилась? В палача? Но и оставлять венец в руках Карла не лучшая идея: Фархан продолжит править страной руками короля.

Яр внимательно слушал, не перебивал.

– Если я правильно поняла натуру Фархана, получив свободу, он не уйдет из дворца, однако и послушным советником короля не станет. Будет пытаться перетянуть власть, наверняка вступит в заговор с советом. В общем, у Карла появится новая забота вместо того, чтобы строить козни. Ему придется справляться со своим сенешалем, хитрым, коварным и вышедшим из-под контроля.

Яр покачал головой, но не осуждающе, а восхищенно.

– Умно, Ви!

Приятно услышать похвалу, и все-таки радоваться рано: впереди самое сложное. Я наметила план, но подозревала, что в нем есть пробелы и темные пятна, а значит, необходимо обсудить его с Яром, Патриком, Латифой, Хафизом и родителями. Для начала расскажу все старшему брату, а когда он мне поверит – в этом я не сомневаюсь, – отправлю Пата к отцу: он скорее прислушается к старшему сыну, чем к фантазерке-дочери.

Я вылезла из постели. Нужно привести себя в приличный вид. На полу валялись измятый халатик и превратившаяся в две тряпочки сорочка. М-да...

– Надо позвонить горничной, чтобы принесла воды, – сказала я себе. – Яр, ты спрячься пока. Она поможет мне одеться и уложит волосы... Как долго! Да еще и постельное белье...

Крови немного, и все же она ярко выделяется на светлой простыне. Застирать? Сжечь?

Яр щелкнул пальцами, и постельное белье сделалось чистым и свежим, расправилось. Покрывало зашевелилось, как живое, и растянулось по углам.

Еще одно легкое движение ладонью, и с моей кожи исчезли капельки пота.

– Вода не нужна, – улыбнулся он и сложил кончики пальцев. – Горничная тоже.

Я стояла в центре комнаты, одетая, умытая, причесанная, благоухающая, точно утренняя роза. А Яр, склонив голову набок, смотрел на меня, будто живописец на полотно.

– Тебе больше пойдет сиреневое.

Платье тут же поменяло цвет, волосы крупными локонами рассыпались по плечам.

– Красавица моя, – ласково произнес Яр. – Тебе нравится? Или хочешь другой фасон? Другой цвет? Другую прическу? Только скажи!

– Вот так разбалуюсь и забуду, каково это – одеваться самой, – пробормотала я немножко сварливо, изо всех сил скрывая довольную улыбку.

– Разбалуйся! – Яр оказался рядом и поцеловал меня. – Для меня счастье – баловать тебя, моя радость.

Патрик, как и обещал, ждал меня в гостиной, листая свод законов, – видно, всерьез решил заняться юриспруденцией. Вот и хорошо, миру нужны такие законники, как мой брат: непредвзятые, благородные и смелые.

– О, Ви! – удивленно воскликнул он. – Да ты уже принарядилась!

Он похлопал по дивану, приглашая устроиться рядом с ним, но я качнула головой.

– Нет, пойдем со мной. Я хочу тебя кое с кем познакомить.

Патрик без лишних разговоров последовал за мной. Он выглядел заинтригованным, но терпеливо молчал. Вот за что еще люблю своего старшего брата – за его терпение.

Я толкнула дверь в спальню, приглашая Пата зайти. Тот приподнял бровь, будто ждал какого-то веселого сюрприза – ответного хода от младшей сестренки. Но, перешагнув порог, брат моментально схватился за кинжал у пояса, с которым не расставался.

Два самых любимых мужчины в моей жизни насупленно и подозрительно разглядывали друг друга исподлобья.

– Кто этот наемник, Ви?

Патрик шаг за шагом занял позицию передо мной, закрывая спиной. Что он успел вообразить: меня шантажируют? Взяли в заложницы?

Я обогнула Пата, ускользнула от его руки, которую он выставил, чтобы удержать меня, и встала рядом с Яром, взяла его за руку. И Яр, не отводя глаз от Патрика, молча сжал мои пальцы.

Надо было видеть лицо моего брата! Ух! Незабываемое выражение! Лицо ничуть не разгладилось, и доверия на нем не стало и на толику больше.

– Отойди от моей сестры! Не знаю, кто ты и что забыл в нашем имени, где познакомился с наивной девушкой, но ты к ней больше не прикоснешься.

– Это не тебе решать, – процедил Яр.

Он старался не сорваться на грубость, но тоже распалился. Что мне делать с этими двумя горячими головами? Не хватало еще, чтобы

они сцепились.

– Так! Все! – крикнула я, вставая между Яром и Патриком. – Сейчас, Пат, ты успокоишься и выслушаешь меня. Яр не представляет для меня опасности. Точно не он! Сядьте!

Сейчас я чувствовала себя самой мудрой и спокойной из нас троих. О боги, дайте сил. День еще только начался, а неприятности уже тут как тут.

Яр и Патрик присели. Яр – на банкетку у стены, брат – на край постели. Он все так же стискивал кинжал и, если бы заподозрил Яра в покушении на мою честь, непременно пустил бы его в ход. Ой, Пат, что было бы, зайди ты в комнату на полчаса раньше! Мы ведь даже дверь не заперли – так были увлечены друг другом.

Я усмирила мурашки, побежавшие по рукам, и твердым голосом сказала:

– Патрик, знакомься, это мой джинн, – и поскорее добавила, не дожидаясь, пока Пат метнет в «коварное и злобное существо» свое оружие: – я люблю его! А теперь, пожалуйста, выслушай! И не перебивай!

На скулах Пата ходили желваки, он сжимал челюсти так, что они побелели. Конечно, он не доверял джинну: тот мог меня заморочить, околдовать. Поэтому брат, хоть и кивнул, только ждал подходящего момента, чтобы схватить меня и вытащить из комнаты.

– Ты ведь обещала не трогать браслет, – только и сказал Патрик, но тут же раздосадованно тряхнул головой. – Сам дурак! Дать девчонке в руки такую приманку и надеяться, что она послушается... Прости, стрекозка. Я тебя спасу.

– Не надо никого спасать! – взорвалась я. – По крайней мере сейчас! А вот вечером... Да выслушай же!

Я в отчаянии оглянулась, пытаюсь ухватиться взглядом за что-то, что поможет начать разговор. А потом вспомнила: кристалл-вестник! Сейчас он лежал в моем кармане: Яр стал настоящим специалистом по части устройства незаметных, но глубоких карманов в платьях. Я выхватила кристалл и включила.

В воздухе над кристаллом задрожало полупрозрачное, однако вполне отчетливое изображение: кабинет короля, сам Карл, сидящий у круглого стола, а рядом с ним невозмутимый сенешаль, бледный герцог, держащийся за горло, и я. Я выглядела перепуганной

девчонкой, которая изо всех сил старается не подавать вида, как ей страшно. За моей спиной стоял Яр, положив руку мне на плечо.

Патрик подался вперед, ловя каждое слово, благо речь звучала четко и ясно.

«– Мой король, благодарю за уделенное нам время. Вы хотели услышать мою историю...»

– Заткнись!»

К счастью, брат не стал задавать лишних вопросов, внимательно слушал. Хотя выглядел ошарашенным – еще бы!

Запись дошла до конца, изображение моргнуло, и снова появился Карл, на этот раз крупным планом, но теперь перед нами предстал не самоуверенный юнец, а испуганный хлюпик.

– Я все расскажу! – бормотал он. – Все-все...

– Что же... – глухо сказал Патрик, когда и эта запись закончилась, кристалл погас и в комнате сделалось тихо. – Говори.

Я с облегчением вздохнула и произнесла:

– Это случилось несколько недель назад. В день моего совершеннолетия. Да, для меня это прошлое, Патрик, хотя я понимаю, как трудно тебе это переварить.

Я рассказала все, не щадя чувств брата, он должен знать всю правду до последней детали: любая незначительная мелочь может сыграть роковую роль. Как те бубенцы на повязке...

Пат время от времени поглядывал в сторону Яра. Мой джинн, надо отдать должное его выдержке, не перебивал, хотя тоже многое мог добавить. И добавит, когда я закончу. Взгляд Патрика постепенно смягчался и теплел, а ведь поначалу, когда я поведала, что оказалась в тюремной камере, думала, брат все же кинется на Яра. Я заранее взяла Пата за руку и успокаивающе гладила.

Я рассказала о том, как мы собирали артефакты, какой опасности подверглись во дворце, как благодаря помощи мастера Эрмина мне все же удалось отобрать у Карла венец и как магия джиннов перенесла меня в прошлое.

– Смотри, что у нас есть, – подвела я итог. – Кристалл с признаниями Карла. Колечко мастера Эрмина. Он сейчас ничего не помнит, но почувствует, когда я сниму его сигнальный артефакт. Придет хотя бы затем, чтобы выяснить, кто его вызывает. И джинны на нашей стороне! Теперь они свободны!

– Как же ты освободила их? – прямо спросил Пат.

– Это потом... Это неважно. Главное, что Яр, Хафиз и Латифа придут на помощь.

– Если вспомнят.

– Вспомнят! А теперь помощи нам придумать план. Давайте все продумаем так, чтобы у Дейтонов и Фарли не осталось и шанса!

При воспоминании о надменной физиономии Адриана меня передернуло.

– Он к тебе не притронется! – твердо сказал Патрик.

– Он не выйдет сегодня живым из этого дома! – мрачно добавил Яр.

– Но драться с ним буду я! – осадил его Пат.

– Это почему?

Оба снова начали закипать.

– Слушайте, – устало произнесла я. – Самым слабым звеном нашего плана может стать ваша глупая вражда. Давайте, переубивайте друг друга за право сразиться с Адрианом! Он-то только рад будет такому повороту! Яр! Патрик! Быстро пожмите друг другу руки!

Патрик поднялся на ноги. Яр сделал первый шаг навстречу. Мои суровые мальчишки, не меняя каменных выражений лиц, протянули руки и обхватили друг друга за предплечья в старинном жесте воинского побратимства.

– В какую красавицу превратилась наша Вивиана! – воскликнул барон Коннорс.

Он протянул было пухлые пальцы к моей щеке, собираясь потрепать ее, как в детстве, но сконфузился, сообразив, что перед ним больше не малышка, а юная леди.

– Благодарю. – Я присела в почтительном поклоне.

– Какая интересная прическа! – Баронесса, близоруко прищурившись, разглядывала мои волосы. – Это теперь модно? Где можно приобрести такие шиньоны?

Я невольно коснулась гладких темных прядей, искусно вплетенных в мои белокурые локоны, нашла взглядом Яра, одетого в форму лакея, – коротко стриженного и оттого будто бы помолодевшего года на три. Он стоял у камина, неподалеку от Адриана, и держал поднос с бокалами игристого вина. Адриан поставил пустой, и Яр тут же предложил ему следующий.

– Это эксклюзивный заказ, – вежливо объяснила я баронессе. – Специально для меня.

– Леди Коннорс!

Из-за моей спины появился Патрик и наклонился к руке гостыи. Его светлые волосы перевивали каштановые косички.

– О Патрик, – изумилась та, – неужели новые веяния коснулись и мужчин?

В принципе, наследник рода Арчер уже никого не мог удивить своими сумасбродствами.

– Согласитесь, мне идет, – не моргнув глазом и нисколько не смутившись, ответил брат и обезоруживающе улыбнулся.

Только я, да еще родители, стоящие по обе стороны от меня, видели, что в глазах Патрика нет веселья – в них застыло напряженное внимание. Мы все были на взводе, но раньше времени нельзя выдать себя ни словом, ни взглядом.

Пат, как и я за минуту до этого, посмотрел на хорошенькую служанку, почтительно застывшую у выхода на веранду. В строгом

коричневом платье и с белой наколкой на голове Латифа выглядела скромной и совсем юной.

Видел бы ее кто-нибудь несколько часов назад, когда Лайти, орудуя портновскими ножницами, смело обкорнала по плечи свои прекрасные волосы. Патрик болезненно морщился, глядя, как на колени Латифы падают шелковистые пряди.

– Мне жаль...

– Не стоит! – ответила она грубовато. – Отрастут! А вот тебе новое сердце никто не выдаст, когда его пронзит сталь. Так что давай, малыш, будем учиться простейшим заклинаниям!

– Малыш? – Патрик изогнул бровь.

Рядом с хрупкой Лайти он скорее походил на среднего размера медведя: мой брат по ширине плеч превосходил даже Яра. Но спорить не стал. Присел на корточки рядом с Латифой, подставляя голову.

– Можешь звать меня как тебе нравится, – едва не промурлыкал он, когда тонкие пальцы забрались в его пышную шевелюру.

Я, хоть и волновалась из-за предстоящих событий, не смогла не хихикнуть. Такое трогательное зрелище: Патрик у ног Латифы и мурчит, будто огромный кот, пока она его гладит.

– Надолго хватит магии? – жмурясь, спросил он.

– До утра хватит.

– Эх, жаль, не навсегда. Но хотя бы ненадолго смогу ощутить, каково это... – Патрик посмотрел на свои руки, словно первый раз их видел, наверное, начал ощущать покалывание в кончиках пальцев. – Каково это – быть магом.

Сегодняшний день будто бы немислимым образом растянулся во времени, хотя магия здесь была ни при чем: просто каждый час, каждую минуту заняли приготовления. Ничего не упустить, все предусмотреть!

Сложнее всего оказалось убедить отца. Он недоверчиво хмурил брови, переводя взгляд с Патрика на меня и обратно.

– Сын, признавайся, это какая-то несмешная шутка.

– Да нет же! – воскликнули мы с братом одновременно.

Я немного просчиталась, думая, что отец скорее поверит сыну. Это Патрику-то! Постоянно влипающему в приключения. Конечно, папа решил, что Пат подбил меня на розыгрыш.

– Неужели ты думаешь, что я научилась подделывать записи кристалла-вестника?!

– Ты – нет, – покачал головой отец. – А вот от этого разгильдяя можно ожидать чего угодно.

– Отец, я знаю, что доставил вам с мамой немало хлопот, – как никогда серьезно сказал Патрик. – Но сейчас нет места веселью. Ты утром пытался попасть на аудиенцию к Карлу. Он принял тебя?

Моя славная мамуля проявила недюжинную выдержку и самообладание, держала себя в руках, даже когда увидела запись в кристалле, когда узнала о заговоре и о том, что им с отцом грозит скорая гибель, она не вмешивалась в беседу, но теперь вскинулась, встала рядом с мужем и заглянула ему в глаза.

– Прислушайся к детям, Киллиан, иначе быть беде. Патрик порой балбес, но он никогда не стал бы играть с такими вещами.

– Отец... – Пат протянул отцу бесценный кристалл. – Отправимся сейчас вместе во дворец и убедим Карла нас принять. Думаю, королевский сенешаль лорд Айман может нам в этом поспособствовать.

Мы с братом обменялись понимающими взглядами: самое время напомнить Фархану, кому он обязан свободой, а заодно намекнуть, что нам лучше стать союзниками, а не врагами.

Мама, хоть и ужасно волновалась, взяла себя в руки и продолжила руководить слугами, готовящими дом к прибытию гостей. Когда я представила ей Яра, мама выдавила растерянную и немного испуганную улыбку. С джиннами она прежде дел не имела, но была наслышана об их коварстве. И, хотя знала, что Яр на нашей стороне, чуть-чуть побаивалась его.

– Какая у вас необычная внешность, – растерянно произнесла она, когда Яр почтительно склонился перед хозяйкой дома. – И волосы... такие темные... и длинные.

– Подстригусь, – бесстрастно сказал Яр. – Сегодня же.

Мама не подавала вида, что смущена, даже когда посреди гостиной материализовались прекрасная девушка в восточном платье и лысый старик, попыхивающий трубочкой.

– Добрый день, – как ни в чем не бывало поприветствовал обмершую маму Хафиз. – Не подскажете, где я могу увидеть Арслана и Вивиану? А вы, должно быть, ее матушка? Очень рад, очень рад!

– Добро пожаловать в наш дом, – робко улыбнулась мама и помахала в сторону дивана, где мы с Яром как раз обсуждали стратегию. – Я только попрошу вас не курить в гостиной...

Хафиз тут же повел рукой, и трубочка растворилась в воздухе.

– Не волнуйтесь, это просто иллюзия.

Мама отправилась было к выходу, чтобы немного успокоиться наедине с собой: все-таки три джинна на одну мамулю – слишком много за один день. Но, не дойдя до двери, она вернулась и поклонилась гостям:

– Спасибо, что пришли на помощь. Не знаю, как и благодарить...

– Не стоит благодарности, – ответила Латифа, и они с Хафизом склонили головы в ответ. – Это мы должны сказать спасибо вашей дочери за все.

Мы с Лайти встретились взглядами, и сияющие глаза Латифы яснее любых слов говорили мне, как она счастлива и как признательна за свободу. Конечно, она захочет расспросить меня обо всем, – тут я залилась краской смущения, – но всему свое время.

Мастер Эрмин прибыл телепортом именно в тот момент, когда мамуля уговорила «дорогих гостей» присесть за стол и перекусить. Есть действительно хотелось: во рту с утра не было маковой росинки.

Я сняла с пальца сигнальный артефакт еще пару часов назад и почти уверилась, что здесь, в прошлом, он не сработал, как раздался грохот дверей: мастер Эрмин не церемонился с препятствиями на своем пути. И вот в столовую заявился боевой маг собственной персоной.

Оглядел нас из-под сдвинутых к переносице бровей.

– Так. Я не понял. Кто вы такие и почему я получил оповещение сигнального артефакта? Я никому его не отдавал.

– Присаживайтесь к столу, дорогой мастер Эрмин, – радушно пригласила мама, сгладив напряжение.

Мастер Эрмин мог быть свирепым и выглядеть устрашающе, но улыбка симпатичной женщины его обезоружила.

– Хм... – произнес он. – Для завтрака поздно, для ужина рано.

– Это обед, – робко сказала я, снова чувствуя себя цыпленком на учебном полигоне.

– Я не обедаю!

– Прошу вас, присядьте. Мы все объясним.

Шаг за шагом, выстраивался замысел, который мы надеялись осуществить вечером. Мы старались предусмотреть все, что может пойти не так.

– «Вальс золотистых листьев»! – объявил распорядитель бала.

Патрик все еще держал мою ладонь после тура лунарии. Мы оба знали, что сейчас произойдет.

– Ты уверена? – одними губами произнес брат.

– Да! Я должна!

«Должна победить свой страх!» – мысленно добавила я, иначе ужас перед Адрианом никогда меня не оставит. Даже когда пройдет много лет и жизнь моя, дай боги, будет спокойна и счастлива, виконт Дейтон станет приходить по ночам во сне, чтобы мучить меня, придавливая коленом живот и впиваясь в губы жадным поцелуем.

– Дружище! Позволь и мне танцевать с нашей прелестной хозяйкой бала.

Вот и Адриан, легок на помине. Уверенный, сияющий, чуть более пьяный, чем в прошлый раз: Яр влил в него несколько бокалов вина, так что теперь наследник графа Дейтона чувствовал себя так, словно ему море по колено, а самонадеянность еще никого не доводила до добра.

– Если Вивиан не против, – сказал Патрик, внимательно посмотрев мне в глаза.

Сердце заколотилось о ребра, но я улыбнулась и ответила:

– Я согласна.

Адриан решительно вел меня в танце, твердо, по-хозяйски сжимая ладонь. Теперь все недомолвки и оговорки, которые так смущали меня в прошлый раз, стали понятны.

– Ты уже не ребенок, Вивиана. Сегодня я увидел, как ты расцвела, – сказал мерзавец.

А я слышала: «Наконец-то я дождался момента, когда мы без лишней волокиты сможем заключить брак. Ты совершеннолетняя, значит, и согласия родителей не потребуется. Они ведь как-никак будут мертвы!»

Я затряслась, но не от страха – от ненависти и гнева.

– Тебе нехорошо, Ви? Выйдем подышать свежим воздухом.

Мы прошли на террасу мимо Патрика и Латифы, стоящих у выхода. Брат делал вид, что отдает Лайти, одетой в форму служанки, какие-то распоряжения. Латифа едва заметно кивнула: «Держись, мы страхуем».

Адриан, как в прошлый раз, отвел меня к дальней скамеечке, укутал в плед. Попытался отыскать мои пальцы, но запутался в складках материи. Ни за что не позволю, чтобы он еще хоть единожды коснулся меня.

Неярко горел светильник, красные отсветы ложились на лицо Адриана, будто напоминая, что передо мной чудовище и руки его в крови. В душу забрался нехороший холодок.

– Котенок, где твои коготки? – раздался веселый голос.

Яр! Он, невидимый Адриану, стоял у деревянных ступеней, облокотившись о перила – в двух шагах от меня. Фух! Наверное, с самого начала был рядом, скрывался в тени, как мы и планировали, а я с перепугу и не заметила.

– Что там, Ви? – озабоченно спросил Адриан.

Беспокоишься, что я заметила движение у ворот? Какой ты нервный и трусливый, Адриан, ты ведь сам их откроешь!

– Ветер... – Я пожала плечом и повернулась к несостоявшемуся женишку. – Ты хотел о чем-то поговорить?

Я спокойно смотрела на Адриана, и он, похоже, растерялся. Он ожидал увидеть трепещущую девочку, какой я и была до сегодняшнего дня. Глупышку, с которой можно забавляться, – она и слова против не скажет. В прошлый раз, когда я сидела на этой скамейке и Адриан без разрешения засунул в мой рот свой мерзкий язык, он даже не схлопотал по самодовольной роже. Я лишь хлопала глазами и дрожала. Дурочка. Маленькая наивная дурочка.

– Скажи, Ви, ты ведь как единственная дочь графа зачарована на рождение первенца-мальчика? – выдал он без подготовки, без загадочно-интригующих фраз про то, что я выросла и стала взрослой.

Я рассмеялась, глядя ему в лицо.

– Почему тебя это интересует, сосед? Такие вопросы может задавать только жених, да и то если помолвка уже состоялась.

Налет воспитанности слетел с виконта Дейтона. Он придвинулся, навис надо мной, но я, хоть дыхание и перехватывало, не отстранилась и смело посмотрела в глаза Адриана.

– Возможно, ты недалеко от истины, дорогая Вивиана, – прошипел он. – Сегодняшний вечер может тебя удивить.

– Ты прав, Адриан, – громко произнесла я. – Жизнь – такая непредсказуемая вещь. Полна сюрпризов. Порой неприятных! Рассчитываешь на одно – получаешь другое.

Адриан ошарашенно уставился на меня, еще бы, ведь я практически сняла с языка его же слова, будто подслушала мысли. Я усмехнулась:

– Возвращайся на праздник, Адриан, и повеселись. Впереди долгая ночь.

Я услышала, как хмыкнул Яр – оценил мой ход, ведь в прошлый раз именно Адриан сказал эти фразы. А ведь он уже знал, почему предстоящая ночь станет для меня самой долгой и самой страшной в жизни. Мерзавец.

И я расхохоталась, глядя в лицо своему страху. Адриана перекосило от злости. Он схватил меня за плечи, сжал, наклонился, чтобы заткнуть рот собственническим жестоким поцелуем. Но, прежде чем Яр бросился на помощь – он дернулся навстречу, – я сложила пальцы в защитном жесте. Волна магии отбросила Адриана. Он слетел со скамейки и шлепнулся у моих ног на пятую точку. Он даже не понял, что произошло. Пополз, отталкиваясь ногами. Такой жалкий, ничтожный... Если и оставался в моей душе какой-то страх, он окончательно развеялся в эту секунду.

Адриан вскочил на ноги, потирая ушибленный зад. Сбежал по ступеням и только тогда, с безопасного расстояния, крикнул:

– Ты еще пожалеешь!

Несостоявшийся жених скрылся в сумраке сада. Я знала, куда он направляется, и грудь словно пронзила ледяная игла. Мы все предусмотрели, но почему тогда так страшно?

Однако холод в сердце растаял, когда я очутилась в объятиях Яра. Он ждал, пока я приду в себя, не торопил, гладил по плечам и дышал в макушку.

– Я горжусь тобой, Ви. Моя смелая девочка. Не буду больше звать тебя зайчишкой. Ну какая же ты зайчишка?

– Котенок с коготками? – пробурчала я: вышло неразборчиво, ведь я стояла, уткнувшись носом в грудь моего любимого джинна.

– Кошечка. Ласковая и мягкая, но иногда опасная.

Он взял мое лицо в ладони и нежно поцеловал. Так, целуясь, нас и застали Патрик и Латифа, которые прибежали на веранду, не дождавшись моего возвращения в зал: мы заранее договорились, что они появятся через три минуты, если я не вернусь.

Патрик хрипло простонал:

– Яр, как сдержаться и не надавать тебе по шее! Ты целуешь мою сестру! У меня на глазах! И я должен это терпеть? Зар-раза!

Пату трудно смириться, что его младшая сестренка повзрослела так быстро. Надо дать ему время привыкнуть. Поэтому я чуть отодвинулась от Яра, улыбнулась брату. И это он пока не знает, чем я заплатила за свободу джиннов!

А вот Лайти догадалась. Она, улучив минуту, подошла ко мне, когда я осталась одна в гостиной, и крепко молча обняла: слова сейчас только помешали бы.

– Эй, малыш, полегче! – воскликнула она сейчас. – Ви не обязана перед тобой отчитываться. Это ее выбор. Ее и Арслана.

Патрик мрачно пробормотал что-то себе под нос. Бедный Пат. Будь его воля, он бы всю жизнь ходил рядом со мной с дубьем, отгоняя настойчивых кавалеров.

– Адриан ушел открывать ворота, – напомнил Яр после затянувшейся паузы. – Пора переходить к следующей части плана.

– Да, возвращайтесь, мы вас догоним, – кивнула Лайти.

Я обернулась на пороге у входа в зал и издала изумленный сип, очень напоминающий недавний стон Патрика: Латифа и мой брат страстно целовались, прильнув друг к другу.

– Эй, – прошептал на ухо Яр. – Это выбор Пата. Его и Латифы.

Мы вернулись в зал, где перед моими глазами предстала мирная картина. Гости, не зная о грядущей беде, весело отплясывали. Толстяк Филипп Коннорс и Август Леман кружили в танце сестер Бейли. Всё почти один в один как в прошлый раз, только мама танцевала с папой, он теперь ни на минуту оставлял ее одну.

Осталось совсем чуть-чуть до начала роковых событий. Сердце тоскливо сжалось.

Я нашла взглядом графа Дейтона и барона Фарли, оба выглядели довольными и безмятежными. Граф Дейтон сказал что-то собеседнику, тот рассмеялся и поднял бокал с вином. Они уже праздновали победу.

– В этот раз все будет иначе, – тихо сказал Яр, положив ладонь мне на плечо. – Я рядом.

– Спасибо, – прошептала я, и плевать, что Камилла Бейли покосилась с недоумением, не понимая, почему лакей ведет себя с хозяйкой бала по-свойски.

С террасы возвратились Патрик и Латифа. Патрик сиял, как начищенная золотая монета, но увидел Томаса Дейтона и сделался серьезен.

Лайти встала у выхода – она не выпустит Далилу Дейтон и Изабеллу Фарли, которые попытаются скрыться в начавшейся суматохе.

– Наступило время «Каскада», – возвестил распорядитель бала.

Яр кивнул и отправился в сторону музыкантов, занял место слева от скрипача. Там же, рядом с оркестром, замер в нише стены Хафиз. Его обычно добродушные, с легкой хитринкой глаза смотрели остро.

Ко мне подошел Патрик, на мгновение притянул к себе, поцеловал в лоб.

– Повеселимся, стрекозка? – И беззаботно, белозубо улыбнулся, скрывая волнение.

– Полет бабочек! – объявил распорядитель.

Это я настояла заменить первую фигуру танца, никаких больше «мышеловок», а бабочки... Они напоминали мне о Яре.

Слуги внесли в зал корзины, где, как и в прошлый раз, находились разноцветные ленты, да только теперь на них не было бубенцов, зато на каждой лежало заклятие, защищающее от ран. Лезвие кинжала пройдет мимо, острие меча промахнется, стрела уйдет в сторону – хоть у разбойников, которые появятся в доме с минуты на минуту, не было стрел, подстраховаться не помешает. Латифа и Хафиз потратили несколько часов, зачаровывая каждую ленту.

– Полет бабочек? – изумленно воскликнул граф Дейтон.

Он быстрыми шагами приблизился к распорядителю бала и пронзил его суровым взглядом, под которым тот сгорбился и втянул голову в плечи. Да ведь они в сговоре! Как я сразу не поняла?

– Именинница пожелала эту фигуру танца, – пролепетал распорядитель.

Томас Дейтон зло уставился на меня, но я смело вздернула подбородок.

– Ленты должны повязать все, и мужчины, и женщины, – сказала я, возвысив голос. – Цель фигуры – отыскать в танце свою пару с лентой того же цвета.

– Да мы знаем, знаем! – перебил меня Август.

Сестры Бейли, хихикая, спорили из-за ленты синего цвета, вторая как раз болталась на запястье Августа. Патрик повязал себе и мне фиолетовые.

– А что же вы не участвуете, милый граф? – спросила я у Томаса Дейтона. – И прелестная графиня Далила? Подходите, подходите!

Граф Дейтон обменялся с бароном Фарли встревоженными взглядами: все шло не так, как они задумывали. Отказать хозяйке бала – нарушение всех традиций, моветон. Граф Дейтон едва сумел совладать с лицом, так его перекосило!

Я собственноручно повязала дорогим соседям ленты: алые – Дейтонам и карминовые – Фарли. Латифа, беспокоясь, что я могу перепутать, положила эти ленты немного в стороне от всех остальных.

– Разве не будут выключать свет? – прощепетала Изабелла Фарли ненатуральным писклявым голосом. – Ой, а мне так хотелось потанцевать в темноте.

– Позже! – Я обезоруживающе улыбнулась. – Но этот танец вам тоже понравится!

Зазвучали первые такты вальса. В зале ярко горел свет. Гости разбежались кто куда, чтобы потом, кружась в танце, отыскать и выхватить из толпы свою пару.

Во всеобщем веселье никто не обратил внимания, что хозяева дома нарушают правила: я осталась рядом с Патом, а папа не отходил от мамы.

Мой взгляд метался по залу.

Яр, Хафиз и Латифа приняли боевую стойку, чуть подавшись вперед, сжав кулаки.

Граф Дейтон оттеснил жену к стене и поднял ладонь, давая знак своему сообщнику: они решили идти до конца, пусть план и пошел по другому сценарию.

Двустворчатая дверь с одной стороны зала и дверь террасы распахнулись, пропуская людей в черных масках. Они, ослепленные ярким светом, закрывали лица руками и топтались на месте – эффект неожиданности был потерян. Зато их увидели все – гости, музыканты и мы.

Главарь разбойников – я узнала его – отдал короткую команду своим пособникам, указывая на нас с Патриком, а сам бросился к отцу, взмахнул мечом!.. Я вскрикнула. Выругался главарь: лезвие мазнуло по воздуху, немного не дотянувшись до груди отца. Я в страхе и забыла, что на руке папы заговоренная Латифой лента.

Разбойники рассыпались по залу. Грохотали об пол, выбивая мраморную крошку, шары кистеней, лязгала сталь, в ужасе кричали женщины.

Наемники драли глотки, извергая ругательства, надеясь запугать гостей и выбить преимущество. Но острия ножей, как заговоренные – да ведь так оно и было, – не могли никого ранить, а гости успели выхватить оружие.

– Именем короля!.. – провозгласил граф Дейтон, но он тут же осекся на полуслове.

Он сам, его жена и супруги Фарли застыли посреди поля боя причудливыми статуями. Судя по выпученным глазам, они все слышали и осознавали, только не могли пошевелиться: заговоренные Латифой ленты сделали свое дело.

Битва между тем, не успев разгореться в полную силу, затухала. Яр, Хафиз и Латифа с трех сторон теснили наемников в черных

плащах и масках в центр зала, сминали их воздушной волной.

Тут случилось непредвиденное: один из разбойников оказался магом и пробил блокаду, образовав в щите узкий проход. Не знаю, насколько бы хватило его сил, но достаточно было и того, что головорезы бросились прочь...

Но тут же будто наскочили на невидимую стену. Хотя «стена» была вполне видима, осязаема и чрезвычайно сурова: подоспели боевые маги. И как много! Они оцепили помещение по периметру, и сразу сделалось понятно, что без их позволения никто не покинет зал.

Последними зашли мастер Эрмин и мастер Верейс – мой прошлый, будущий, а вернее, несостоявшийся куратор первого курса боевого факультета. Я вздохнула с толикой грусти и в то же время облегчения: хорошо, что Яр в облике Питера никогда не приложит достойного мага дубиной по голове.

Мастер Верейс щелкнул пальцами, и граф Дейтон отмер, закашлялся, схватившись за горло, но скоро взял себя в руки, распрямился и указал на моего отца.

– Это государственный преступник! Я действую по приказу короля!

– Да? И где же он? – спокойно спросил мастер Верейс.

– Кто? Что?

– Приказ короля. А вот у меня личное распоряжение от его величества Карла II задержать преступников и заговорщиков, посягающих на жизнь и здоровье графа Киллиана Арчера и его семьи.

Мастер Верейс вынул из воздуха и продемонстрировал Томасу Дейтону свиток, запечатанный сургучом с оттиском герба дома Корнуолла с перекрещенными пиками и василиском.

Мы с братом переглянулись, и Патрик улыбнулся краешками губ.

Им с отцом все удалось! Сенешаль короля лорд Айман, а на самом деле ныне свободный джинн Фархан Бадр Джазим, вовсе не хотел утратить власть и влияние при дворе. Он не отказался от союзников в лице древнего аристократического рода Арчер. А Карл... Карл просто слабый мальчишка, который сам по себе ничего не решает! Он сдулся после того, как отец продемонстрировал кристалл-вестник с записью и пообещал передать его совету.

Граф Дейтон растерял все слова, он беззвучно открывал и закрывал рот и даже не пытался сопротивляться, когда один из боевых

магов, взяв его за плечо, повел его к выходу.

Ко мне подошел мастер Эрмин, кивнул.

– Удачный улов, – сказал он. – Столько заговорщиков сразу.

– Куда вы их сейчас?

– Через телепорт напрямик в городскую тюрьму. Камеры готовы.

И парням неплохо заплатили за работу... Удачи, леди Вивиана.

– Спасибо вам за все! Вы этого не помните, но на самом деле вы мне очень-очень помогли!

Я опустила руку в карман и достала колечко – сигнальный артефакт.

– Оставь себе, – сказал мастер Эрмин и подмигнул. – Мало ли – пригодится.

Зал постепенно пустел. Я, глядя, как разбойников одного за другим выводят прочь, обмякла, будто воздушный шар, из которого выпустили воздух. Прислонилась к плечу Патрика, он обнял меня за талию. Леди Бейли рыдала, вцепившись в дочерей. Служанка совала ей под нос нюхательную соль. Барон Коннор отирал со лба испарину, не зная, что чудом избежал смерти. Его сын Филипп и малой Август Леманн возбужденно переговаривались, вид у них при этом был героический и воинственный: наверное, представляли, как стали бы сражаться с головорезами, если бы боевые маги – вот незадача! – им не помешали. Хорошо, что они никогда не узнают, как все случилось на самом деле...

Неужели это победа? Все? Больше нечего бояться?

– А где Адриан? – вдруг вспомнила я.

Яр и Патрик оставили меня под присмотром Хафиза и Латифы, а сами отправились на поиски виконта Дейтона. Патрик, взяв в помощники трех боевых магов, пошел осматривать дом, Яр метнулся в тюрьму, чтобы выяснить, нет ли Адриана среди арестованных, но тот будто в воду канул.

– Он сбежал, – уверенно сказала я, когда парни вернулись. – Он ведь трус. Вышел из ворот во время суматохи и теперь отсиживается где-нибудь под кустом.

– И все-таки кто-то из нас все время будет рядом с тобой, – сказал Патрик.

Что же, я не возражала.

Хаос, воцарившийся после нападения, сходил на нет. Арестованных увели. Музыканты, получив расчет и щедрые чаевые, отправились через телепорт в столицу. Бейли тоже предпочли возвратиться домой, Коннорсы и Леманны остались ночевать – слуги проводили их в гостевые спальни.

Мамуля загоняла горничных и лакеев, требуя навести порядок в зале немедленно, не дожидаясь утра. Однако хоть столы и стулья унесли, капли крови оттерли, а мраморную крошку собрали, выщербленные плиты невозможно было заменить прямо сейчас. Мама беспомощно разрыдалась: дало о себе знать нервное напряжение. Мы с братом поспешили к ней, чтобы утешить, но папа нас опередил.

– Пойдем спать, Элинора, утро вечера мудренее, – ласково прошептал он.

И бережно повел за собой, обнимая за плечи.

Последним попрощался Хафиз.

– Завтра пойду на прием к ректору академии, – бодро сообщил он. – Посмотрим, сколько он мне предложит за работу! А то, может, я еще подумаю – мои услуги стоят недешево!

И пожилой мудрый джинн довольно улыбнулся.

В конце концов в опустевшем бальном зале остались только мы четверо.

– Девочки, я вам тоже предлагаю отправиться на боковую! – сказал Пат. – Ложитесь в спальне Ви, а мы с Яром покараулим. Пока не выясним, что с Адрианом и где он, нужно соблюдать осторожность.

Латифа фыркнула.

– Малыш, за мной не нужно приглядывать!

Патрик заморгал, вспомнив, что перед ним не хрупкая девушка, а сильный маг, а Лайти притянула его за воротник сюртука и нежно поцеловала в губы.

– Спасибо, мой защитник.

– Я не усну, – призналась я.

В крови до сих пор бурлило возбуждение. Что толку, если я лягу в кровать – только проворочаюсь до утра, снова и снова прокручивая в памяти события вечера.

– Пойду подышу воздухом.

Дверь на террасу стояла нараспашку. Сегодня ее столько раз открывали и закрывали, что петли перекошились и дверь повисла. Занавеска колыхалась от прохладного ночного ветра.

Идея немного освежиться пришлась всем по душе. Латифа и Патрик сели на скамейку, обнявшись. Вот теперь и я ощутила легкий укол ревности. Как так? Любимый брат, который всегда заботился лишь обо мне, беспокоится о другой девушке! Но я улыбнулась и прогнала глупую печаль. На самом деле я рада, что Лайти и Патрик понравились друг другу. Ведь рядом со мной есть человек, который станет обнимать и оберегать меня.

Я подошла к перилам и вздохнула полной грудью, глядя на силуэты деревьев. Яр отошел за пледом – всего-то несколько шагов в сторону. Я осталась одна на мгновение.

Этого хватило.

Темная тень перемахнула ограждение, под ребра уперлось лезвие кинжала, а горло сдавила мужская рука. Адриан!

Он все это время скрывался под настилом террасы. Это ведь я сама пару месяцев назад показала ему, как можно отодвинуть доски, чтобы забраться вовнутрь. Здесь было мое убежище, тайное место, о котором не знал даже брат, – а вот Адриану, в которого я была влюблена без памяти, я сказала! Наивная Ви!

Защитит ли заговоренная ленточка от прямого удара в сердце? Раз, другой – да, а потом магия развеется.

Адриан заслонился мной от Яра, Патрика и Латифы.

– Не трогай сестру, – примирительно сказал Пат, подняв ладони. – Давай поговорим. Ты отпустишь Ви, а мы отпустим тебя.

– Так я вам и поверил! – выплюнул Адриан, и до меня долетела вонь его кислого винного дыхания. – Мне терять нечего, но и свою драгоценную Вивиану вы не получите. Прощайтесь.

Виконт Дейтон хрипло засмеялся. Острие кольнуло в бок, однако не вошло в тело, лишь чуть поцарапало кожу. Адриан не знал про ленточку и на мгновение растерялся.

Дальнейшие события уместились по времени между двумя ударами сердца. Яр метнулся к Адриану, вырвал меня из его хватки, а Патрик, кажется, даже не осознавая, что делает, сложил пальцы в боевом жесте. Адриан странно дернулся, раздался хруст – сначала костей, потом, еще более громкий, ломающихся перил. Виконт Дейтон откинулся назад всем телом, проломил ограждение, упал на землю и затих.

Мы подошли к краю террасы. Адриан распластался на клумбе, на любимых розовых кустах мамы. Его конечности изогнулись под немислимыми углами. На лице застыло недоверчивое и словно обиженное выражение: «Как такое могло случиться со мной?»

– Ого, малыш! Отличная реакция! – с одобрением произнесла Латифа, ничуть не смущенная зрелищем мертвого человека: она и не такое повидала в жизни. – Понравилось использовать магию?

Патрик с некоторым опасением и в то же время с восторгом рассматривал свои пальцы.

Яр ощупывал мой бок.

– Ви, больно? Сейчас, сейчас...

Но разрезе на платье не появилось и капельки крови.

– Кошки больнее царапают, – улыбнулась я.

Яр сгреб меня в объятия, прижал к груди так, что выбил воздух из легких. Я закашлялась, потом засмеялась, но и не подумала вырваться. Под ливреей громко и уверенно стучало живое, горячее сердце.

– Как сильно бьется, – прошептала я.

– Это ради тебя...

После того, как тело Адриана забрали, мы остались на террасе. Латифа и Патрик на одной скамейке, укрывшись пледом, мы с Яром –

на другой. Я задремала, положив голову ему на плечо.

А когда проснулась – над миром вставала заря нового дня.

Эпилог

Я ждала Патрика на ступенях Академии и уже немножко начала подмерзать – изо рта вырывались облачка пара. Я приплясывала на месте и грела руки в мутоновой муфте. Пат отправился к преподавателю истории права договариваться насчет пересдачи: зачет он завалил, в отличие от меня.

Мы вместе поступили на юридический факультет, к изумлению родителей, которые никак не ожидали от дочери таких стремлений. Хотя после дня моего восемнадцатилетия, поставившего жизнь с ног на голову, отец и мама были готовы к любому повороту событий. Предательство соседей, разбойное нападение, джинны, которые пришли на помощь, – в какой-то момент просто перестаешь удивляться.

Поэтому, когда Яр на следующий день попросил моей руки, отец только вздохнул, понимая, что мы обойдемся и без его согласия.

– Как ты собираешься обеспечивать мою дочь? – спросил он. – Конечно, у Вивиан хорошее приданое...

– Я сдам экзамены в академии магии экстерном и получу диплом мага. Ваша дочь и ваши внуки ни в чем не будут нуждаться.

Яр говорил вежливо, но твердо. Отец покачал головой и посмотрел на меня, встретился глазами с мамой – она кивнула. Графу Киллиану Арчеру, аристократу до мозга костей, еще неделю назад сама мысль о том, чтобы выдать дочь за человека без рода и племени, показалась бы дикой, но теперь все изменилось.

– А я решила поступить на юридический факультет вместе с Патриком, – сказала я. – Мы будем сами зарабатывать себе на жизнь.

Мамуля вскрикнула, не сдержав чувств.

– Мама, ты будешь гордиться мной, обещаю!

Родителям трудно оказалось смириться, но они уступили. События закрутились стремительно. Мы с Яром заключили брак через несколько дней. Обошлось без пышного торжества, на церемонии присутствовали родители, брат и Латифа. И пусть сама свадьба получилась скромной, мне для счастья и не нужно было толпы гостей и столов, которые ломались бы от угощений: достаточно любимого

рядом. Обручальное кольцо – подарок мужа – заставило рассмеяться от восторга: сюрприз удался на славу. Яр изготовил его из золота браслета-артефакта, в центре красовалась бабочка, чьи крылышки искрились крошечными бриллиантами, а внутри ободка шла надпись: «Навеки твой».

Мы с Патриком поступили на один курс, причем, как выяснилось, я учусь ничуть не хуже, а иногда и лучше.

Яр, как и обещал, сдал экзамены, получил диплом мага высшего разряда. Мы снимали небольшой одноэтажный домик не в самом престижном районе столицы, но зато на свои деньги.

Яр принимал клиентов в собственном кабинете, сменив расшитый золотыми узорами халат на строгий костюм практикующего мага. Он продолжил дело, когда-то придуманное им и Хафизом, помогая людям избавиться от вредных привычек, найти потерянную вещь или зачаровать артефакт. Над входом красовалась табличка «Бюро магических услуг».

Патрик и Латифа снимали квартиру на соседней улице. Лайти неожиданно для всех нас открыла в том же доме, на первом этаже, ателье. От клиентов отбоя не было, ведь каждый, прежде чем заказать платье или костюм, мог примерить на себя иллюзию. Некоторые покупали иллюзии на один вечер – такой наряд мог себе позволить и небогатый горожанин. Ателье процветало.

Хафиз работает в Академии, теперь на жаловании преподавателя. Учит студентов творить иллюзии и очень доволен жизнью. Вечером выходит прогуляться и полюбоваться на звезды. Иногда они с Ярм встречаются, чтобы посидеть в трактире с кружечкой эля, а мы с Лайти частенько устраиваем посиделки в кофейне.

Она мне рассказала, что герцог отыскал ее и слезно умолял вернуться домой. Обещал золотые горы и даже обручальное кольцо.

– Что ты ответила? – спросила я, почему-то вдруг испугавшись.

– Я напомнила ему, что сгустки темной материи не умеют любить! – сказала Латифа со злым смехом, но потом раздражение на ее лице сменилось нежностью. – А вот Патрик никогда не сомневался, что у меня есть чувства.

***

– Патрик, ну ты где? – сердито пробормотала я. – Я так совсем заледенею.

Я собиралась было вернуться в вестибюль, чтобы погреться, но в этот момент к крыльцу подъехал экипаж, из него едва ли не на ходу выскочил Яр. Меня укутала волна теплого воздуха, точно на плечи накинули пушистую меховую шубу. А следом и мой любимый муж заключил меня в объятия, поцеловал в кончик носа.

– Ви! Просто ледышка! Давай руки! Ты почему здесь? Где Пат?

Яр взял мои пальцы и принялся растирать их.

– А ты-то почему здесь? – изумилась я.

– Соскучился! – сообщил Яр будто само собой разумеющееся. – К тому же получил сейчас неплохой заказ на партию амулетов и подумал, что это дело надо отметить! Где этот разгильдяй? Я решил, что заберу вас, потом заедем за Лайти и отправимся в «Купеческий дворик». Столик я заказал.

Я уткнулась в грудь Яра, пряча слезы. В такие моменты, как этот, меня захлестывали сильные чувства, и как никогда остро я ощущала, что жива, счастлива и любима. Подумать страшно, что было бы, если бы Патрик не подарил мне браслет. Моя судьба стала бы совсем иной...

– Пат договаривается насчет пересдачи, – пробормотала я, хлюпая носом.

– Эй, котенок, ну ты что?

Яр ласково приподнял мое лицо за подбородок и тихонько поцеловал.

С грохотом распахнулись двери, и на крыльцо выскочил сияющий Патрик. Пальто нараспашку, волосы дыбом – как бывает, когда брат в минуты волнения ерошит их пятерней.

– Яр! – воскликнул он, ничуть не удивившись. – Ви, я сдал! Предлагаю отметить успешное начало зимней сессии!

– Нас ждет столик в «Купеческом дворике», – как ни в чем не бывало сказал Яр.

– Что? Как ты узнал? А-а-а, – махнул рукой брат. – Эти маги!

Мы рассмеялись и поспешили к ожидающему нас экипажу.

«Жизнь такая сложная и прекрасная штука», – когда-то сказал мне брат. Теперь я была с этим полностью согласна!